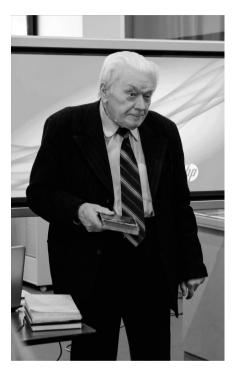

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ

Памяти Бориса Фёдоровича Егорова и Андрея Глебовича Булаха посвящается...

Борис Фёдорович Егоров (1926—2020)

Андрей Глебович Булах (1933-2020)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ БОТКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ **IV**

Санкт-Петербург 2021 ББК 63.3(2)52-8Боткины.я431 63.3(2)6-8.Боткины.я431 63.214(2)-3Боткины.я431

И 90

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов

Главный редактор

А. А. Бондаренко

Составитель выпуска

Е. В. Бакалдина

Редакционная коллегия выпуска:

Е. В. Бакалдина, А. А. Бондаренко (главный редактор), Ю. Ю. Будникова (литературный редактор), Н. Б. Ветошникова, Д. В. Делюкин, Т. В. Коренева, А. К. Мазаева-Каненга (ответственный секретарь), А. А. Савкина (заместитель главного редактора), Н. К. Матвеева (редактор)

И 90 **Исторические Боткинские чтения:** Вып. IV. – СПб.: Издание СПбГМИСР, 2021. – 240 с.: ил.

ISBN 978-5-299-01115-9

Сборник «Исторические Боткинские чтения» публикует наследие семьи Боткиных и современные исследования по истории, искусству, литературе, культурологии, археологии, естествознанию, источниковедению и другим наукам, освещает актуальные проблемы и достижения в области изучения семьи Боткиных.

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 18-я линия, д. 1 Тел.: +78123270830; тел./факс: +78123230885; http://www.roerich.spb.ru; http://www.roerich-heritage.org; e-mail: ab@roerich.spb.ru; vm@roerich.spb.ru; scs@roerich.spb.ru

© Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Музей-институт семьи Рерихов», 2021

ОТ РЕДАКЦИИ

Четвёртая Международная научно-практическая конференция «Исторические Боткинские чтения» пройдёт 22–23 июня 2021 года. Она призвана восполнить пробел, вызванный отсутствием конференций, посвящённых выдающейся семье Боткиных, давшей России и миру выдающихся врачей, учёных, художников, писателей, деятелей культуры, коммерческих деятелей, дипломатов, военных. «Исторические Боткинские чтения» – это один из научно-просветительских проектов, ориентированных на пропаганду традиций, выдающихся достижений и образцов петербургской и российской культуры.

Конференция «Исторические Боткинские чтения» проходит в Санкт-Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов, расположенном в особняке академика живописи, коллекционера и общественного деятеля Михаила Петровича Боткина (26 июля 1839 года — 22 января 1914 года по старому стилю). При М. П. Боткине особняк на Васильевском острове стал центром культуры и искусства. На протяжении более тридцати лет в особняк приходили известные художники, музыканты, литераторы, деятели культуры с целью посмотреть выдающуюся коллекцию М. П. Боткина, состоящую из античных, средневековых, ренессансных, древнерусских предметов и картин современников, расположенную в пяти комнатах особняка, побеседовать с хозяевами, отобедать или просто душевно провести время. Кроме того, дом Михаила Петровича Боткина был центром притяжения его собственной семьи. Именно здесь проходили многолюдные встречи представителей разных поколений семьи Боткиных, здесь часто гостили приезжающие родственники. После смерти старших братьев М. П. Боткин оставался патриархом семьи для своих детей, внуков, многочисленных племянников, внучатых племянников, крестников, можно сказать, был связующим звеном между ними.

С 2003 года, с тех пор как Музей-институт семьи Рерихов располагается в особняке Боткина, в нём часто проходят встречи потомков семьи Ботки-ных, проводятся семинары и лекции по боткинским темам. К настоящему времени музей стал центром изучения боткинского наследия как в Петербурге, так и за его пределами в России и за рубежом.

Настоящий сборник, состоящий из статей исследователей наследия семьи Боткиных, включает в себя три раздела: «Боткинское наследие», «Биографические материалы» и «Боткинские места». В сборнике также опубликованы источники, в частности, фрагмент воспоминаний В. В. Алышевского, в котором он делится своими детскими впечатлениями о встречах с представителями семьи Боткиных.

Сборник является ежегодным научным изданием Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов, где публикуется огромное наследие семьи Боткиных, представленное разнообразием много-

численных источников, тем и сюжетов. Сборник и конференция посвящаются памяти двух видных учёных – доктора геолого-минералогических наук Андрея Глебовича Булаха (29.03.1933 — 21.09.2020), проживавшего в особняке С. С. Боткина и бережно хранившего память о жильцах этого дома¹, и доктора филологических наук Бориса Фёдоровича Егорова (29.05.1926 — 03.10.2020), автора многочисленных работ, посвящённых Василию Петровичу Боткину и первого комплексного исследования о семье Боткиных².

Памяти А. Г. Булаха посвящены статьи Т. И. Ганф «Врачебная династия семьи Булах. Пересечения с Боткиными» и Ю. Л. Войтеховского «Орнаменты в интерьере особняка М. П. Боткина. Взгляд кристаллографа» в настоящем сборнике.

² Список трудов Б. Ф. Егорова, посвящённых Боткиным, приведён в разделе «Боткинское наследие».

І БОТКИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Т. И. ГАНФ

(Санкт-Петербург)

ПРОТОИЕРЕЙ ПЁТР АЛЕКСЕЕВИЧ СМИРНОВ – АВТОР ПРОЩАЛЬНЫХ СЛОВ О ВАСИЛИИ, ПАВЛЕ И СЕРГЕЕ БОТКИНЫХ

Аннотация. После смертей Василия Петровича и Сергея Петровича Боткиных в разных изданиях были опубликованы по несколько некрологов. Среди них выделяются прощальные слова, сказанные Петром Алексеевичем Смирновым, который был знаком с Боткиными со времени своего служения, священником в церкви св. Косьмы и Дамиана в Москве, где крестили, венчали и отпевали представителей боткинской семьи. В приложении к статье представлены тексты П. А. Смирнова.

Ключевые слова. Боткины, церковь свв. Косьмы и Дамиана, Библия, некролог.

T. I. GANF

(Saint Petersburg)

PROTOIEREY PETR ALEKSEEVICH SMIRNOV – AUTHOR OF NECROLOGUES ABOUT VASILY, PAUL AND SERGEI BOTKINS

Abstract. After the deaths of Vasily Petrovich and Sergei Petrovich Botkins, several necrologues were published in different issues. Among them, the farewell words spoken by Peter Alekseevich Smirnov, who was familiar with the Botkins from the time of his service as a priest in the Church of St. Kozma and Damian in Moscow, where the representatives of the Botkin family were baptized, married and buried. The annex to the article contains fragments of texts by P. A. Smirnov.

Keywords. Botkin, church of st. Kozma and Damian, Bible, necrologue.

Самый краткий некролог – эпитафия, обычно цитаты из Святого Писания, кратко излагающие главный путь, подвиг усопшего: любовь к ближним, верность и помощь близким, кроткое терпение скорбей. Возможно, из этого источника проистёк жанр некролога – текста, посвящённого памяти близкого, знакомого, соратника, коллеги. Немало прощальных слов в память членов семьи Боткиных было произнесено, запечатлено на страницах газет и журналов за подписями разных авто-

ров. Особое место среди них занимает проявивший неожиданную, долговременную расположенность к членам этой семьи священник Пётр Алексеевич Смирнов (11.03.1831 — 29.10.1907), настоятель храма свв. Косьмы и Дамиана на Маросейке в Москве – церкви, которая находилась недалеко от боткинского особняка в Петроверигском переулке и которую посещали представители семьи Боткиных.

Протоиерей Пётр Алексеевич Смирнов включил эти прощальные слова в Собрание слов и речей¹. Среди прочих слов прощания, произнесённых протоиереем, настоятелем Исаакиевского собора, мы не увидим «сильных мира сего». Маститый проповедник, один из выдающихся просветителей, учебники и пособия по Закону Божию которого были переведены на основные европейские языки и языки народов России, председатель Училищного совета при Святейшем Синоде, кавалер множества орденов, включая орден св. Александра Невского, вынес на публику только слова, произнесённые у гроба людей, близких его сердцу, дорогих ему соучастием и сопричастием, составлявших ближний и интимный круг общения. В своём большинстве это люди не публичные, не «властители умов», не выдающиеся государственные деятели.

В храме свв. Косьмы и Дамиана на Маросейке, где батюшка настоятельствовал, он окормлял всех, приписанных к приходу, сближаясь с благочестивыми прихожанами, старицами, не отмеченными чинами и богатством². Например, его поразило каждодневное посещение литургии одной старушкой, которое не прерывалось многие годы и отличалось таким постоянством, что отец Пётр посылал известить её в случае отмены службы, и она шла в другой храм. Принимая её исповеди, наблюдая её духовный труд, отец Пётр при её гробе произнёс прочувствованное Слово, прощаясь со своей «наставницей». В примечании к этой публикации он подробно описал её праведную кончину в храме во время чтения канона св. Андрея Критского³.

Прощаясь с почившим Павлом Петровичем Боткиным, скончавшимся в 1885 году в Петербурге, но, по желанию родных, погребённым возле родных могил на кладбище Покровского монастыря в Москве⁴, в день произнесения надгробного слова протоиерей Пётр Алексеевич Смирнов служил уже в другом храме – свв. апостолов Петра и Павла. Но, исполняя желание родных, проводил в последний путь своё духовное чадо. Этот некролог – образец стиля и в тоже время – богословский трактат, приоткрывающий нам причины многолетней привязанности священника к купеческой семье Боткиных: он увидел в ней сакральную устойчивость рода, соединённого любовью, снисходительность к слабостям ближних, умение жить с ближним и ради ближнего. Напомнив ветхозаветные, патриархальные времена, сюжеты обычая погребения родных совокупно, где бы они ни окончили свои дни, отец Пётр находит индивидуальные

слова благодарности и признательности усопшему – человеку, совершенно лишённому публичной оценки. Благословляя родных на молитву об усопшем, священник обращается к племянникам Павла Петровича: «В особенности вы, молодое поколение, не забудете своего доброго дядю и не престанете утешать его дух святыми своими тёплыми о нём молитвами. Помните, как он истощался в усилиях, чтобы чем-либо вас утешать и обрадовать»⁵.

Протоиерей Пётр Смирнов, покинув Москву ради более активного участия в делах всероссийского духовного и богословского просвещения при Святейшем Синоде в Петербурге, настоятельствует в кафедральном Исаакиевском соборе. При соборе он учреждает периодическое издание «Кафедра Исаакиевского собора», пишет и издаёт огромное количество книг, учебников, пособий, методических разработок преподавания Священной Истории и Закона Божьего, начиная от школ грамотности в армии и на заводах, кончая высшими учебными заведениями. Эти издания свидетельствуют не только о его знаниях, но и благодатном Даре Слова, обращённым к самым различным слоям общества, а также особой системности его мышления, восприятия окружающего мира, общества, понимания необходимости выработки более однородной духовной общности в многослойной социальности России.

Удивительно, что в Собрание сочинений, изданное в 1887 году, он включил Слово перед отпеванием писателя, потомственного почётного гражданина Василия Петровича Боткина⁶. Он прежде всего напоминает о тяжких и внезапных смертях двух братьев – Николая и Владимира, обрушившихся на семью Боткиных в 1869 году. И, призывая родных отрешиться от скорби, напоминает о надежде на воскресение, на вечность духа, освобождённого от ветхой телесной оболочки.

Слово в память Сергея Петровича Боткина также было произнесено, и даже опубликовано, но без подписи, в том разделе «Церковного вестника», редактором и основателем которого был отец Пётр Смирнов, который сейчас называются редакторская колонка. Из текста явствует, что автор некролога был знаком с Сергеем близко, можно сказать, интимно, с младых его лет, более всего соприкасаясь в сфере духовной. Текстологический анализ, событийный ряд, стилистика некролога подтверждают если не полное авторство, то несомненное соавторство Петра Алексеевича Смирнова. Неожиданная оценка и дань уважения, высказанная им в адрес Боткиных, значительно расходилась с мнением большинства, что его нисколько не смущало. А близость такого уникального и масштабного человека, как один из самых деятельных просветителей России – протоиерей и Председатель Училищного Совета Пётр Алексеевич Смирнов – задаёт иной масштаб семье Боткиных, упомянутых выше её членов, их уподобление Ветхозаветным Патриархам, приоткрывает для потомков

восприятие их жизни человеком, близко наблюдавшим их духовную внутреннюю жизнь, скрытую от посторонних глаз.

После тяжёлой болезни, в марте 1905 года, отец Пётр оценивает итог своей жизни в личном письме Константину Победоносцеву. «При последнем взрыве болезни я был очень близок к вратам смерти и чувствовал Суд Божий в своей совести, когда все иллюзии, которыми я облекал свой жизненный путь – исчезли, всем моим делам и мыслям явилась другая, строгая оценка, и глубоко восчувствовал я своё ничтожество и свои язвы духовныя, равно как суету всего того, чему здесь дают цену. И эти два месяца, которые переживаю после болезни, весьма много послужили к моему нравственному отрезвлению, за что в особенности благодарю Господа. Сидя, по прекрасному Вашему выражению, на берегу Вавилонской реки, повесив свой орган, я смотрю теперь на всё особым взором. Между прочим, утешаюсь великим зрелищем, как Господь налагает печать креста на многие дела великие. Крестом венчается каждое дело, угодное Богу, как, например, молитва, исходящая из сердца, как хлеб, подаваемый к алтарю. И этот крест, то есть сочетание с добрым делом скорбей, есть признак того, что Господу эта жертва угодна» 7 .

Слово перед отпеванием⁸ [писателя, потомственного почётного гражданина Василия Петровича Боткина (1811—1869)]

«Приидите, последнее целование дадим, братие, умершему, благодаряще Бога.

Давно ли, в этом храме был отпет брат, сражённый ужасною смертью на далёкой стороне, которому глаза закрыла рука чужая⁹. Не успела зарости его могила: другой брат, почти юноша, цветущий силами и здоровьем, счастливый муж, отец маленьких детей, внезапно посекается ударом смерти¹⁰. Вот и ещё тяжкая жертва. Доколе, Господи! Да престанет меч посекающий! Изреки страждущему дому мир и благословение!

Однако, как ни горька эта новая потеря и сама по себе, и от этого повторения ударов, церковь приглашает нас проводить умершего не только без ропота, но даже с благодарением. Благодарить среди радостей и счастья умел бы, и язычник... Верующее сердце христианина должно усмотреть светлый луч Божией милости и там, где простёрт, по-видимому, один мрак скорби. И, поражённое горем, оно должно устремляться к Богу с благодарным и хвалебным словом.

Придите, последнее целование дадим, братие, умершему, благодаряще Бога!

У гроба сходятся два пути: один, пройденный жизнью, другой – только что начинающийся. Какое обширное поприще взору веры!

Рождается младенец: что беззащитнее и несчастнее его? Но вот в глазах его загорается жизнь, лицо оживляется мыслью, уста изрекают [о]смысленное слово, он делается мужем труда, радует окружающих и, сходя в могилу, вызывает слёзы искреннего о себе сожаления: – разве всё это не чудо милости Божией? Разве за одну эту жизнь, вызванную из ничтожества, единственно по милосердию Создателя, мы не должны благодарить Его? Он взял дорогого нам человека, но Он и дал его, мы долго пользовались Божией милостию и, значит, велика была эта милость, когда лишение её вызывает горькие слезы и рыдания: этими и подобными мыслями верующее сердце должно ободрять себя среди скорби и располагать к благодарению.

Прошедшее раба Божия Василия представляет много и особенных поводов благодарить за него Создателя.

Он исполнил важное назначение старшего сына семьи многочисленной. На его разумный совет и деятельную помощь опирался отец при воспитании детей. За ним, как за первенцем и руководителем, дружною чередою шло восемь братьев и пять сестёр. Ему много обязаны все они своим образованием и направлением, выбором жизни и занятий по сердцу и призванию. И, если дом отеческий доселе стоит единый и нераздельный, если согласие и дружба доселе держат членов его в тесном неразрывном союзе; то не должно ли почитать великою Божией милостью, что во главе этого дома поставлен был муж, отличавшийся благоразумием и миролюбием, которого не могли не уважать младшие, и пример которого был для всех образцом...

Жизнь покойного не прошла даром и для общества: по милости к нему Божией, он владел особенным, почтенным даром, достоянием не многих, и немало потрудился на пользу просвещения. Имя его украсило сословие, из которого он вышел, родной город, и знакомо и любезно многим в России.

В кругу друзей и знакомых он всегда пользовался глубоким уважением, и смерть его вызывает отовсюду добрые, сочувственные о нём отзывы и непритворное сожаление. Но какова бы ни была земная жизнь человека, она – только рассвет – в сравнении с вечностью; у гроба – начало новой жизни...

Последние дни покойного раба Божия Василия представляли особенное зрелище: тело, поражённое во всех частях, не двигалось почти, как труп, а сознание было совершенно ясное и отчётливое. Мысль свободно вращалась в умном слове. В виду всех окружающих, ещё здесь, на земле, душа его жила независимо от тела, как бы отдельно от него. Поучительно было видеть это различие телесного существа от духа: ясно, что одному суждено тление и прах, другому – бессмертие.

Но какое бессмертие! Мрачная неизвестность одержала и томила язычника при мысли: куда пойдёт, где будет скитаться этот бессмертный дух, когда сбросит с себя свой прах земной! Святая вера наша озаряет светом загробный путь души, обновленной Божией благодатью. "Несть Бог, Бог мертвых, но Бог живых" (Мф, 22:32). (Иоанн, 11:25). "В дому Отца моего обителей много" (Иоанн: 14:2) – говорит нам распявшаяся за нас любовь Спасителя... В самом этом жалком, многоболезненном теле, которое рассыплется в прах, будет источено червями, таится, по благодати Божией, росток жизни вечной. "Ядый мою плоть и пияй мою кровь имать живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день" (Иоанн, 6:26). И эта смерть, столь страшная, этот предмет наших горьких слёз, в сущности, как и называли её древние христиане, есть день рождения в новую жизнь. начало новых, неизъяснимых милостей Божиих к человеку. Поэтому христиане должны не скорбеть безотрадно об умерших, как прочие, не имеющие упования, а утешать себя словами любви Божией и благодарить Спасителя, что в самой смерти Он открыл для нас источник жизни.

Братие христиане! Благодарение есть та же молитва. Признательное в милости Божией сердце смиренно предаёт себя и ближних на волю Божию, и этим смирением и покорностью привлекает на себя и на них Божие благоволение.

Благодаряще, с верою и смирением помолимся, да дарует Господь усопшему брату нашему Василию мир и да упокоит дух его! Аминь».

Слово при погребении Павла Петровича Боткина¹¹

Произнесено 7 января 1885 года в соборной церкви московского Покровского монастыря перед отпеванием и погребением Павла Петровича Боткина, скончавшегося в Санкт-Петербурге 2 января сего 1885 года.

«Наконец ты опять здесь, на своей родине, среди своих близких, и не только живых, но и умерших!..

Откуда этот обычай – умирающим собираться вместе под один земной слой, под одну земляную кровлю? Как при этом сразу меняется самый характер смерти! Она навсегда разлучает, и в то же время навсегда соединяет. То грозно карает нас, грешных, то, как страж, или приставник бережёт это место последнего покоя людей близких. Вот они стоят одна подле другой – дорогие родному чувству могилы. Сегодня ещё один холмик встанет среди них.

Обычай этот, братие, не только глубоко древний, но и священный. Наиболее древняя семейная погребальная пещера заключала в себе гробы Патриархов: Авраама, Исаака, Иакова и Иосифа. Происхождение её описано святым пророком Моисеем в священной книге Бытия, и здесь же указаны основания для сего учреждения. Основания эти глубоко лежат в сердце

человеческом. Первое основание – любовь – эта наиболее крепкая связь жизни человеческой. Это благородное чувство, возвышающее нас над мелочными интересами узкого своекорыстия и дающее истинную цену всем нашим действиям и отношениям.

Среди движений и порывов любви, потерявшей близкого, дорогого человека, возникло это желание – лечь рядом с ним в могиле. "И пришёл Авраам рыдать по Сарре и оплакивать её, и отошёл Авраам от умершей своей и говорил сынам Хетовым, и сказал: я у вас пришлец и поселенец; дайте мне в собственность место для гроба, чтобы мне умершую мою схоронить от глаз моих" (Быт. 23:3-4). Жители страны Ханаанской, по глубокому уважению и к нему, и к постигшему его горю, предлагали ему выбрать лучшее из своих погребальных мест, для погребения умершей. Тогда выбор его остановился на Махпельской пещере¹², которая находилась прямо против его палатки. Ему охотно дарили этот участок земли. Нет, он настоял, чтобы взята была за него довольная цена. Эта Махпельская пещера и сделалась потом усыпальницей ближайшего рода великого Патриарха и оберегается до сих пор, как святыня, и притом не одного христианского мира. И так, любовь устроила это совместное жительство по смерти, и любовь – родственная, семейная. В семье начало любви; отсюда, постепенно расширяясь, она обнимает всех людей, своих и чужих, самых врагов. В общей семейной усыпальнице она как бы возвращается к своему источнику и осеняет своими благословениями этот мирный сон лиц, столь тесно между собою связанных. Где бы ни трудился член родной семьи, где бы ни застигал его страшный смертный час, он возвращается к своим присным¹³, и в этой родной земле как бы снова является для него детская колыбель.

Но, братие, у святых Патриархов самая любовь, родственная ли или другая, основывались на более глубоком и сокровенном чувстве – вере. Она вдохновила Авраама на самый великий подвиг любви и самоотвержения, так прославивший его имя. "Верою Авраам, будучи искушаем, принёс в жертву Исаака, и, имея обетование, принёс единородного" (Евр. 11:17). Обетования эти были велики и простирались в лице этого отца верующих на необозримую даль, на все времена и народы. Кто мог бы проникнуть в тайны духа этого необыкновенного мужа древности и объяснить, почему он избрал место своего вечного покоя именно здесь, среди трёх миров – христианского, иудейского и магометанского, столь различных в своих религиозных воззрениях, и столь согласных в благоговейном уважении к его святой памяти?

Ближайшие же наследники его обетований, с погребением в его семейной пещере видимо соединяют права вожделенного наследия. Патриарх Иаков просил Иосифа оказать ему "милость и правду", не хоронить его в Египте "дабы лечь мне", говорил он, "с отцами моими". И,

когда Иосиф клятвой удостоверил его в исполнении этого желания, то Иаков поклонился на верх жезла своего, благодаря Бога за великие к нему милости (Быт. 4:29–30).

Иосиф, по своему высокому положению в Египте, мог бы найти там великолепное место для своего погребения, может быть, даже в этих колоссальных памятниках, которые, как высокие горы, возвышаются над равниной страны и смотрят на современный мир чрез сорок веков. Нет – и он, основываясь на вере в Божие обетование, данное Аврааму, просил евреев во время исшествия их из Египта, вынести и его кости.... Есть, братия, великие обетования и у всех отцов и братий ваших, зде лежащих u повсюду православных 14 , которые они разделяют вместе с нами, пока здесь пребывающими и ожидающими своей очереди, чтобы идти туда же. Какие обетования? - Что жизнь наша со смертью не кончится, что все наши мысли, желания, расположения, выразились ли они самим делом, или только усвоенные сердцем – суть начало нитей, имеющих продолжиться в безконечной вечности. Что, значит – все духовные связи, скреплённые в этой жизни, продлятся и там. Что настанет час, когда "все, сущие во гробах, услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут" (Иоанн. 5, 25-28). Уже этой одной минуты одновременного возстания из гробов к новой нескончаемой жизни достаточно для того, чтобы этим гробам людей, духовно между собой столь сроднившихся, ютиться вместе. Какая это будет оживлённая минута всеобщего пробуждения – теперь навеки разлучаемых! Какая необыкновенная радость свидания после стольких веков разлуки!.. Вместе проснуться, встать рядом, увидеть дорогих мать, отца, жену, братьев, сестер, детей, – какое счастье!

Но, братие, слышите – что далее говорит Господь наш: "И выйдут: кто делал добро – для воскресения жизни, а кто поступал порочно – для воскресения суда" (Иоанн. 5:29). Свидание и тот час же – разлучение! Разлучение на веки нескончаемые! Мгновенная радость и сейчас же – для многих самая страшная скорбь! "И пошлёт Господь ангелы своя с трубным гласом велиим и соберут избранных Его от четырёх ветр, от конец небес до конец их... и отлучат злых от праведных» (Матф. 24:31,). Тогда будут два на селе; один поемлется, а другой – оставляется" (Матф. 24:40). Как бы желательно было, чтобы эта радостная минута свидания была началом жизни вместе, неразлучно, на бесконечные веки! Что нужно для этого? Что может этому способствовать?

Прежде всего нужна живая и искренняя вера, сопровождаемая любовью, или, точнее сказать, выражающаяся в добрых делах. Одна матьстрадалица имела силу вынести, как пред её глазами самым ужасным образом замучили за святую веру до смерти шесть её сыновей. Вот она, изнеможенная до крайности, наклоняется к последнему, самому младшему своему сыну и говорит ему: "умоляю тебя, дитя моё, будь достоин братьев

твоих и прими смерть, чтобы я по милости Божьей опять приобрела тебя с братьями твоими" (2 Маккав. 7:29). Доблестная мать надеялась всех своих детей встретить в день воскресения и в этой надежде убеждала их быть единодушными в подвиге. Наши предки большей частью показывают нам пример благочестия. Отсюда правило для нас: если хочешь быть вместе с ними, подражай их вере.

К утешению своему можем сказать, что почивший собрат наш получил твёрдое религиозное воспитание под самым близким надзором строгого в благочестии родителя и добродетельной матери. Под сенью храма, где отец его был ктитором, а он – одним из ближайших его помощников¹⁵. Он удивлял нас знанием таких подробностей в церковном чинопоследовании, которые огромному большинству светских людей недоступны. Такое твёрдое направление к вере в юности – самое надёжное для человека. И сколько ни приражались к покойному веяния житейской суеты, сколько ни видел он противного вере и церкви в окружавшем его обществе в наше мятежное время, мы с полным упованием веры можем молиться о нём Богу духов "аще и согреши, но не отступи от Тебе, и несомненно во Отца, и Сына и Святаго Духа верова и Единицу в Троице и Троицу во Единице православно даже до последнего своего издыхания исповеда" (слова церк[овной] молитвы).

Покойный вынес пред своею кончиной продолжительную тяжёлую болезнь и донёс этот крест до последней минуты. Такие продолжительные болезни пред кончиной представляют особенный путь Божественного промысла для приготовления к вечности. Здесь, как бы раскалённым железом, выжигается в душе человека всё нечистое. И мощная десница Небесного Отца в самое нужное время подклоняет его под сень спасающей Благодати Сына.

Остальное зависит от молитв церкви, в которых и ваша молитва, присные и знаемые покойного, пока Господь ещё длит день нашей жизни, имеет для него великое и важное значение. Вспомните этого доброго, ласкового, приветливого, ко всем благорасположенного человека – и молитесь о нём. В особенности, надеюсь, вы, молодое поколение, не забудете своего доброго дядю и не престанете утешать его дух своими тёплыми о нём молитвами. Помните, как он истощался в усилиях, чтобы чем-либо вас утешить и обрадовать.

Начнём же это дело любви христианской и вознесём усердную Молитву в этот важный для него час, чтобы успокоил его Господь в числе ему благоугодивших.

Аминь».

Сергей Петрович Боткин¹⁶

«30 декабря [1889 года] с особенным торжеством совершено было в Санкт-Петербургском Новодевичьем монастыре отпевание и погребение лейб-медика, заслуженного профессора Императорской Военно-Медицинской академии, тайного советника Сергея Петровича Боткина, скончавшегося 12-го декабря в городе Ментоне, на юге Франции.

Имя Сергея Петровича Боткина известно всей России, как первого диагноста-врача. Кроме сего, покойный приобрёл право на всеобщее уважение, как замечательный профессор, глубоко влиявший на умы и сердца слушателей и воспитавший целое поколение просвещённых врачей, в числе коих были и есть знаменитые профессоры, и замечательный общественный деятель, много поработавший над вопросом об улучшении больниц и городов, в особенности – Петербурга, в санитарном отношении. В числе особенных заслуг покойного врача-профессора поставляется, что он вызывал к просвещённой врачебной деятельности, в особенности, – русские силы и был весьма доступен и внимателен ко всем нуждавшимся в его совете и помощи, не различая богатого от бедного. Одной из особенно важных заслуг Боткина, прославивших его имя, было излечение от тяжкой, считавшейся неизлечимой, болезни Государыни Императрицы Марии Александровны.

В сообщениях о жизни покойного указано несколько замечательных, так называемых, случайностей. Окончив среднее образование в одном из пансионов, он имел особое влечение к изучению математики. Но, перед поступлением его в университет, приём во все факультеты был закрыт, кроме одного медицинского. И этот путь, на который молодой человек вступил как бы против воли, оказался истинным его призванием. Другая случайность: блестяще окончив курс, врач Боткин, по почину великой княгини Елены Павловны, и при её высоком покровительстве, был отправлен в Крым на театр военных действий в распоряжение Пирогова. Там он видит страшные страдания раненых и умиравших. И в то же время видит силу знания – в знаменитом враче воспламеняется ещё более желание учиться. Пять лет на свой счёт учится за границей у всех знаменитостей. И, возвратившись, твёрдо становится на тот путь, на котором стяжал такую великую славу. В этих случайностях не открываются ли яснее пути Провидения, пути, видные для внимательных не только в жизни людей выдающихся, но и в жизни каждого человека, как бы низко ни стоял он на лестнице общественных положений?

С. П. Боткин родился в Москве в 1832 году и принадлежал к местной купеческой семье. Его дед и отец, прибывшие в Москву из Пскова¹⁷, были известные московские оптовые чайной торговли. Торговое дело с честью продолжают братья Боткина. Отец его, усерднейший сын церкви, был

ктитором одной из московских церквей. И дети, в том числе и покойный врач, были его ближайшими помощниками.

Не лишено, может быть значения и то обстоятельство, что этот храм – единственный в богатой храмами Москве, посвящён Спасителю, Исцелителю расслабленного, и, по одному из приделов – носит имя святых врачей-бессребренников Косьмы и Дамиана. Впечатления детства так сильны! Дитя и отрок Боткин видел болящих, припадавших к чудотворной иконе Спасителя и часто раздавались слова молитвенной песни: "Туне приясте, туне дадите".

Заупокойную Литургию и отпевание совершил преосвященный Владимир, епископ Нарвский, соборне. После причастного стиха профессор богословия Императорской Военно-медицинской академии Священник Алексей Сергеевич Лебедев почтил знаменитого сослуживца задушевным словом на текст "Блаженни, его же иго же избрал и приял Господь". К Заупокойной Литургии изволили прибыть и присутствовать на отпевании Императорского Величества великие князья Владимир Александрович, Сергей Александрович, Павел Александрович и принц Александр Петрович Ольденбургский. На могиле Боткина произнесено было несколько речей его сослуживцами и учёными, дышавших чувством глубочайшего уважения и любви к почившему.

"Снова стоим мы, люди, говорил один из ораторов, пред неразрешимой загадкой человеческого бытия. Вы, тени умерших братьев, вы, жильцы могил, быть может, разгадавшие великую тайну, к Вам обращаюсь я теперь. Мы не могли удержать его на земле и отдаём его вам. Примите же его с подобающею честию в свою среду, передайте ему наш прощальный последний привет".

Загадка сия, полуоткрытая и древним, ясно для всех разрешена смертью и воскресением Богочеловека, и долг Христианской любви – вознести усердную молитву. Да упокоит Господь душу раба своего Сергия, которому дал с таким успехом и такою честью потрудиться на пользу болящего ближнего».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Смирнов П.А. Слова и речи настоятеля С.-Петербургского Исаакиевского собора. СПб., 1887. – Ч. 1–2.
- ² Например, П. А. Лебедева (ск. 29.03.1875), Ек. Ф. Малютина, устроившая дом для заштатных священнослужителей при Покровской церкви в Красном Селе.
- ³ Смирнов П.А. Слова и речи настоятеля С.-Петербургского Исаакиевского собора. СПб., 1887. – Ч. 2. – С. 180–185.
- 4 Семейный некрополь Боткиных на кладбище Покровского монастыря, в настоящщее время кладбища монастыря уничтожено.

- 5 Смирнов П.А. Слова и речи настоятеля С.-Петербургского Исаакиевского собора. 2-ое доп-е издание. — СПб.: типо-литография Н. И. Шмидта, — СПб., 1887. — Ч. 2. — С. 178
- ⁶ Там же. Ч. 2. С. 222.
- ⁷ РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 192. Л. 2 об.
- 8 Смирнов П.А. Слова и речи настоятеля С.-Петербургского Исаакиевского собора протоирея Петра Смирнова. 2-ое доп-е издание. СПб.: типо-литография Н. И. Шмилта. 1887. Ч. 2. С. 185–188.
- 9 Николай Петрович Боткин умер 4 мая 1869 года в Пеште.
- 10 Владимир Петрович Боткин умер 18 июня 1869 года.
- 11 Смирнов П.А. Слово при погребении (Павла П. Боткина) // Душеполезное чтение. –1885. Март. С. 341–346; Слово при погребении (Павла П. Боткина) // Смирнов П.А. Слова и речи настоятеля С.-Петербургского Исаакиевского собора протоирея Петра Смирнова. 2-ое доп-е издание. СПб.: типо-литография Н. И. Шмидта, 1887. Ч. 2. С. 173–178. В текстах есть небольшие расхождения.
- 12 Махпела (двойная пещера) поле и пещера, близ Хеврона, в которой погребены Авраам, его жена и некоторые из детей его. Над пещерою воздвигнут памятник Хавран Хевронский, от которого открывается прекрасный вид на долину Мамре.
- 13 Присный родственный, ближний. Прот. Дъяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Изд-во Отчий дом. М., 2005. С. 51.
- 14 Из текста православной поминальной молитвы об усопших.
- 15 Храм свв. целителей и бессеребренников Козьмы и Дамиана на Покровке в Москве. Центральный придел освящен в память Чуда о расслабленном. Пётр Кононович Боткин был ктитором этого храма, где с 1869 года служил священник Пётр Алексеевич Смирнов.
- 16 Сергей Петрович Боткин // Прибавление к Церковным ведомостям. 1890. 2 января. № 2. С. 63–65.
- 17 Города Торопца Псковской губернии.

А. В. КОВАЛЕВСКИЙ

(Музей истории Санкт-Петербургской Мариинской больницы)

УЧЕНИК И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ С. П. БОТКИНА В. И. АЛЫШЕВСКИЙ, ГЛАВНЫЙ ВРАЧ МАРИИНСКОЙ БОЛЬНИЦЫ

Аннотация. Владимир Иасонович Алышевский в 1868 году окончил Императорскую медико-хирургическую академию со степенью лекаря и похвальным листом и был оставлен ординатором при клинике профессора С. П. Боткина. С 1870 года Алышевский начал работу под руководством С. П. Боткина в Георгиевской общине сестёр милосердия. В 1884 году, 28 января, по личному выбору императора Александра III, В. И. Алышевского назначили Главным врачом С.-Петербургской Мариинской больницы для бедных. Его кандидатуру поддержал С. П. Боткин. В. И. Алышевский пришёл в больницу в тот момент, когда после перехода городских больниц в ведение города под руководством С. П. Боткина началось общее переустройство всего городского больничного дела. Алышевский имел для своей реформаторской деятельности уже вполне определившуюся программу и вполне готовый образец.

Ключевые слова. С.-Петербургская Мариинская больница для бедных, В. А. Алышевский, С. П. Боткин, Георгиевская община сестёр милосердия.

A. V. KOVALEVSKY

(Museum of History of St. Petersburg Mariinsky Hospital)

S. P. BOTKIN'S PUPIL AND FOLLOWER V. I. ALYSHEVSKY, THE CHIEF DOCTOR OF MARIINSKY HOSPITAL FOR THE POOR

Abstract. Vladimir Iasonovich Alyshevsky graduated from Medico-surgical Academy in 1868 with the degree of doctor and a certificate of commendation and was left as a resident at the clinic of Professor S. P. Botkin. On January 28, 1884, at the personal choice of Alexander III, V. I. Alyshevsky got an appointment of Chief physician of The St. Petersburg Mariinsky hospital for the poor. His candidacy was supported by S. P. Botkin. V. I. Alyshevsky came to the hospital at a time when, after the transfer of city hospitals to the city under the leadership of S. P. Botkin, the general reorganization of the entire city hospital business began. Alyshevsky had a well-defined program and a ready-made model for his reform activities.

Keywords. Saint Petersburg Mariinsky Hospital for the poor, V. I. Alyszewski, S. P. Botkin, St. George's community of sisters of mercy.

Владимир Иасонович (Ясонович) Алышевский родился в Санкт-Петербурге 18 июня 1845 года в семье военного врача¹. Получив среднее образование в 3-й Санкт-Петербургской гимназии, он был зачислен в ИМХА своекоштным студентом. Академию окончил 4 декабря 1868 года со степенью лекаря и похвальным листом и был оставлен ординатором при клинике профессора С. П. Боткина.

Ил. 1. В. И. Алашевский.
Воспроизведено по кн.: Попов Г. Мариинская больница для бедных в Санкт-Петербурге. 1803–1903.
Исторический очерк /
Под. ред. А. А. Троянова. – СПб., 1905. – Между с. 44 и 45

Осенью 1870 года Главным Управлением РОКК при участии принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской и С. П. Боткина была основана Георгиевская община сестёр милосердия. Одним из первых врачей Общины стал В. И. Алышевский, о совместной работе с которым С. П. Боткин упоминал в своей книге «Курс клиники внутренних болезней и клинические лекции»².

В 1871 году, 21 декабря, Алышевский защитил диссертацию на получение звания «доктор медицины»: «Материалы для изучения искусственного паралича диафрагмы у животных». По предложению профессора С. П. Боткина в течение целого месяца он наблюдал ателектаз³ у одной молодой особы. «Профессор С. П. Боткин, которому я демонстрировал свои опыты и препараты, – писал в заключение работы Алышевский, – оказывал

мне постоянное и полное внимание, как при ведении этой моей работы, так и при других моих занятиях по клинике; ему я обязан разъяснением многих интересовавших и казавшихся мне без того непонятными явлений. Три года, которые я имел счастье провести в клинических занятиях под его руководством, оставят во мне лучшее и полное благодарности к учителю воспоминание о себе»⁴.

В декабре 1875 года Алышевского исключили из списков Клинического военного госпиталя и назначили в состав лазарета, отправленного Главным Управлением Общества попечения о раненых и больных воннах в Цетенье (Черногория), где в то время шла Боснийско-турецкая война. Командировка продолжалась с 12 декабря 1875 года по 11 марта 1876 года. За особые труды и неутомимую деятельность в санитарном отряде Общества попечения о раненых и больных воинах в Черногории его наградили орденом Св. Станислава 3 степени⁵.

В 1875 году, 10 мая, Высочайшим указом С. П. Боткин был пожалован званием лейб-медика с назначением состоять при императрице Марии Александровне. Помощником его, по просьбе самого Сергея Петровича, стал доктор Е. А. Головин. Мария Александровна была не очень послушной пациенткой и сама себе часто вредила. Одна из её фрейлин, А. И. Яковлева, вспоминала, что Императрица любила разгорячённой кататься в коляске, несмотря на сильный ветер, жадно пила холодный лимонад, в дождливую и ветреную погоду могла отправиться на прогулку⁶. Алышевского тоже привлекали к лечению Императрицы, которая неоднократно выезжала на отдых в Ливадию. Он находился при Императрице с 18 августа по 30 ноября 1878 года и с 12 апреля по 28 мая 1879 года⁷.

Русские медики проигрывали иностранцам в лоске и знании этикета, и таким прекрасным специалистом, но плохим знатоком этикета был Алышевский. Возможно, в его поведении присутствовала и некая фронда – «Базаров» при высочайшем дворе⁸. Мемуаристка записала в дневнике: «Алышевский, доктор Императрицы, применил все средства, чтобы прервать начинающееся воспаление. Кстати о докторе: он входит к Её Величеству в сюртуке или пиджаке, с немытыми руками, которыми до того, как войти к Императрице, трогал собак и возился с ними! В этом же платье принимает больных в больнице. Вообще сильно отзывается нигилистическим началом»⁹.

Третьего марта 1879 года Алышевскому был пожалован знак Общества Красного Креста¹⁰.

На зиму Императрица, как обычно, выехала за границу, в Канны, где находилась с 31 июля 1879 года по 23 января 1880 года. Сопровождал её доктор Алышевский. Как это было принято, он регулярно информировал министра Императорского двора А. В. Адлерберга о состоянии здоровья Императрицы.

В 1880 году, 19 февраля, В. И. Алышевскому было пожаловано звание почётный лейб-медик¹¹. Вскоре, 22 мая 1880 года, Императрица Мария Александровна скончалась. В этот день великий князь Константин Константинович подробно записал обстоятельства её смерти: «В три часа утра Императрица ещё звала Макушину, состоявшую при ней, и кашляла. Затем Макушина, долго не слыша обычного звонка, вошла в спальню. Императрица спала спокойно, положив руки под голову. Макушина пощупала пульс, он не бился, руки похолодели, а тело тёплое. Она послала за доктором Алышевским. Тот решил, что всё кончено. От всех скрывали смерть, дали знать царю в Царское Село»¹². Таким образом, 22 мая 1880 года в 10 часов утра лейб-медик С. П. Боткин и почётный лейб-медик В. И. Алышевский направили Адлербергу донесение о смерти Марии Александровны. Документ был написан рукой В. И. Алышевского¹³.

Со дня кончины Императрицы к производству пенсии было пожаловано лейб-медику С. П. Боткину 4000 рублей, почётным лейб-медикам В. И. Алышевскому 3000 рублей, Е. А. Головину 2000 рублей, старшему аптекарскому помощнику Брудеру 572 рублей в год¹⁴.

В 1884 году, 28 января, В. И. Алышевского, по личному выбору Александра III, назначили Главным врачом Санкт-Петербургской Мариинской больницы для бедных¹⁵. Он стал первым Главным врачом больницы из русских. Его кандидатуру горячо поддержал С. П. Боткин. Это было прорывом, поскольку «со времён Александра II в петербургском врачебном мире образовались две совершенно определённые партии – русская и немецкая. Во главе русской партии стоял С.П.Боткин, во главе немецкой проф. Э.Э.Эйхвальд и К. А. Раухфус. Эти две партии были в непримиримой вражде между собой, и эта борьба и интриги между ними внушали в то время мало симпатий к столичному врачебному миру. По традициям из глубокой старины при Дворе премировала немецкая партия, с упорством защищавшая свои позиции против русских. Государь и императрица не особенно долюбливали немцев вообще, а, следовательно, и немцев-врачей, а из русских врачей, кроме С. П. Боткина, никого не знали, да к тому же русские врачи тогда вербовались преимущественно из семинаристов и детей разночинцев и по своему воспитанию мало подходили к требованиям придворных сфер»¹⁶.

Алышевский пришёл в больницу в тот момент, когда после перехода городских больниц в ведение города под руководством С. П. Боткина началось общее переустройство всего городского больничного дела, и появилась такая образцовая больница, как Александровская барачная (Боткинская), делавшая недостатки Мариинской более рельефными. Алышевский имел для своей реформаторской деятельности уже вполне определившуюся программу и вполне готовый образец.

В представленной им записке «О мерах по улучшению медицинской части в Мариинской больнице», он объяснял необходимость и неотлож-

ность удовлетворения, в известном порядке постепенности, назревших больничных нужд. На первый план Алышевский ставил улучшение питания больных вообще и в особенности тяжелых лихорадящих больных, считал необходимым ввести употребление мясного сока и увеличить дачу молока. Больничная прислуга получила стол от больницы. Средства, отпускаемые на пищу больным, пошли полностью по назначению. Пища больных улучшилась как в качественном, так и в количественном отношении¹⁷.

Следующим необходимым условием В. И. Алышевский считал улучшение ухода за больными в качественном и количественном отношении, увеличение числа сестёр милосердия и улучшение положения низшей прислуги, так как правильный уход имеет не меньшее значение, чем само лечение, а для хроников (неизлечимых), которых немало среди больных, составляет главное. Также Алышевский предложил устранить суточные дежурства хожатых¹⁸ и ввести ночные дежурства их половинного числа, увеличив их содержание с 5,5 рублей до 8 рублей и устройство артельного стола¹⁹.

«С 1885 года заметна резкая перемена характера скорбных листов: более тщательно собран и анамнез, жалобы, патологические явления, осложнения, тщательно измеряется температура, большое внимание обращено на исследование мочи, также не мало обращено внимания на способ ведения лечения больных, наконец, гораздо тщательнее ведутся вскрытия умерших и записываются протоколы их. Такая резкая перемена произведена бывшим директором больницы Владимиром. Ясоновичем Алышевским почти сейчас же по вступлении его в управление больницей», – отмечал К. М. Солонцев, готовивший диссертацию на материалах больницы²⁰.

Алышевский также считал необходимым ввести обучение сиделок элементарным приёмам по части ухода за больными и увеличить содержание до 12 рублей тем из них, которые усвоят необходимые знания и смогут сделаться руководителями для других хожатых. Вместе с улучшением содержания прислуги явилась возможность не только требовать с виновных за всякие упущения по уходу за больными: за допущенный у больного пролежень, за всякое незначительное промедление в перемене загрязнённого белья, за ненайденного на больном животного (паразита) каждый раз прислугу штрафовали. После введения этих правил случаи таких упущений стали редки²¹.

В качестве одной из мер он считал так же необходимым увеличение и узаконение временно существующего интерната. Четырёхмесячный опыт введения интернов (с ноября 1883 года) был продолжен. Временными правилами от 6 июля 1884 года вместо 4-х учреждены 8 должностей интернов (4 для хирургического отделения и 4 для терапевтического) с трёхлетним сроком службы. В пользу этого института решительно высказывались все старшие врачи отделений²².

Введение интернов в высшей степени благотворно отразилось на больнице и изменило ход лечения и способа ведения больных.

В 1888 году, 12 июля, в больнице вводится новый Устав. Согласно этому уставу, кроме старших и младших врачей в штат больницы входили 10 интернов и 12 сверхштатных врачей²³.

В. И. Алышевский считал необходимым устройство на каждом отделении лаборатории. К этому времени так много выработалось в медицинской науке новых способов наблюдения над больными, получивших уже полное применение и, в особенности, основанных на химическом исследовании, что устройство лабораторий сделалось уже обязательным²⁴.

Проведение всех предложений проводилось, прежде всего, благодаря личной энергии Алышевского, но в такой же мере должно быть приписано сочувствию ко всем улучшениям и преобразованиям Управляющего больницей князя Григория Сергеевича Голицына²⁵, благодаря которому они всегда находили живейший отклик в лице Покровительницы больницы Императрицы Марии Фёдоровны и Государя Императора Александра III.

При одновременном устройстве и отпуске средств на лабораторию (в 1885 году), для которой впоследствии был приобретён даже микрофотографический аппарат, сама диагностика больных получила более точный и научный характер, приближаясь к клинической, на научную почву ставится лечение больных и вскрытие умерших. Вводилось молочное лечение, применялось усиленное питание тифозных больных, водолечение, взвешивание, и исчезли такие аномалии, существовавшие прежде, как отсутствие правильного измерения температуры и ведения температурных листков иногда даже у больных с крупозной пневмонией, а также совместное пребывание их с тифозными²⁶.

Количество больничных мест уменьшилось до 400, а число врачебного персонала увеличилось, что значительно улучшило условия лечения и общую обстановку в Больнице. Содержание больных и уход за ними выигрывали и оттого, что одновременно усиливались норма их питания, вводился ужин, увеличивался отпуск средств на медикаменты для больных и улучшался качественный состав низшей больничной прислуги. Последнее было достигнуто значительным, почти вдвое, повышением ежемесячного вознаграждения, улучшением помещения и устройством артельной столовой для низшего персонала²⁷.

В апреле 1887 года было отменено Высочайшим повелением дежурство сердобольных вдов и девиц в больнице и давалось разрешение пригласить для ухода за больными сестёр милосердия из существующих в Петербурге общин. Выбор останавливается на Георгиевской общине, в которой также трудился В. И. Алышевский, и с января 1888 года в больнице начали работать 15 сестёр этой общины, а с сентября 1889 года ими были заменены все сёстры²⁸.

Ил. 2. Амбулатория. Воспроизведено по кн.: Попов Г. Мариинская больница для бедных в Санкт-Петербурге. 1803–1903. Исторический очерк / Под. ред. А. А. Троянова. – СПб., 1905. – Между с. 52 и 53

В 1887 году, 16 декабря, к Новому году Алышевскому была пожалована денежная премия 1000 рублей серебром из общего по Учреждениям Ведомства Императрицы Марии наградного кредита²⁹.

В 1888 году было произведено расширение дома для усопших новой двухэтажной пристройкой³⁰. Для занятий врачей была устроена лаборатория, а в прозекторской начато создание коллекции для вновь устраиваемого патологоанатомического музея³¹.

Ввиду увеличения количества амбулаторных больных и с целью более совершенной изоляции их от стационарных, на участке земли, выходящем на Надеждинскую (ныне Маяковского) улицу, в 1891 году строится новое отдельное здание. Через год в него переводят как хирургические, так и терапевтические приёмные. В верхнем этаже этого здания было отведено помещение для сестёр, а в нижнем, кроме обширного и светлого коридора во всю длину здания, – для ожидания больных, устроены четыре – по две для мужчин и женщин – терапевтических приёмных, одна приёмная для гинекологических и нервных больных и одна большая, из нескольких комнат, для приёма хирургических больных. Открылись не существовавшие прежде специальные амбулаторные приёмы по женским, нервным, в 1894 году – по ушным и горловым болезням, а в 1895 году – по кожным³².

В 1890 году начались капитальные работы по устройству канализации. Работы эти были закончены в 1897 году. В это же время устанавливались новые дезинфекционные камеры и печи для сжигания соломы из больничных тюфяков и одежды и белья, поступающих от инфекционных больных³³.

Благодаря этим усовершенствованиям холеру, вспыхнувшую в 1892 году, больница встретила в большем всеоружии, чем предшествующие эпидемии.

Ил. 3. Перевязочная в амбулатории. Воспроизведено по кн.: Попов Г. Мариинская больница для бедных в Санкт-Петербурге. 1803–1903. Исторический очерк / Под. ред. А. А. Троянова. – СПб., 1905. – Между с. 52 и 53.

В стремлении сообщить больничному делу большую научность, для занятий с врачами больницы приглашают врачей-специалистов 34 .

В 1889 году, 7 июля, Алышевский обратился в Опекунский Совет с просьбой назначить пособие на воспитание детей: дочерей Марии (16 лет), Лидии (13 лет) и сына Павла (7 лет). Был ещё один сын – Владимир, 20 лет, который на тот момент окончил Училище правоведения. К прошению была приложена справка о ежегодном доходе Алышевского: по военному ведомству – 507 рублей, столовых – 829 рублей 20 копеек; прибавочное жалование за выслугу 10 лет по медицинской части – 253 рублей, разъездных – 300 рублей; взамен казённой прислуги – 120 рублей; по Придворному ведомству пенсии – 3000 рублей; по должности Главного врача жалованье – 1000 рублей, столовых – 600 рублей, свечных – 54 рублей, Александринская женская больница жалованье – 300 рублей. Итого – 6963 рублей³⁵.

В 1889 году диссертацию на тему «О питании больных яичными щелочными альбуминатами» защитил А. М. Айканов³⁶. Работа была произведена в Мариинской больнице. «Пользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую благодарность Главному доктору В. И. Алышевскому, за нравственную поддержку и живой интерес, встреченные мною с его стороны», – писал Айканов в заключение своей работы³⁷.

В 1890 году, 3 января, прошение на имя Главного врача Мариинской больницы подал Евгений Сергеевич Боткин. Резолюция В. И. Алышевского гласила: «Лично зная г. Боткина, как прекрасно подготовленного и усердного молодого человека, ходатайствую об определении его на должность врача-интерна». Двадцатого января 1890 года Е. С. Боткин был определён на службу³⁸.

Ил. 4. Запись больных. Воспроизведено по кн.: Попов Г. Мариинская больница для бедных в Санкт-Петербурге. 1803–1903. Исторический очерк / Под. ред. А. А. Троянова. – СПб., 1905. – Между с. 52 и 53.

С 1885 года вводятся командировки врачей за границу для подготовки по разным специальностям. Первым командировали Н. И. Кускова. Его пребывание в Европе и усердное и вполне успешное занятие там гарантировало больнице постоянное содействие хорошо научно подготовленного прозектора³⁹. В декабре 1890 года в первую такую командировку направили и Е. С. Боткина⁴⁰. В 1895 году за счёт больницы за границу отправились С. П. Шуенинов и А. Л. Степанов⁴¹. В. И. Алышевский, «озабоченный издавна подготовкой необходимого контингента врачей,

из которых при нужде можно было бы выбрать лицо, удовлетворяющее требованиям, предъявляемым Уставом больницы и старшим врачом... дабы не обременять Ведомство испрошением средств на посылку за границу более чем 2-х врачей», обратился с просьбой к председателю чайной фирмы «Петра Боткина сыновья» П. П. Боткину о выдаче им средств на поездку заграницу Е. С. Боткина, сверхштатного врача, доктора медицины. Испрашиваемые деньги были присланы⁴². Больница выразила П. П. Боткину благодарность за пожертвование на подготовку всесторонне научнообразованных врачей.

В 1891 году наследник цесаревич Георгий⁴³ вместе со старшим братом Николаем отправился в заграничное путешествие, конечной точкой которого должна была стать Япония. В Бомбее с Георгием случился приступ. В январе 1891 года по просьбе императора в Афины, где в то время находился Георгий, выехали В. И. Алышевский и А. М. Айканов⁴⁴. Об Алышевском император отзывался как о «специалисте по грудным болезням, я его давно знаю, как отличного доктора. Он надеется, что если всё пойдёт хорошо, то Жоржи может поехать в марте в Крым»⁴⁵. Второго февраля 1891 года В. И. Алышевский выезжает в Ливадию «для исполнения особого, возложенного по воле Его Императорского Величества, поручения»⁴⁶. Двадцать первого марта император Александр III пишет сыну Николаю: «Слава Богу, известия от Жоржи более утешительные, и Алышевский на днях в первый раз телеграфировал, что в правом лёгком незначительное, но ясное улучшение. К сожалению, к великому прискорбию, Алышевский теперь наставает, чтобы Жоржи на зиму отправился в тёплый климат»⁴⁷.

В 1891 году, 21 апреля, В. И. Алышевский был Высочайше пожалован в лейб-медики Двора Его Императорского Величества⁴⁸.

Уверенность в диагностировании «категорической чахотки» у великого князя Георгия основывалась у В. И. Алышевского не только на его огромном клиническом опыте, но и на результатах лабораторных исследований, проведённых в августе 1891 года. В рапорте В. И. Алышевскому прозектор больницы Н. И. Кусков сообщал: «6 августа 1891 года лаборатория Больницы получила два образца мокроты Георгия Александровича, которые были взяты ещё 15 февраля 1891 года. После увеличения в них обнаружили множественные коховые палочки бугорчатки, и это не подлежит ни малейшему сомнению»⁴⁹.

Результаты объективных исследований позволили Алышевскому настоять на климатическом лечении Георгия Александровича. Десятого августа 1891 года В. И. Алышевский извещает в приказе по больнице: «Уезжаю за границу для пользования его императорского высочества Великого князя Георгия Александровича» 50.

В конце августа 1891 года Георгий Александрович в сопровождении доктора Алышевского выехал из Копенгагена и 31 августа впервые прибыл

в Абас-Тумани. Выбор этого места диктовался не только целебным горным воздухом, но и тем, что поблизости находился крупный военный госпиталь⁵¹. Вскоре Алышевский вынужден был покинуть наследника: он сам направляется на лечение за границу. Второго сентября 1892 года в Абас-Тумани для пользования Георгия Александровича был откомандирован врач Мариинской больницы В. И. Давыдов⁵², а в 1896 году – А. М. Айканов⁵³.

При Алышевском с 1892 года началось периодическое издание сборников «Труды врачей Мариинской больницы», где печатались научные сообщения и протоколы заседаний.

С 9 июня 1893 года, во время отъезда в отпуск князя Голицына, Алышевский исполнял обязанности Управляющего Больницами Мариинской и Александринской женской.

Первого октября 1895 года Алышевский уволился из Мариинской больницы *«по прошению по расстроенному здоровью»*. Больницу возглавил Е. В. Павлов⁵⁴.

В 1895 году, 12 ноября, Алышевскому назначили пенсию от Ведомства учреждений императрицы Марии 2000 рублей в год, *«не смотря на нахождение на службе в другом ведомстве»*⁵⁵.

В мае 1896 года «Государь Император Николай Александрович Всемилостивейше соизволил пожаловать орден Святой Анны 1 степени Действительному Статскому Советнику, непременному члену Военно-Медицинского учёного комитета лейб-медику Двора Его Императорского Величества В. И. Алышевскому»⁵⁶.

Владимир Иасонович Алышевский скончался 13 июня 1909 года в Санкт-Петербурге. Он был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

В газете «Русский врач» было напечатано такое сообщение: «Врачи Мариинской больницы для бедных в Петербурге направили Обществу попечения о сиротах – детях врачей 24 рубля, оставшихся от венка на гроб бывшего директора больницы В. И. Алышевского»⁵⁷.

Кроме вышеупомянутых наград Алышевский также имел: Турецкий султанский орден Меджидие 3 степени (15 мая 1882 года), орден Святой Анны 2 степени (15 мая 1883 года), орден Святого Владимира 3 степени (2 октября 1889 года), орден Святого Станислава 2 степени (12 апреля 1892 года), Командорский крест 1 степени Датского ордена Данеборга (11 мая 1892 года)⁵⁸.

В адресе по поводу юбилея В. И. Алышевского (в 1895 году) было сказано, что «благодаря уму, энергии и выдающимся административным способностям, он привёл больницу в такое блестящее состояние, что каждый молодой врач, жаждущий знаний, стремился попасть именно в Мариинскую больницу и там действительно находил, то к чему стремился»⁵⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Алышевский Ясон (Иасон) Петрович (1815—1893), доктор медицины (1847), действительный статский советник. В 1855—1856 годах помощник генерал-штаб-доктора Южной армии; в 1865—1869 годах медицинский инспектор в Симбирске. В 1855 году состоял директором Симферопольского военного госпиталя. В сентябре—декабре 1855 года там находился и молодой доктор С. П. Боткин, более трёх месяцев работавший ординатором Симферопольского госпиталя под руководством Н. И. Пирогова.
- ² Боткин С.П. О сократительности селезенки и об отношении заразных болезней к селезёнке, печени, почкам и сердцу // Курс клиники внутренних болезней и клинические лекции. Т. 1. М.: Медгиз, 1950. С. 259–260.
- ³ Ателектаз спадение лёгочной ткани при полной или почти полной безвоздушности альвеол (пузырьках в лёгком на концах тончайших разветвлений бронхов).
- 4 Алышевский В.Я. Материалы для изучения искусственного паралича диафрагмы у животных. СПб.: тип. тов. «Общественная польза», 1871. С. 112.
- 5 ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 226. Л. 78 а.
- ⁶ Будко А. А., Иванова Л. Д., Чигарева Н. Г. Лейб-медик Российской империи С. П. Бот-кин // История Петербурга. 2008. № 6 (46). С. 11–13.
- 7 ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 226. Л. 43.
- 8 Зимин И. Молва не щадила лейб-медика // Медицинская газета. 2007. 6 апреля. № 25.
- 9 Горбунова Ю.А. 1874–1880 гг. в Ливадии. Записки // Наша старина. 1914. № 12. С. 1062.
- 10 ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 226. Л. 43.
- 11 ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 226. Л. 108 об.
- 12 Константин Константинович, великий князь. Дневники. Воспоминания. М., 1998. С. 86.
- 13 РГИА. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 97. Л. 2.
- 14 РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 2110. Л. 533-533 об.
- 15 ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 226. Л. 43.
- 16 Вельяминов Н.А. Воспоминания об Императоре Александре III / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Д. Налепиной // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ, Рос. Архив, 1994. С. 288–290.
- 17 Алышевский В.Я. Отчёт С.-Петербургской Мариинской больницы и Александринской больницы и отделения для платящих. СПб, 1887. С. 10.
- 18 Хожатые младший персонал, те, кто ухаживал за больными. По штатному расписанию 1806 года в Мариинской больнице числилось 60 хожатых.
- 19 Попов Г. Мариинская больница для бедных в Санкт-Петербурге. 1803–1903. Исторический очерк / Под. ред. А. А. Троянова. СПб., 1905. С. 47.
- ²⁰ Солонцев К. М. К вопросу о крупозной пнеймонии по наблюдениям в СПб Мариинской больнице для бедных за 16 лет (1880–1895 гг.) в связи с метеорологическими явлениями / Диссертация на степень доктора медицины К. М. Солонцева / Из Мари-инской больницы для бедных. СПб., 1899. С. 35.
- ²¹ Алышевский В. Я. Отчёт С.-Петербургской Мариинской больницы... С. 10.
- ²² Попов Г. Мариинская больница для бедных в Санкт-Петербурге... С. 47–48.

А. В. Ковалевский

- 23 Там же. С. 50.
- 24 Там же. С. 48.
- ²⁵ Григорий Сергеевич Голицын (1838—1907), князь, генерал от инфантерии, с 7 июня 1885 года по 6 марта 1896 года Управляющий Мариинской больницей для бедных.
- 26 Попов Г. Мариинская больница для бедных в Санкт-Петербурге... С. 49.
- ²⁷ Там же. С. 51.
- ²⁸ Там же.
- 29 ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 226. Л. 20.
- ³⁰ *Попов Г.* Мариинская больница для бедных в Санкт-Петербурге... С. 51.
- ³¹ *Емельянов О. В.* Мариинская больница (1803–2003). СПб.: Хромис, 2004. С. 97.
- 32 Попов Г. Мариинская больница для бедных в Санкт-Петербурге... С. 52.
- ³³ Там же.
- 34 Алышевский В. Я. Отчёт С.-Петербургской Мариинской больницы... С. 10.
- 35 ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 226. Л. 36.
- 36 Артемий Михайлович Айканов Главный врач Мариинской больницы в 1900—1904 годы.
- ³⁷ Айканов А. М. О питании больных яичными щелочными альбуминатами. Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1889. С. 72.
- 38 ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 246. Л. 4.
- 39 Алышевский В.Я. Отчёт С.-Петербургской Мариинской больницы.... С. 10.
- 40 ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 246. Л. 13.
- ⁴¹ Попов Г. Мариинская больница для бедных в Петербурге... С. 49–50.
- 42 ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 246. Л. 44-55.
- ⁴³ Георгий (1871—1899) второй сын императора Александра III.
- 44 ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 226. Л. 50.
- 45 Кузнецов В. Судьба царя судьба России. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. С. 103.
- 46 ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 226. Л. 51.
- 47 Кузнецов В. Судьба царя судьба России... С. 107.
- 48 ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 226. Л. 53.
- 49 РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 358. Л. 1, 1 об.
- 50 ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 226. Л. 54.
- 51 Домбровский И.Е. Памяти августейшего моряка // Дворянское собрание. 1999. № 10. — С. 54.
- 52 Формулярный список о службе младшего врача Мариинской больницы для бедных, лекаря, статского советника Василия Ивановича Давыдова. См.: Англо-бурская война 1899—1902 годов глазами российских подданных. В 13 т. Москва: Издатель И. Б. Белый, 2012. Т. 9. С. 7—8.
- 53 Сборник трудов врачей Мариинской больницы для бедных. СПб., 1908. Т. 8. С. 9 приложение.
- 54 ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 226. Л. 98.
- 55 Там же. Л. 116.
- ⁵⁶ Военно-медицинский журнал. 1896. Июнь. Т. 46. С. 52.
- ⁵⁷ Русский врач. 1910. Т. 9. С. 678.
- 58 ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 226. Л. 11.
- 59 Иллюстрированный вестник культуры. Наши деятели по медицине. 1910–1911. Вып. 1. – СПб., б.д. – С. 59.

ВОСПОМИНАНИЯ В. В. АЛЫШЕВСКОГО О СЕМЬЕ БОТКИНЫХ

Аннотация. Опубликован отрывок воспоминаний Владимира Алышевского, сына Владимира Иасоновича Алышевского, ученика С. П. Боткина. Владимир Алышевский, будучи ребёнком, знал Сергея Петровича Боткина, бывал в его доме, ездил вместе с отцом в имение Боткиных в Культиллу.

Ключевые слова. Боткины, Культилла, мемуары.

V. V. ALYSHEVSKY'S MEMORIES AROUT ROTKIN'S FAMILY

Abstract. This is a fragment from the memoirs of Vladimir Alyshevsky, the son of Vladimir Iasonovich Alyshevsky, who was a student of S. P. Botkin. Vladimir Alyshevsky, as a child, knew Sergei Petrovich Botkin, visited his house, traveled with his father to the Botkin's country seat in Kultilla.

Keywords. V. V. Alyshevsky, Botkin, Kultilla, memoirs.

В статье «Ученик и последователь С. П. Боткина В. И. Алышевский, главный врач Мариинской больницы для бедных» А. В. Ковалевский рассмотрел часть биографии ученика и последователя Сергея Петровича Боткина Владимира Иасоновича Алышевского¹. Старший сын Владимира Иасоновича Владимир Владимирович Алышевский оставил воспоминания, рукопись которых в настоящее время хранится в семейном архиве Риммы Павловны Драчук, потомка сестры Алышевского.

В первой главе этих воспоминаний под названием «Тени прошлого» Владимир Алышевский приводит рассказ о Сергее Петровиче Боткине, а также о семье Боткиных в целом. Этот фрагмент публикуется в настоящем сборнике.

Владимир Владимирович Алышевский (1869—1938) – старший сын Владимира Иасоновича Алышевского, почётного лейб-медика Александра III и Марии Петровны, урождённой Гавриловой. Владимир окончил в 1890 году Императорское училище правоведение с отличием. С 1901 по 1905 год был вице-губернатором Тифлисской губернии, потом занимал должность губернатора Бакинской губернии (с 1905 года по 1915 год). В 1908 году был пожалован званием камергера Высочай-

шего двора. С 1911 года действительный статский советник. В 1917 году Алышевский стал членом Совета наместника Его императорского величества на Кавказе и председателем Кавказского комитета по холодильному делу. После революции В. В. Алышевский остался с семьёй на родине. Погиб в лагерях в Уфе².

В 1922 году в Баку была выпущена книга В. В. Алышевского «Баку и промыслово-заводской район по данным переписи 1913 года»³.

Согласно свидетельству С. Б. Достовалова⁴, воспоминания Владимир Владимирович Алышевский писал в советское время.

Так как врачебная деятельность отца была тесно связана с Боткиным, то мне трудно не остановиться на личности этого выдающегося профессора. Сергей Петрович Боткин происходил из богатой купеческой семьи издавна, со второй половины XVIII века, ведшей чайную торговлю.

Своё состояние Боткины нажили в Кяхте⁵, а затем переехали в Москву⁶, продолжая своё чайное дело. Из этой старозаветной семьи, обладавшей большой природной сметкой, но мало образованной, вышел Василий Петрович Боткин⁷, писатель и знаток искусства, близкий знакомый Грановского, Герцена и всей блестящей плеяды писателей половины XIX века. Им была пробита брешь в прежнем семейном укладе жизни, и молодое поколение Боткиных получило доступ к образованию. Старики смотрели на это без особого увлечения, но учиться не мешали. Кроме Сергея Петровича, отдавшегося медицине, не пошёл по купеческому пути и его брат Михаил⁸, недурной художник, достигший звания Академика, но более известный как коллекционер и знаток старинного искусства. Остальные братья остались в Москве и заведовали делами своей фирмы. Не знаю, как и чему они учились, но жили уже вполне на европейский лад и дали всем своим детям прекрасное образование.

В общем, семья Боткиных прошла через те же стадии развития, как и большинство именитого русского купечества.

Уход Сергея Петровича и Михаила Петровича на другое поприще отразился на их средствах. В наследство от родителей они получили немного⁹, в то время как братья, оставшиеся при чайном деле, обладали крупными капиталами. По окончании курса Военно-Медицинской Академии¹⁰ С. П. Боткин в 60-х годах прошлого столетия уехал продолжать учение за границу. По возвращении в Петербург блестящие природные дарования и знакомство со всем новым, чем располагала западноевропейская врачебная наука, сразу выдвинули молодого учёного. Медицина в те годы не была в почёте. Ряды её пополнялись по большей части людьми нуждающимися, из разночинцев. Незнание языков сильно тормозило многим талантливым врачам доступ к профессуре,

а недостаток воспитания и уверенности в себе затруднял приобретение хорошей практики. Всё это способствовало тому, что Петербургские медицинские верхи были заняты немцами, державшимися очень сплочённо и пренебрежительно относившимися к своим русским коллегам.

Преградить доступ к кафедре человеку таких знаний и способностей, как Боткин, немецкие врачи не могли, но затем, когда вокруг него образовалась целая новая школа русских врачей, борьба немцев за сохранение своих позиций приняла ожесточённый характер. В неё поневоле был втянут, защищая своих учеников, и Боткин, по натуре своей чуждый всяких узких тенденций, в том числе и национальных. Борьба велась много лет и кончилась тем, что русские врачи завоевали себе равноправие, но защита своих от притеснений немецкой партии стоила Боткину много хлопот и огорчений.

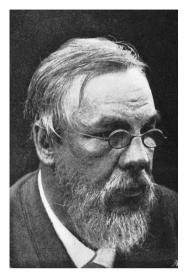
Кроме учёного авторитета и участливого отношения к судьбе тех из своих ассистентов, которых он считал достойными выдвижения, исключительное влияние Боткина на окружающих объяснялось его нравственным обликом. Очень простой, доступный, приветливый, достигший всего знанием и трудом, он стоял высоко в мнении близких. К нему постоянно обращались окружающие за разрешением не только медицинских вопросов, но и всяких житейских недоразумений. Его неодобрение являлось тяжёлым нравственным ударом не только для молодёжи, но и для тех учеников, которые уже достигли известности и независимого положения.

Для практики у Боткина оставалось мало времени, но большая семья, в которой наряду с взрослыми сыновьями от первой жены¹¹, были и маленькие дети от второй¹², требовала средств к жизни. Усталый, но неизменно внимательный, принимал он больных по вечерам. Для платы за визит где-то в стороне стояло блюдце, и всякий платил, сколько мог и хотел, часто сущие пустяки.

Политикою Боткин интересовался мало, но был человеком либеральных взглядов. Этим воспользовались его завистники, и при воцарении Александра III начались при дворе нашёптывания на тему о [том], что Боткину, как красному, опасно вверять лечение царской семьи. По этой или другим причинам двор начал обращаться к нему реже, чем при Александре II, который любил и ценил Боткина, хотя иногда сердился на него за настойчивые требования поберечься или пройти какой-нибудь курс лечения. Неудовольствие, впрочем, не шло дальше того, что вместо обычного ко всем обращения на «ты», Государь несколько дней говорил ему «вы», а потом всё сглаживалось и шло по-старом.

Удаление от нового Двора, само по себе, мало интересовало Боткина, но его возмущало предположение, что у постели больного врач может руководствоваться какими-нибудь иными соображениями,

кроме тех, которые диктуются врачебной этикой и имеют целью борьбу с болезнью.

Ил. 1. С. П. Боткин. Фотография конца 1880-х годов. Воспроизведено по кн.: Кадьян А. А. Население С.-Петербургских градских богаделен. Материалы к изучению старости. По исследованию под руководством С. П. Боткина в 1889 году. – СПб., 1890. – С. 5

Постоянно слыша о славе Боткина в детские годы, я с трудом мог свыкнуться с тем, что такой знаменитый человек мог быть таким некрасивым. Вероятно, я тогда не умел уловить того отпечатка сильного ума, которым озарялись его черты. Меня смущал толстый нос Боткина, порядочно выдающиеся скулы, реденькая бородка, две пары очков, при желании что-либо разглядеть получше, и мешковатость движений. Всё это ставило его, по внешности, ниже среднего уровня петербуржцев, не отличавшихся вообще красотой.

Совсем иное впечатление оставил на меня Боткин через несколько лет, в качестве лечащего врача. Я одним из первых заболел в Петербурге незнакомой ещё до тех пор инфлюенцией, эпидемия которой приняла вскоре большие опасные размеры. Врачи колебались в диагнозе, состояние моё было тяжёлым, и отец попросил Боткина заехать к нам. Мягкость обращения, тщательность исследования, ободряющий и вдумчивый взгляд, всё это оставляло совершенно особое впечатление, хотя я был избалован лечением других отличных врачей, друзей моего отца.

Вспоминается мне С. П. Боткин и позже, в семейной обстановке незадолго до его последней поездки за границу в конце 80-х годов

прошлого столетия. Отец поехал повидаться с ним перед отъездом и взял меня с собой.

Дело было летом. Боткины жили на своей даче в Финляндии¹³, в 3-х часах езды от Петербурга. Их двухэтажный деревянный дом стоял в ½ версте от небольшого озера. Дом был полон народа. Кроме пяти взрослых сыновей, замужней дочери и нескольких подростков от второй жены, гостили ещё братья профессора¹⁴, племянники, племянницы и т. д. Недаром известный сатирик Салтыков-Щедрин, живший по близости, приговаривал, видя пасшееся на лугу стадо коров: «Бедные вы, бедные! Всех вас Боткины съедят!» При даче Боткиных было несколько десятин земли, как и повсюду в Финляндии мало пригодной для обработки, а тем более для сколько-нибудь интенсивного земледелия. В тщетных попытках извлечь из имения доход, жена Боткина, Екатерина¹⁶ Алексеевна пробовала то одно, то другое. Сеяла хлеб, который не давал урожаев, разводила пчёл¹⁷, делая посевы для них клевера (злые языки уверяли, что сеялась резеда). Конечно, у неё, как и у всех, пробовавших хозяйничать в Финляндии, ничего кроме убытков не получалось.

Ил. 2. С. П. Боткин с семьей и друзьями в имении Культилла. Фотография 1880-х годов. Архив семьи Энден, потомков М. П. Боткина

Сердечная болезнь Боткина внушала серьёзные опасения, и он, перед отъездом за границу, был окружён особым вниманием всех близких. Разговоров о болезни старались избегать, и я помню, как брат Боткина,

Михаил Петрович, развлекал присутствующих рассказами о своей коллекции старинных произведений искусства, которая, благодаря полноте, имела большую ценность.

«Стоит мне захотеть, и я получу за неё большие деньги», – с гордостью говорил М. П. Боткин. В репликах братьев-москвичей внесмотря на общую всем Боткиным манеру говорить очень мягко, Михаил Петрович чувствовал недоверие и даже небольшую иронию. «Да, знаете ли, – разгорячился Михаил Петрович, – мне за мою коллекцию миллион рублей дадут!» «Продай, друг Миша, продай!» – под общий смех нежно посоветовал один из братьев.

Насколько знаю, коллекция осталась непроданной и с приходом советской власти была национализирована¹⁹.

Из заграничной поездки С. П. Боткин, к общему огорчению знавших его, вернулся уже в гробу 20 . Скончался он ещё не старым, не дожив и до 60-ти лет. Сыновья его отличались хорошими способностями: двое из них стали прекрасными врачами 21 , хотя, конечно, прогадывали при сравнении со знаменитым отцом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ковалевский А.В. Ученик и последователь С. П. Боткина В. И. Алышевский, главный врач Мариинской больницы для бедных // Исторические Боткинские чтения. Вып. 4. СПб.: СПбГМИСР, 2021. С. 20–32
- ² Достовалов С.Б. Общество будущего или полтора поколения утопии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dostovalov.ru/sbd_foreword.html (Дата обращения 11.12.2020); Алышевский Владимир Владимирович губернатор Бакинской губернии [Электронный ресурс]. Сайт «Наш Баку. История Баку и бакинцев». (Дата обращения 11.12.2020).
- ³ Алышевский В.В. Г. Баку и промыслово-заводской район по данным переписи 1913 г. / Азербайджанское центральное статеститическое управление. – [Баку], 1922–1923. – Ч. 1–4.
- 4 Сергей Борисович Достовалов родственник В. В. Алышевского, внучатый племянник А. А. Липского, женатого на Марии Владимировне Алышевской. Александр Александрович Липский (1856—1915) санитарный врач С.-Петербурга, был в дружественных отношениях с С. П. Боткиным.
- 5 Слобода Кяхта была расположена на русско-китайской границе. Там Боткины на протяжении всей своей часторговой деятельности выменивали (а затем закупали) чай.
- 6 П. К. Боткин (1789—1853), основатель семейной чаеторговой фирмы, ставшей впоследствии известной под названием «Петра Боткина сыновья», вступил в московское купечество в 1801 году, переехав из города Торопца.
- 7 Василий Петрович Боткин (1811—1869) чаеторговец, литературный критик, переводчик.
- 8 Михаил Петрович Боткин (1839—1914) художник, коллекционер и общественный деятель.

- ⁹ Согласно завещанию отца, П. К. Боткина, Сергей и Михаил получили по 20 000 рублей. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 1. Л. 12.
- 10 Во время учёбы С. П. Боткина академия называлась Императорская Медико-хирургическая академия.
- ¹¹ Дети С. П. Боткина от первого брака с Анастасией Александровной, урождённой Крыловой (1835—1875): Надежда (1859), Сергей (1859—1910), Пётр (1861—1933), Анастасия (1863—1925), Евгений (1865—1918), Александр (1866—1936), Виктор (1871—1922).
- Дети С. П. Боткина от второго брака с Екатериной Алексеевной (1850—1929), урождённой Оболенской: Мария (1875—1960), Дмитрий (1877—?), Екатерина (1880—1940), Алексей (1882—1886), Зоя (1883—1952), Софья (1884—1967), Людмила (1886—1951), Елизавета (1888—1968).
- 13 Имение Культилла, купленное С. П. Боткиным в 1882 году.
- У Сергея Петровича Боткина не было «братьев-профессоров», только младший брат М. П. Боткин имел звание академика.
- Восьмого июня 1882 года в письме Н. А. Белоголовому, другу С. П. Боткина, М. Е. Салтыков Щедрин сообщал: «Боткин тоже купил в Финляндии именье. Говорят, будто у него там четыре дома, и будто бы он купил сто сорок матрацов, чтобы разложить на них домочадцев. [А. М.] Унковский сказывал: пять пудов швейцарского сыру Боткины на лето повезли в деревню да икры три пуда и 100 бочонков сельдей и всё голландских. И [врач Нил Иванович] Соколов с [В. И.] Алышевским будут закуски есть; им тоже по матрацу приготовлено. С имением Боткин купил 20 коров и при них бык. Коровы дают прямо сливки, а некоторые даже масло. И всё мало. Ещё 20 коров и быка купили». См.: Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1977. Т. 19. Кн. 2: Письма (1881–1884). С. 116.
- 16 У В. В. Алышевского ошибка в имени, он назвал жену Сергея Петровича Елизаветой.
- 17 Екатерина Алексеевна Боткина была членом Общества содействия женскому сельскому хозяйству и Общества пчеловодства.
- 18 Периодически к С. П. Боткину в имение Культиллу приезжали из Москвы его старшие братья Дмитрий Петрович Боткин (1829—1889) и Пётр Петрович Боткин (1831—1907) со своими семьями.
- Часть коллекции была сдана вдовой М. П. Боткина Екатериной Никитичной и его сыном Сергеем Михайловичем на хранение в Русский музей. В 1920 году эта часть собрания была перераспределена между Государственным Русским музеем и Эрмитажем. Вторая часть, оставшаяся в особняке, после революции была распродана дочерьми М. П. Боткина, Еленой и Елизаветой; часть вещей попала потом в государственные музеи.
- ²⁰ С. П. Боткин умер в Ментоне (Франция). Его тело было привезено и захоронено на кладбище женского Воскресенского Новодевичьего монастыря в Петербурге.
- 21 Старший сын Сергей Сергеевич Боткин (1859—1910) был почётным лейб-медиком Николая II и Александры Фёдоровны. Третий сын – Евгений Сергеевич Боткин (1865—1918) также был лейб-медиком Николая II и Александры Фёдоровны, он погиб вместе с царской семьёй.

С. М. НОВАКОВСКАЯ-БУХМАН

(Государственный Русский музей; Санкт-Петербург)

ДВА ДРЕВНЕГРУЗИНСКИХ МЕДАЛЬОНА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ М. П. БОТКИНА

Аннотация. Медальоны поступили в Русский музей в составе собрания М. П. Боткина в 1917 году. На них представлены чеканные поясные изображения архангела и святого мученика Давида, как сообщает чеканная надпись грузинского письма асомтаврули. Повышенное внимание к скульптурности рельефа, техническое совершенство чеканки позволяют отнести медальоны к XI веку – золотому веку древнегрузинской чеканки. Искусство их мастера Иванэ Монисдзе принадлежит к византинизирующему направлению в древнегрузинском искусстве XI века. Судя по чеканке, тому же произведению, что и медальоны Русского музея, принадлежат три медальона с образами архангела из Эрмитажа, а также четыре пластины в арочном обрамлении с изображениями святителей Василия, Николая, Григория и Афанасия из Эрмитажа и Музея искусств Грузии. На полях образа святителя Николая прочеканена грузинская надпись с именем мастера – Иванэ Монисдзе – и датой создания произведения – 1040 год. Все эти фрагменты могли принадлежать окладу иконы или предалтарного креста. Возможно, они были вложены в Моцаметский монастырь, где по заказу Баграта IV Багратиони была устроена рака для мощей святых мучеников князей Давида и Константина Аргветских в канун 300-летия их гибели в 1040 году.

Ключевые слова. Древнегрузинская чеканка, Давид и Константин Аргветские, мастер Иванэ Монисдзе, Моцаметский монастырь, чеканка Грузии, чеканка XI века, Баграт IV Багратиони.

S. M. NOVAKOVSKAYA-BUCHMAN

(The State Russian Museum; St. Petersburg)

TWO ANCIENT GEORGIAN MEDALLIONS FROM THE MIKHAIL P. BOTKIN COLLECTION

Abstract. The medallions belong to the Botkin collection which was stored in the Russian Museum in 1917. The embossed inscription in the Asomtavruli script indicates that the medallions represent a half-figure image of Archangel and Holy Martyr David. Special focus on the sculptural quality of relief and perfect technical quality of embossed work allow to date the medallions to the 11th century, the golden age of Ancient Georgian embossed work. The works

of their master Ivane Monisdze belong to the Byzantinesque trend in Ancient Georgian art of the 11th century. Similar embossed work technique distinguishes the 3 Hermitage medallions with image of Archangels and the 4 plates in arched framing with images of Saints Basil, Nicholas, Gregory and Athanasius from the National Museum of Fine Arts of Georgia and the Hermitage Museum. On the margin of St Nicholas's image there is an inscription in Georgian with the name of the master, Ivane Monisdze, and the date of its creation, 1040. These fragments could belong to the frame of the icon or the cross in front of the altar. It is also possible that they were donated to the Motsameta Monastery for which the Georgian King Bagrat IV Bagrationi commissioned a reliquary with the remains of the Holy Martyrs Princes David and Constantine Argveti on the eve of the 300th anniversary of their death in 1040.

Keywords: Ancient Georgian embossed work, embossed work of the 11th century, Georgian embossed work, David and Constantine Argveti, Master Ivane Monisdze, Motsameta Monastery, Bagrat IV Bagrationi.

Памятники древнегрузинской чеканки в Русском музее немногочисленны. Они поступили в 1917 году в составе коллекции М. П. Боткина, при-

везённой согласно договору с музеем для сохранения вдовой Михаила Петровича – Е. Н. Боткиной¹. Среди этих произведений имеются два серебряных медальона бледного золочения с поясными изображениями архангела и святого мученика Давида, как сообщает чеканная надпись грузинского письма асомтаврули [ил. 1, 2]². Оба медальона воспроизведены на таблице в издании «Собрание М. П. Боткина»³.

Исполнены медальоны Русского музея в технике чеканки с тщательной прочеканкой с лицевой стороны складок одеяний, орнаментов и надписи. Строгие, отрешённые от реальности лики, центричные композиции прямо-

Ил. 1. Святой Давид Аргветский. Фрагмент оклада. Грузия. Мастер Иванэ Монисдзе. 1040. Серебро; золочение, чеканка. Медальон из коллекции М. П. Боткина. Собрание ГРМ. Инв. № БК-2928

лично изображённых фигур, их обобщённый силуэт и лаконизм линий создают монументальные репрезентативные образы. Стройные пропорции узкоплечих, расширенных книзу фигур и изящный рисунок сочетаются на медальонах с совершенным владением их мастера невысоким, но

многоплановым рельефом. Не говоря о многих уровнях рельефа, от едва выступающих за фон нимбов до высокого рельефа голов, мы видим тончайшие приёмы создания скульптурного образа. Так, рельеф раскрытой вперед (к зрителю) ладони мученика слегка развернут к поверхности груди под углом, одна сторона ладони почти сливается с рельефом плаща, но зато другая кажется едва ли не отделённой от фигуры. Голова мученика несколько «утоплена» в рельефе нимба, так как последний несколько понижается к центру, к голове, и это подчёркивает высокий рельеф головы.

Такое внимание к рельефу в сочетании с возвышенностью и монументальностью образов, техническое совершенство чеканки с чётким отделением рельефа от фона сближают наши медальоны с памятниками XI века – золотого века древнегрузинской чеканки. Мельчайшие иконографические детали связывают изображения архангела и святого Давида со многими памятниками XI века. Это чуть улыбающееся лицо архангела и низанная жемчугом диадема в его волосах⁴, жемчужный узор зерцала и краев рукавов у обеих фигур⁵, рельеф глаз с рельефно выступающей радужной оболочкой и углублённым зрачком⁶, встречные провисаю-

Ил. 2. Архангел. Фрагмент оклада. Грузия. Мастер Иванэ Монисдзе. 1040. Серебро; золочение, чеканка. Медальон из коллекции М. П. Боткина. Собрание ГРМ. Инв. БК-2927

щие складки одежды⁷. Некоторые из аналогий, такие как иконы Лаклакидзевской Богоматери и Симеона Столпника, имеют доказуемые даты в пределах первой половины XI века⁸.

Особый почерк мастера медальонов Русского музея сближает их с четырьмя пластинами в арочном обрамлении с изображением святителей в рост – святых Василия, Николая, Григория и Афанасия, хранящимися в Государственном музее искусств Грузии и Эрмитаже [ил. 3]9. Как и наши медальоны, это фрагменты погибшего памятника. Все они исполнены на серебряных листах с тусклой «зеленоватой» позолотой, имеют гладкий фон, раму из рубча-

той проволочки и неровные края – результат вырезания их по контуру из оклада. Исполнение медальонов с архангелом и святым Давидом не оставляет сомнения в принадлежности их мастеру святителей. Несмотря на естественное несходство ликов разных персонажей, многие детали оказываются общими для медальонов и арочных пластин.

Ил. 3. Святители Николай Мирликийский и Василий Великий. Фрагмент оклада. Грузия. Мастер Иванэ Монисдзе. 1040.

Серебро; золочение, чеканка. Собрание ГМИГ

Это одинаковый рисунок складок плаща мученика и фелоней святителей, подчёркнутые рельефом мускулы шеи и узор краёв ворота, набор орнаментов, тонкая разделка словно расчёсанных волос. Можно прибавить и такие индивидуальные и при этом общие для всех пластин черты, как узкие лики с впадинами на висках и особый приём мастера – передавать складку между бровями рельефной впадинкой над переносицей. На всех ликах – тонкие, плотно сжатые маленькие губы, рельефно выдвинутые вперёд. Совпадает с нашими медальонами и приём обводки фигур по контуру с лицевой стороны бороздкой, двойная линия век, тщательно выбитый пуансоном орнамент из точек, рельеф глаз. Едва заметный зеленоватый тон позолоты позволяет предположить принадлежность всех пластин не только одному мастеру, но и одному памятнику. К этим фрагментам нужно прибавить ещё три медальона с архангелами, хранящиеся в Эрмитаже 10 , также принадлежащие чеканке Иванэ Монисдзе [ил. 4]. Они исполнены на пластинах того же диаметра, что и в Русском музее. Один медальон почти точно повторяет архангела из собрания М. П. Боткина. Принадлежность всех этих медальонов и арочных пластин одному произведению подтверждает и анализ серебра, абсолютно идентичного по составу лигатур на пластинах с архангелом и святителем Григорием из Эрмитажа¹¹. Имя мастера и дата исполнения оклада указаны в чеканной надписи на пластине со святым Николаем Мирликийским: «Во имя Божие сделано в мамасахлисство Евфимия, рукою Иванэ Монисдзе. Короникон был 260», то есть 1040 год¹². Эта дата не противоречит кругу памятников, в который по стилю вписываются наши медальоны, даёт всем им дату и имя мастера.

Ил. 4. Архангелы. Медальоны на переплете рукописи XV века. Фрагменты оклада. Грузия. Мастер Иванэ Монисдзе. 1040. Собрание ГЭ. Инв. № ГР-206, ГР-207

Наконец, на фотографии конца XIX века изображены медальоны со святым мучеником и архангелом, набитые поверх средника чеканной иконы Богоматери с Младенцем, хранившейся в монастыре Шемокмеди, позже её создания¹³. Даже мелкого изображения медальонов достаточно, чтобы убедиться в их абсолютном сходстве с медальоном со святым Давидом из Русского музея и одним архангелом из Эрмитажа¹⁴. После

краж фрагментов чеканных окладов в монастыре Шемокмеди (около 1910 года) многие фрагменты, в том числе и архангелы, оказались в коллекции барона А. Л. Штиглица и в 1923 году поступили в Эрмитаж¹⁵. Таким образом, фрагменты чеканного оклада Иванэ Монисдзе хранятся ныне в Государственном музее искусств в Грузии, в Эрмитаже и Русском музее. Все вместе, как упоминалось выше, они должны быть отнесены к одному памятнику.

Автор этих фрагментов, Иванэ Монисзде, в совершенстве владеет деталью. Он передаёт напряжённые выступающие жилы шеи и фигурные, с изгибами складки ворота одежды на груди, передаёт рельеф костяка сжатой кисти руки архангела, ямку над переносицей между бровями. Названные детали создают впечатление индивидуальности почерка мастера. На самом деле, они заимствованы из арсенала византийского искусства, где появились задолго до XI века¹⁶. По приёмам моделировки формы с помощью линейных складок, прямых и падающих каскадом, скруглённых и провисающих, расходящихся веером на сгибе локтей, орнаментальному краю ворота, пластины Иванэ поразительно близки фигурам резанных из кости византийских триптихов X века¹⁷. Не случайно Ш. Амиранашвили считал пластины Иванэ Монисдзе со св. Василием и св. Николаем архаичными по стилю¹⁸.

Однако аскетические лики святителей с впалыми шеками, так не похожие на простоватые лица многих святителей византийских триптихов из кости X века, детали орнамента (узор палицы) схожи с ликами святителей в мозаиках Софии Киевской (середины XI века), во фресковых росписях Софии Охридской (около 1040 года), в грузинских миниатюрах, в росписи храма в Атени (ХІ век) 19. В сравнении с грузинскими памятниками стилистическое своеобразие работ Иванэ Монисдзе позволяет понять его творчество. Складки шеи и ворота, передача костяка сжатой руки буквально повторяются на предалтарном кресте со сценами из жизни св. Георгия из Сети (Местиа)²⁰. Однако одни и те же приёмы и орнаменты мастеров создают разные, почти диаметрально противоположные образы. Будь то рисунок руки или жест (выставленный вперед палец руки), выражение лика, Иванэ Монисдзе доводит деталь до знака, а образ до аскетичного, одухотворённого образа-символа, мастер местийского креста – до реалистичного образа, порой почти гротескного, а всей сцене сообщает оттенок жанровости. Эти различия при всём многочисленном сходстве деталей оттеняют разную направленность творчества мастеров. принадлежит византинизирующему Искусство Иванэ Монисдзе направлению в древнегрузинском искусстве XI века. Созданные им образы находят аналогии и в византийской чеканке XI века²¹. Творчество мастера местийского креста тяготеет к характерным для грузинского искусства XI века поискам скульптурности и реальной жизненности образов.

Известные на сегодняшний день пластины оклада Иванэ Монисдзе с изображением мучеников, святителей и архангелов представляют звенья сложившейся в византийской культуре послеиконоборческого времени иерархии святых, в XI веке уже определявшей систему росписей и мозаик храмов. В кратком варианте эта система с различными акцентами, с конца X века, а в основном с XI века, представлена на полях икон, ставротек, на створках резных из кости триптихов X-XIII веков.

В древнегрузинском искусстве XI века архангелы, святители, мученики помещены в росписях алтарных абсид храмов, встречаются на процессионных и предалтарных крестах, на полях икон, на створках складней. Однако подбор святых в каждом конкретном случае должен иметь своё объяснение.

Судя по размеру арочных пластин и медальонов, фрагменты Иванэ Монисдзе могли принадлежать полям иконы или предалтарному кресту. Мы имеем изображения четырёх святителей, четырёх архангелов и одного святого мученика. В этом случае перед нами неполный набор пластин.

Какому же произведению могли принадлежать пластины работы Иванэ Монисдзе? Для предположительного ответа на этот вопрос особое значение имеют два обстоятельства: имя святого мученика – Давид – и дата создания памятника – 1040 год.

В истории православной церкви значительный список святых с именем Давид²². Между тем, лишь два из них, живших до 1040 года, - мученики, и память обоих принадлежит истории грузинской церкви. Это Давид, брат Таричана (празднование их 18 мая)23, и князь-воин Давид Аргветский, брат Константина (память 2 октября, в Синаксаре грузинской церкви – 31 октября)²⁴. Первые мученически погибли за веру в 693 году 31 мая²⁵. Нам неизвестны их изображения. Вторые погибли в 740 году (по другим версиям в 739, 741 году) в борьбе за веру во время нашествия арабов на Грузию под предводительством Мурвана Глухого²⁶. Культ этих князей-воинов прослеживается с XI века. По тексту жития, ранняя редакция которого составлена в первой половине XII века²⁷, смерть князей сопровождалась чудесами. Их мощи должны были приносить исцеление от болезней и «скорую милость», а их культ стал культом святых воинов, мучеников и целителей. Тела князей были отнесены на вершину горы Цхал-Цители, вблизи города Кутаиси, и оставлены при разрушенной церкви. Далее с именами Давида и Константина Аргветских связаны события 1040 года и имя грузинского царя Баграта IV Багратиони (1027—1072)28. По тексту жития Давида и Константина святые мученики в 1040 году «явились в ночном видении царю Баграту и повелели ему открыть мощи их и перенести в церковь»²⁹. По преданию Баграт IV возобновил церковь Благовещения, в которой хранились останки святых Давида и Константина, устроил при ней придел с ракой, куда и были перенесены

мощи святых великомучеников 30 , а монастырь в их честь получил название Моцаметского, то есть мученического 31 .

Все эти свидетельства делают чеканную дату 1040 года на одной из пластин Иванэ Монисдзе со святым Николаем более чем значительной. Совпадение её со временем чудесного видения Баграта, в канун 300-летия мученической гибели святых, позволяет предположить (в качестве гипотезы и первой попытки связать разрозненные пластины в цельный памятник), что произведение Иванэ Монисдзе могло быть заказано мастеру в связи с возобновлением церкви и устройством раки для мощей святых Давида и Константина Аргветских.

Может быть, это была чеканная или живописная с серебряным золочёным окладом икона, предназначенная стоять у раки. Обычай этот упоминается великим современником и духовником царя Баграта IV Георгием Святогорцем, который после сооружения им главного соборного храма Иверской обители на Афоне перенёс туда мощи святого Евфимия и других святых, великомучеников и подвижников, устроил раку, «украсил место над их святыми гробами, повесил святые иконы с неугасимыми перед ними лампадами и положил на будущее время»³².

Примером памятника, имеющего изображение святого Давида, может служить поясная икона Богоматери с Младенцем из церкви Ламариа, в XIX веке хранившаяся в церкви Богоматери близ Жибиани (Чажаш)³³. Поля иконы заняты медальонами: вверху – святой Георгий-воин между двумя архангелами, на боковых полях – святой Василий Великий и святой Григорий³⁴; внизу (по атрибуции Р. И. Кении и В. И. Силогавы) – святой мученик с крестом Квирике, святой Фёдор, святой мученик с крестом Давид³⁵.

Для реконструкции произведения Иванэ Монисдзе чрезвычайно важно присутствие на нижнем поле иконы из церкви Ламариа святого мученика Давида. Как и на медальоне Монисде, он изображен средовеком³⁶, с пышной причёской и без бороды. Чеканная на медальоне надпись³⁷ в точности соответствует надписи медальона Иванэ Монисдзе. В полном виде, без сокращения, она должна читаться «святой Давид»³⁸. Нет сомнения, что на иконе из церкви Ламариа, как и на медальоне Монисдзе, изображен Давид Аргветский. Парный ему медальон представляет молодого святого мученика с пышными короткими волосами и надписью, прочитанной В. И. Силогавой «Св. Квирике»³⁹. Однако те же самые буквы будут и в сокращении имени «Константине». Возможность двоякого прочтения такого сокращения на другом памятнике отмечал грузинский историк-палеограф Дм. Бакрадзе⁴⁰. В данном случае важную для нас атрибуцию может уточнить само изображение молодого безбородого святого, с короткими пышными волосами. На наш взгляд, это святой мученик Константин Аргветский, младший брат Давида. Таким, с русыми волосами, красивым и по молодости безбородым описан Константин в житии Давида и Константина Аргветских⁴¹. Таким образом, на иконе из Жибиани, возможно, именно Давид и Константин Аргветские включены в число местных воинов, мучеников, изображавшихся на нижнем поле икон. Текст жития этих святых описывает Давида средовеком (38 лет), с бородой⁴². Таким предстает Давид в росписи храма в Тимотесубани (1205–1215)⁴³.

Однако в памятниках XI века, на чеканном медальоне Иванэ Монисдзе и на иконе из церкви Ламариа, у святого Давида бороды нет. Отсутствие текста жития Давида и Константина XI века не позволяет сравнить облик святого Давида со словесным портретом. Однако сходство иконографии святого Давида на пластине Иванэ Монисдзе и на иконе из церкви Ламариа не оставляет сомнения в не случайности облика святого для XI века. Упомянутая выше ранняя редакция жития святых написана не ранее первой половины XII века.

Очевидно, иконография Давида и Константина Аргветских в XI веке окончательно ещё не сформировалась, а культ князей-мучеников лишь начал развиваться с момента чудесного видения царя Баграта IV Багратиони, с устройства им церкви над мощами и раки святым.

Если наша догадка о принадлежности пластин Иванэ Монисдзе иконе, предназначенной стоять у раки Давида и Константина Аргветских, верна, можно было бы предложить её реконструкцию. Среди чеканных древнегрузинских икон раннего времени немало памятников с изображениями архангелов по краям верхнего поля, святителей – на боковых полях, святых воинов и мучеников – внизу. Одним из таких памятников является упомянутая выше икона Богоматери Одигитрии из церкви Ламариа. Известны также иконы, на боковых полях которых изображены святители в рост⁴⁵.

В среднике такой иконы в Моцаметском монастыре естественно было бы видеть образы святых Давида и Константина Аргветских. Однако ранняя иконописная традиция не сохранила таких образов. Нет их и в чеканном искусстве. Но в среднике такой иконы могла быть изображена и Богоматерь. К такому предположению нас приводит следующее.

Согласно истории культа мучеников, слагавшегося со II века н. э. 46, у раки Давида и Константина Аргветских должны были совершаться поминальные службы – чин литии в дни памяти святых мучеников (2 октября), а, очевидно, и в случаях бедствий – засухи, вражеских нашествий, когда просили о защите, о ходатайстве перед Богом у гробов мучеников Поминание мучеников было, прежде всего, чтением их жития, их страданий, а также похвальных слов Во этом обряде свидетельствует рукопись XI века, переведённая Георгием Мтацминдели По чину всенощного бдения Типикона церковного последования Лавры святого Саввы, который, по определению К. Кекелидзе, типичен и для всех прочих монастырей Палестины (рукопись была переписана иеромонахом Георгием для Ши-

^{*} Чин литии (от греч. «устав, порядок») – порядок молитвословий при богослужении.

о-Мгвимского монастыря в 1247–1269 годах с подлинника 1172 года), лития святых мучеников включает мольбы священника о спасении людей. «богохранимого царя»⁵⁰. Показательно, что обращение к Христу с прощением «прославить», «возвеличить» царя Баграта IV Багратиони вошло в состав ряда чеканных надписей, например, на процессионных крестах XI века из Мартвили и самого Моцаметского монастыря⁵¹. Памятники письменности XII века сохранили ряд свидетельств об участии образа Богоматери в обряде поминовения. В Типике монастыря Пантократора в Константинополе 1136 года, в Типике монастыря Богородицы Космосотиры в Фере (Фракия) 1152 года поминальные службы должны были совершаться при участии образа Богоматери, причем, в последнем случае к иконному образу Богоматери обращались в молитве 52 . Во время особых поминальных еженедельных богослужений агрипний в ночь с пятницы на субботу в Герооне, по Типику монастыря Пантократора 1136 года. выносили почитавшиеся ктиторами иконы Богоматери⁵³. Богоматерь в этих обрядах выступала как предстательница и ходатайница за живых и умерших перед Христом⁵⁴. Не исключено, что и в XI веке образ Богоматери у раки святых понимался как поминальный, способствующий заступничеству Богоматери за живущих перед Христом. Вероятно, не случайно чеканные надписи вкладчиков древнегрузинских икон, начиная с образа Хобской Богоматери («Милостивой», X века) и Лаклакидзевской (XI века), содержат обращение к Богородице как к предстательнице перед Христом в земной и будущей жизни за души вкладчиков 55. Эта традиция продолжается в надписях на грузинских иконах и позже⁵⁶, вплоть до XIX века.

Таким образом, в среднике иконы, вложенной, как мы полагаем, в Моцаметский монастырь по заказу Баграта IV Багратиони, могло иметь место изображение Богоматери.

Чем же был обусловлен выбор святых на полях, чеканенных Иванэ Монисдзе?

Звучащие на современных службах святым великомученикам прошения включают всех святых как ходатаев перед Богом, в том числе Богоматерь, крест, ангелов, Предтечу, апостолов, святителей, мучеников, преподобных, праведных, храмового святого; литийная ектения*** содержит прошение за царя⁵⁷.

^{*} Типик (Типикон) – богослужебная книга, содержащая богослужебный устав, месяцеслов, правила о постах, правила монастырского общежития и указания о совершении храмовых празлников

^{**} Агрипния (в греч. «бессонница») – всенощная церковная служба, состоящая из вечерни, утрени, часов, а также «Божественной Литургии».

^{***} Ектения (также Ектенья) восходит к поздне-греческому «протяжное моление» и глаголу «тянуть». В богослужении название последовательности молитвенных прошений, одна из главных составных частей богослужения в православной церкви. Лития (в греч. «просьба, мольба, молитва») – в православном богослужении часть Всенощного бдения накануне праздников, следующая за ектенией.

Но прошение за короля, местного епископа, за молящихся, за войско, обращённое к заступникам, к святой Марии, архангелам, Иоанну Предтече, апостолам, мученикам, всем святым, включают уже западные литании* средневизантийского периода⁵⁸. По текстам древнерусских рукописей, содержащих службы святым Борису и Глебу, священномученики оказываются рядом с Престолом Бога вместе с херувимами, серафимами, апостолами, другими мучениками, святителями⁵⁹. Учитывая это. можно предположить, что икона у раки, содержащая на полях образы архангелов, святителей, Давида и Константина Аргветских, так или иначе участвовала в поминальной службе святым мученикам. Очевидно, само понимание поминальной службы, её обряд, звучавшие на ней молитвы могли предопределить изображение в среднике иконы Моцаметского монастыря образа Богоматери, а на полях, вероятно, Деисуса (или Христа) с архангелами вверху, святителей с архангелами или только святителей Василия Великого, Григория Фавматоурга, святого Николая, Афанасия Александрийского – на боковых полях и мучеников внизу, прежде всего, святого Давида (медальон Русского музея) и святого Константина.

Невозможно сказать, чем был обусловлен выбор названных святителей. Были ли они патронами членов семьи вкладчика, быть может. один из представленных на окладе святителей был соимёнен священнику церкви Благовещения Моцаметского монастыря? В связи с поставленным вопросом обращает на себя внимание процессионный крест из Мартвили работы Иванэ Диакона, исполненный по заказу Арсения⁶⁰. Внизу креста чеканены полуфигуры двух святителей: святого Василия и святого Григория. Последний имеет такую же иконографию, как и святой Григорий на пластине Иванэ Монисдзе, и должен быть атрибутирован как Григорий Чудотворец. В чеканенной на кресте надписи сообщается, что крест исполнен «в прославление и в моление – да возвеличи Боже сильного Баграта царя и куропалата и детей его вместе возвеличь, боже и в отпущение грехов души моей...», титул в надписи соответствует титулу Баграта IV Багратиони⁶¹. Остаётся предположить, что, может быть, не случайно образы Василия Великого и Григория Чудотворца сопутствуют Баграту IV Багратиони: не связаны ли они каким-то образом с самим Багратом IV?

Изображения же святого Давида и, возможно, святого Константина на нижнем поле иконы могли и должны были быть на иконе образами патронов Моцаметского монастыря.

Необходимо упомянуть и о втором возможном варианте реконструкции оклада Иванэ Монисдзе. Выше упоминалось, что по размеру медальоны могли принадлежать либо полям иконы, либо предалтарно-

^{*} Литания (в греч. «прошение) — в католическом богослужении молитва, состоящая из обращений к Иисусу Христу, Пресвятой Деве и святым, чередующихся с молитвенными прошениями (часто покаянного характера).

му кресту. Среди окладов предалтарных крестов Древней Грузии есть памятники, близкие чеканке Иванэ Монисдзе по стилю, по набору святых, по изображенным орнаментам одежд, атрибутам святых, по рисунку складок шеи и ворота одежды. Это большие предалтарные кресты из Харагоули и Пари⁶². Они отличаются сходным с работами Монисдзе бледным зеленоватого оттенка золочением серебра, близким размером пластин, широко распространённой в грузинских памятниках XI века традицией обрамления изображений ложнозернёной проволочной рамкой и архаической традицией гладкого фона. Сходство всей совокупности этих мелких деталей столь велико, особенно на кресте из Пари, что можно предположить работу Иванэ Монисдзе и мастера креста из Пари в одном центре или одной мастерской. Только стиль мастера парского креста всецело принадлежит не византинизирующему, а местному грузинскому направлению в искусстве, о чём говорят психологически реальные образы, реалистично крупные руки и ноги изображённых святых, лишённые той отточенности, сдержанности и изящества, которые отличают образы Иванэ Монисдзе.

Подобно полям чеканных икон, на таких крестах изображался Деисус, сцены христологического цикла, апостолы, святители, мученики, святые воины. Фигуры на поверхности крестов размещались в медальонах, прямоугольных рамочках, иногда – в арочках. Исходя из этого, следует допустить, что пластины Иванэ Монисдзе не только по размеру, но и по форме рам, по составу святых могли принадлежать предалтарному кресту, который, возможно, был заказан Багратом IV Багратиони для возобновлявшейся им церкви Благовещения в связи с размещением там раки для мощей святых Давида и Константина Аргветских.

Своеобразная традиция ставить в пространстве церкви перед алтарём большие кресты предполагает существование особой службы. Однако тексты таких служб пока не обнаружены. Смысл же подобного набора изображений на предалтарных крестах не должен идти вразрез с семантическим значением образов на полях поминальной иконы.

В заключение хотелось бы отметить одну деталь. В полную бурь эпоху Баграта IV – эпоху борьбы за власть, за освобождение Грузии от арабов, сельджуков, за объединение Грузии – 1038–1040 годы имели особое напряжение. Это были годы осады Багратом IV крепости в центре Грузии – Тбилиси – в этот момент последнего оплота мусульманства на территории Грузии⁶³. В этой связи понятно то внимание, которое было придано Багратом IV открытию мощей Давида и Константина Аргветских, мученически погибших от арабов. И все деяния по устройству Моцаметского монастыря были для Грузии 1040 года весьма актуальны. В числе этих деяний, возможно, и было создание памятника чеканного дела Иванэ Монисдзе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. КПХО. Ед. хр. 2. «Собрание М. П. Боткина. 1917». Произведения ящика № 27, в котором находились памятники древнерусского прикладного искусства и, как удалось определить, отдельные произведения зарубежной культуры, были перенесены в Художественный отдел музея Александра III и впоследствии оставлены на постоянное хранение. Инвентарные номера им были даны в 1926 году.
- ² Медальон с архангелом инв. № БК-2997. Серебро; золочение, чеканка. Диаметр 8,5 см. Медальон со св. Давидом инв. № БК-2998. Серебро; золочение, чеканка. Диаметр 8,8 см.
- ³ Собрание М. П. Боткина. СПб., 1911. Табл. 93.
- Чубинашвили Г. Н. Грузинское чеканное искусство. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1959. – Ф. 169, 171, 204, 299.
- ⁵ Чубинашвили Г.Н. Грузинское чеканное искусство VIII–XVIII веков. Тбилиси, 1957. Табл. 74, 76; Чубинашвили Г.Н. Грузинское чеканное искусство. 1959. Ф. 132, 136, 152, 169, 204, 205, 299.
- 6 Abramishvili G. Georgian Jewellery and Metalwork in the Middle Agers // Jewellery et metalwork in museums of Georgia. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1986. Pl. 137–150, 152–153, 176.
- ⁷ Чубинашвили Г.Н. Грузинское чеканное искусство. 1959. Ф. 130–131, 134, 204 и др.
- ⁸ Там же. Ф. 205 а. С. 303 и сл. Ф. 203. С. 203.
- 9 Амиранашвили Ш.Я. Бэка Опизари. Тбилиси: Отдел охраны памятников культуры Грузии, 1939. С. 28–29; Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. Т. 1. М., 1939. С. 216; Ракитина К.С. Памятники грузинского чекана по серебру XI XII вв. в собрании Эрмитажа // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Т. 5. С. 66–68; Amiranasvili S. Poklady Gryzie. Praha, 1971. Obr. 48. [Стр.] 84; Христиане на Востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан. Каталог выставки Государственного Эрмитажа. СПб.: Славия, 1998. № 60; Синай. Византия. Русь. Каталог выставки. СПб.: Изд-во ГЭ, 2000. С. 121–122. (Аннотация А. С. Мирзоян).
- 10 Медальоны атрибутированы А. С. Мирзоян. Мирзоян А. Вновь обретенные работы грузинского мастера XI века Иванэ Монисдзе в фондах Эрмитажа. Доклад на восьмом коллоквиуме семинара «Ювелирное искусство и материальная культура». Государственный Эрмитаж. 16 октября 1999 года.
- ¹¹ Синай. Византия. Русь... С. 123.
- 12 Надпись впервые прочитана Д. З. Бакрадзе, отнесшим короникон ко второму циклу, то есть к 1572 году. Бакрадзе Д. Археологическое путешествие по Гурии и Адчаре. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1878. С. 129. Е. С. Такайшвили приурочил дату к короникону первого цикла (1040 год), что соответствует стилю произведения. Такайшвили Е. С. Археологические экскурсии, разыскания и заметки. Тифлис, 1905. Вып. 1. С. 41–44.
- 13 Кондаков Н.П., Бакрадзе Д.З. Опись памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии. СПб. тип. Министерства путей сообщения, 1890. Рис. 56.
- 14 Новаковская-Бухман С. М. Произведения Иванэ Монисдзе в собрании Русского музея // Искусство христианского мира. Сборник статей. – М.: Издательство Право-

- славного Свято-Тихоновского Богословского Института. Вып. 4. 2000. С. 247; Синай. Византия, Русь... С. 123. (Аннотация А. С. Мирзоян).
- 15 Материалы, свидетельствующие о кражах около 1910 года в Шемокмеди, найдены Ю. А. Пятницким. За сообщение об этом выражаю ему искреннюю благодарность. Известно, что кражи в монастыре были и в конце XIX века.
- ¹⁶ Talbot Rice D. The Art of Buzantium. N.Y., 1995. Fig. 20, 58, 97, 107, 129; Bank A. L'art byzantin dans les musées de l'Union Soviétique: [album]. Leningrad: Aurore, 1977. Pl. 60, 122.
- ¹⁷ Goldschmidt A. und Weitzmann K. Die Byzantinischen Ekfenbeinskulpturen des X-XIII Jahrhunderts. Berlin, 1934. Pl. II 6, III 9, X 31 d, e, XIII, XIV (№ 34), XV, XVII, XXII.
- ¹⁸ *Амиранашвили III*. Бэка Опизари. С. 28–29.
- 19 Лазарев В. Н. Древнерусские мозаики и фрески XI–XV вв. М.: Искусство, 1973. Ил. 47–51; Лазарев В. Н. История византийской живописи. М.: Искусство, 1986. Ил. 180, 187; Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства. 1959. Табл. 57 и сл. Амиранашвили Ш. Я. датирует роспись в Атени началом X века. Там же. С. 96–98. Однако эта датировка оспаривается в пользу XI века. См.: Шмерлинг Р. К вопросу о датировке Атенской росписи // Сообщения АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1947. Т. VIII. № 4. С. 263–273; Аладашвили Н. А., Алибегашвили Г. В., Вольская А. И. Живописная школа Сванети. Тбилиси: Мецниереба, 1984. С. 6, 36.
- ²⁰ Кресту посвящено монографическое исследование Г. Н. Чубинашвили. *Чубинашвили Г. Н.* Один из памятников первостепенного значения грузинской чеканки в Сванетии // Ars Georgica, 3. – Тбилиси, 1950. – С. 95–118. – Табл. 33–40. См. также: *Чубинашвили Г. Н.* Грузинское чеканное искусство. – 1959. – С. 450–477. – Ил. 270, 271; *Кения Р. И.* Предалтарные кресты Верхней Сванетии // Средневековое искусство. Русь и Грузия. – М.: Наука, 1978. – С. 224–225; Jewellery metalwork of Georgia. – Leningrad: Awrora, 1986. – Pl. 127–129. P. 104.
- The Glory of Byzantium. Art and culture of the Middle Byzantine Era. A. D. 843–1261 / Ed. by H. C. Evans and W. D. Wixom. The Metropolitan Museum of Art. N. Y., 1997. № 25, 26, 27; *Talbot Rice D*. The Art of Byzantium. N. Y., 1995. Color. Pl. XV.
- ²² Сергий, архиепископ. Полный месяцеслов Востока. Изд. 2. Т. І, ІІ. Владимир, 1901. Указатель І, ІІ, ІІІ. Указатель к Приложению 22; The Oxford dictionary of Byzantium. N. Y., Oxford, 1991. Vol. І. Р. 588–590.
- ²³ Сабинин М. Полное жизнеописание святых грузинской церкви. Часть третья. СПб., 1873. – С. 165.
- ²⁴ Сергий, архиепископ. Полный месяцеслов Востока. С. 659, 661; Иосселиани Пл. Жизнеописания святых, прославленных православною грузинскою церковью. Тифлис, 1880; Сабинин М. Указ. соч. Часть первая. СПб., 1871. С. 154–165.
- ²⁵ Мученичество Давида и Таричана» было найдено Н. Марром в грузинской рукописи X в. См.: *Марр Н.* Из поездки на Афон. // Журнал Министерства народногопросвещения. СССХХІІ. 1899. № 3; Жития грузинских Святых. Тбилиси, 2002. С. 83–84.
- ²⁶ Сабинин М. Указ. соч. Часть первая. СПб., 1871. С. 154–165.
- ²⁷ Кекелидзе К. История грузинской литературы. Т. І. Тбилиси, 1941. С. 496–497. В литургических сборниках сохранилось пять разных редакций их жития. Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Кн. IV. Синаксарные редакции (XI XVIII вв.). Тбилиси, 1968. С. 154–155.

- ²⁸ Сабинин М. Указ. соч. Часть первая. С. 164.
- ²⁹ Там же. Упоминание о перенесении мощей Давида и Константина Аргветских имеется в «Картлис Цховреба». См. Сабинин М. Указ. соч. Часть первая. С. 164, сн. 1; Каучхишвили С. Г. Картлис Цховреба (История Грузии). Т. І. Тбилиси, 1955.
- ³⁰ *Сабинин М.* Указ. соч. Часть первая. С. 164.
- 31 Хелидзе Г. Моцаметский монастырь и житие Св. мучеников и Князей Давида и Константина. IV издание. Кутаис: «Коммерческая» Типография В. Чиладзе и К, 1900. С. 9; Гамбашидзе Д.В. Св. великомученики Давид и Константин и Моцаметский монастырь. Изд. I. Кутаис, 1888. С. 10.
- 32 Житие преподобного и великого отца нашего Георгия перелагателя книг и просветителя всей Иверии. *Сабинин М.* Указ. соч. Часть вторая. С. 174–178.
- ³³ Уварова П.С. Поездка в Пшавию, Хевсувретию, Сванетию // МАК. − 1904. − Т. Х. − С. 12; Чубинашвили Г.Н. Грузинское чеканное искусство. − 1959. − Ф. 47– 48; Алибегашвили Г.В. Памятники средневековой станковой живописи из Верхней Сванетии // Средневековое искусство. Русь. Грузия. − М.: Наука, 1978. − С. 166; Кения Р.И., Силогава В.И. Памятники грузинского чеканного искусства Сванети, Ушгули. − Тбилиси, 1986. − Кат. 25 − С. 46–47. − Цвет. табл. 6.
- ³⁴ По иконографии это святой Григорий Фавматоург с высоким лбом и залысинами, с бородой не длинной, имеющей обрез по форме подбородка, как на мозаике Софии Киевской.
- ³⁵ Кения Р.И., Силогава В.И. Указ. соч. С. 47.
- 36 Средовек человек средних, зрелых лет. Святой Давид Аргветский умер в возрасте 38 лет.
- ³⁷ *Кения Р.И., Силогава В.И.* Указ. соч. Цвет. табл. 6. С. 47.
- 38 Там же. С. 47.
- 39 Там же.
- 40 Бакрадзе Д. З. Сванетия // Записки Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Книжка VI. Тифлис, 1864. С. 117.
- ⁴¹ *Сабинин М.* Указ. соч. Часть первая. С. 156.
- 42 Привалова Е. П. Роспись Тимотесубани. Исследование по истории грузинской средневековой монументальной живописи. Тбилиси, 1980. С. 99–100; Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Кн. IV. Указ. соч. С. 359.
- ⁴³ Привалова Е. П. Указ. соч. С. 99–100. Табл. XLVIII.
- ⁴⁴ *Кекелидзе К.* История грузинской литературы. Т. I. С. 496–497.
- ⁴⁵ Икона Богоматери Одигитрии византийского письма в чеканном окладе, XI века, также из церкви Ламариа. На верхнем поле иконы чеканный Деисус. На боковых полях святой Василий и святой Григорий Назианзин, в рост. См.: Кения Р. И., Силогава В. И. Указ. соч. Цвет. табл. между с. 32 и 33. Кат. № 27; Алибегашвили Г. Указ. соч. С. 164, 166.
- 46 Скабалланович М. Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Киев, 1910. Вып. 1. С. 68–70.
- ⁴⁷ Литании у гробов мучеников упоминаются с IV–V веков, тогда же появились и литании при общественных бедствиях. Там же. С. 165–167.
- ⁴⁸ *Скабалланович М.* Указ. соч. С. 312.
- 49 Кекелидзе Кор. Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение. Тифлис: тип. «Братство», 1908. С. 234.
- ⁵⁰ Кекелидзе Кор. Там же. С. 314–317.

- 51 Кондаков Н. П., Бакрадзе Д. З. Указ. соч. С. 56; Чубинашвили Г. Н. Грузинское чеканное искусство. – 1959. – С. 60 и сл. – Ф. 388, 389.
- 52 Паттерсон-Шевченко Нэнси. Иконы в литургии // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 42–43; *Бутырский М. Н.* Византийское богослужение у иконы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М.: Мартис, 1996. С. 146, 147, 157.
- 53 Там же. C. 146.
- ⁵⁴ Там же. С. 149, 151.
- 55 Текст надписей на иконах см. *Кондаков Н.П., Бакрадзе Д.* Указ. соч. С. 83; *Чубинашвили Г.Н.* Грузинское чеканное искусство. 1959. С. 203.
- ⁵⁶ Кондаков Н. П., Бакрадзе Д. Указ соч. С. 34–35.
- ⁵⁷ Скабалланович М. Указ соч. Вып. II. С. 169.
- 58 Kantorowicz E. Ivories and litanies // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 5. – London, 1942. – P. 64–67.
- 59 Абрамович Д.И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Памятники древнерусской литературы. Вып. 2. Пгр., 1916. С. 131–132.
- 60 Чубинашвили Г. Н. Грузинское чеканное искусство. 1959. Ф. 388, 389.
- ⁶¹ Там же. С. 60 и сл. Ф. 388, 389.
- ⁶² Крест из Харагоули: *Чубинашвили Г.Н.* Грузинское чеканное искусство VIII XVIII вв. Табл. 74, 75; *Чубинашвили Г.Н.* Грузинское чеканное искусство. 1959. С. 499–506. Ф. 298, 299. Крест из Пари: *Чубинашвили Г.Н.* Грузинское чеканное искусство VIII XVIII вв. Табл. 76 а.
- 63 Осада Тбилиси началась в 1037/38 годах и длилась 2 года. См.: Матиане Картлиса / Перевод, введение и примеч. М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1976. С. 48, 82, сн. 197. Когда тбилисцы решили сдать город, Баграт IV, в связи с изменившейся политической ситуацией, заключил с городом Тбилиси мир, и в городе вновь утвердили эмира. См.: Матиане Картлиса. Указ. соч. С. 48, 82, сн. 203; С. 83, сн. 205. Город осаждался до 1039/40 годов. См.: Летопись Картли / Перев., введ. и примеч. Г. В. Цулая. Тбилиси: Мецниереба, 1982. С. 67, 95, сн. 112. Борьба за Тбилиси с переменным успехом продолжалась во все время царствования Баграта IV. Эмира не стало в Тбилиси уже после смерти Баграта IV. См.: Летопись Картли. С. 70, 74, 75. В 1121 1122 годах внук Баграта IV Давид Строитель отвоевал город уже у сельджуков, сделал Тбилиси столицей объединённой Грузии. См.: Летопись Картли. С. 99, сн. 142; *Лорджипанидзе М. Д.* История Грузии XI начала XIII века. Тбилиси: Мецниереба, 1974. С. 106.

Е. В. КРИВЦОВА

(Государственный архив Белгородской области; г. Белгород)

ВКЛАД БОТКИНЫХ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БЕЛГОРОДСКОГО УЕЗДА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье приводится краткое описание и история Новотаволжанского свеклосахарного завода, принадлежащего Боткиным с 1882 по 1915 годы, а также характеристика условий работы и быта заводских служащих и рабочих.

Ключевые слова. Боткины, Товарищество, свеклосахарный завод, служащие, мастеровые, рабочие.

E. V. KRIVTSOVA

(State Archive of the Belgorod Region; Belgorod)

BOTKIN'S INVESTIGATION TO SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF BELGOROD'S UEZD KURSK'S PROVINCE (ON THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE OF THE BELGOROD REGION)

Abstract. The article provides a brief description and history of the Novotavolzhansky beet sugar factory owned by the Botkins from 1882 to 1915, as well as a description of the working and living conditions of factory employees and workers.

Keywords. Botkins, partnership, sugar beet factory, employees, artisans, workers.

Современная Белгородская область является одним из передовых регионов России, в котором успешно развито как сельское хозяйство, так и промышленное производство. На протяжении многих столетий на её территории, расположенной на благодатных чернозёмах, сельское хозяйство являлось приоритетным занятием местного населения. Промышленное производство зародилось здесь только с развитием передовых технологий переработки сельскохозяйственной продукции – строительством сахарных заводов. Сахарная промышленность являлась значимой отраслью развития региона и в советский период. Однако её передовой потенциал

был заложен ещё в XIX веке владельцами-сахарозаводчиками, которые оказали огромное влияние на социально-экономическое развитие всего края. Среди них известные в Российской империи промышленники – Юсуповы, Ребиндеры, Харитоненко. К ним можно отнести Боткиных, которым принадлежал Новотаволжанский свеклосахарный завод. В фондах Государственного архива Белгородской области сохранились документы завода за 1886–1959 годы. Среди них имеется документ «Характеристика и описание завода Товарищества Новотаволжанского свеклосахарного завода Боткиных», утверждённый правлением Товарищества 4 марта 1913 года, дающий полное описание завода, его оснащения, производственных процессов, штатной численности и служб (фонд № 93, опись № 1, дело № 121).

Свеклосахарный завод располагался на берегу реки Северский Донец в селе Новая Таволжанка Белгородского уезда Курской губернии (современный Шебекинский район Белгородской области). Имение состояло из 4392 десятин собственной и 3126 десятин арендуемой у разных владельцев земли (на сроки не короче 7 лет) и находилось на границе двух губерний; большая часть земель лежала в Курской, меньшая – в Харьковской губернии.

Новотаволжанский завод, устроенный первоначально по огневой системе в 1856 году, принадлежал Жуковскому. В 1862 году завод перестроили на паровой, а в 1882 году его приобрела фирма «Петра Боткина сыновья» в полуразрушенном состоянии, для его ремонта уже в первый год потребовалось около 60000 рублей. Весной 1885 года завод полностью разобрали, за исключением паровичного и паточного отделений, и выстроили вновь с соблюдением новейших требований свеклосахарной промышленности¹. После этой перестройки суточная переработка свёклы заводом увеличилась в два раза и составила 1200 двенадцатипудовых берковцев*.

В 1890 году для управления заводом учреждается Товарищество на паях под фирмою «Товарищество Новотаволжанского свеклосахарного завода Боткиных», которому стали принадлежать завод и имение. К 1903 году завод достиг своей максимальной производительности – 2570 берковцев суточной переработки. После этого развитие производства стало невозможным, так как завод находился на узкой береговой полосе и перестал располагать свободными площадями земли. Это побудило перенос его на левый песчаный берег реки Северского Донца. Осенью 1904 года обновлённый завод начал своё первое производство на новом месте. Разумность принятого решения о переносе завода быстро подтвердилась – уже к 1910 году среднесуточная производительность его достигла почти 5000 берковцев. Кроме удобного расположения, завод

^{*} Берковец равен 12 пудам – 196,56 кг.

находился в довольно благоприятных условиях, имея рядом огромные залежи мела, чистую речную воду в достаточном количестве, песчаный участок земли, удобный для орошения полей, и избыток рабочей силы, благодаря густонаселённой местности [ил. 1].

то - (с при цаго
аго
10 - (
го.
R.
3 83
-

Ил. 1. Окладной лист Курской казённой палаты. 1913 год. Собрание ГАБО (Ф. 93. Оп. 1. Д. 93. Л. 57)

Преимущественно сбыт сахара происходил в Московском, Владимирском, Костромском и Ярославском фабричных районах, но не меньшее количество отправлялось в Сибирь и восточные губернии Европейской России. Завод вырабатывал сахарный песок высокого качества, что неоднократно подтверждали полученные на различных Всемирных и Всероссийских выставках золотые и бронзовые медали с 1885 по 1900 годы. В 1896 году на Нижегородской Всероссийской ярмарке Новотаволжанский свеклосахарный завод получил большую золотую медаль, в дипломе к которой было указано: «За техническое устройство, применение новейших усовершенствований, участие русских техников с высшим образованием и за заботливое отношение к нуждам рабочих»². Награда действительно

была заслуженной, так как все перечисленные в дипломе заслуги имели конкретные подтверждения, особенно заботливое отношение к нуждам рабочим. Сохранившиеся документы дают достаточно полную картину условий работы рабочих завода и их быта.

Производство сахара не предполагает непрерывной работы завода в течение года, однако мастеровые, в числе которых значились токари, кузнецы, слесари, столяры, литейщики, электрики, машинисты и т. п., работали здесь круглый год, занимаясь ремонтом аппаратов и машин, а в период производства непосредственно обслуживали их. Остальные рабочие, нанятые преимущественно из местных крестьян и крестьян близлежащих сёл, приходили обычно на завод к началу производства. Заработная плата мастеровых завода составляла от 15 рублей 60 копеек (молотобойцы) до 50 рублей 25 копеек (слесари) в месяц при 24 рабочих днях. Самыми высокооплачиваемыми сезонными рабочими являлись кочегары, получающие в месяц 28 рублей 50 копеек без питания, а с получением питания на заводе – 22 рубля 50 копеек. Остальные рабочие имели заработную плату от 17 рублей 50 копеек до 21 рубля без питания и от 11 рублей 50 копеек до 15 рублей с получением заводского питания³.

Во время производства около 220 человек питались в заводской столовой, а при его отсутствии – около 80 человек, при этом расходы на одного человека составляли в среднем 32 копейки в день. Продовольственная корзина одного дня состояла: 0,5 фунта* мяса, 4 фунта хлеба, 0,25 фунта сала свиного, 0,1 фунта масла растительного, 1/8 гарнца* картофеля, 1/16 гарнца лука и чеснока, 0,75 фунта пшена или гречки, 1/8 фунта муки пшеничной, 1/20 ведра кислой капусты и огурцов, половина сельди и одна штука синьги***, «сельди, вялая рыба выдаётся вместо мяса и сала в постные дни»4.

Для проживания рабочие размещались в общежитии, которое называлось казармой. В Новотаволжанском заводе оно представляло двухэтажное кирпичное здание, крытое железом. На первом этаже располагались две большие столовые, две кухни, кладовые, помещение для повара и сторожа, а также 4 спальни для рабочих, рассчитанные на 160 железных кроватей. Второй этаж состоял из двух помещений размером 21,3 × 12,7 м. Они считались запасными для размещения рабочих, в одном из них была устроена сцена, на которой каждую субботу местными любителями из числа служащих и рабочих разыгрывались спектакли или демонстрировались сеансы кинематографа. Второе помещение служило для проведения собраний служащих или местом их досуговых развлечений – здесь стоял бильярд, хранились газеты и журналы для чтения.

^{*} Фунт равен 0,4536 кг.

^{**} Гарнец – русская дометрическая единица измерения объёма сыпучих тел, равная 3,2798 литра.

^{***} Синьга – рыба, представитель семейства карповых.

Ил. 2. Двухклассное училище. Воспроизведено по: Ново-Таволжанский сахарный завод товарищества Боткиных: [Обзор деятельности] / Всероссийская выставка 1913 года в Киеве. – Киев, 1913. – После с. 18

Для размещения служащих при заводе имелось 15 семейных квартир от двухкомнатных до пятикомнатных с отдельными кухнями, а для мастеровых предназначались 12 семейных однокомнатных или двухкомнатных квартир с кухнями. При квартирах имелись сараи для скота и погреба. Все квартиры снабжались водой по водопроводу, освещались электричеством, отапливались каменным углём⁵.

В 1885 году на средства владельцев завода была устроена церковно-приходская школа, на содержание которой ежегодно отпускалось 430 рублей. С 1891 года школа была реформирована по общему типу земских начальных школ и стала именоваться заводским училищем Товарищества Боткиных [ил. 2]. В 1899 году школа была преобразована в двух-классное министерское училище (современная школа) и в 1901 году стала располагаться в специально выстроенном для неё здании с водопроводом, электрическим освещением и водяным отоплением. Для её оборудования была приобретена мебель по образцам Эрисмана, все необходимые пособия, а школьная библиотека насчитывала около 1500 томов книг.

Обучались в училище дети не только из семей заводских служащих, мастеровых, рабочих, но и крестьянские дети из соседних сёл и хуторов. Все учились бесплатно, снабжаясь учебниками и пособиями. Общее число учащихся в 1912–1913 учебном году составляло 168 человек, из которых 107 мальчиков и 61 девочка. Штат училища состоял из законоучителя, старшего учителя, двух учительниц и учителя гимнастики. Общие расходы на содержание школы составляли 4000 рублей.

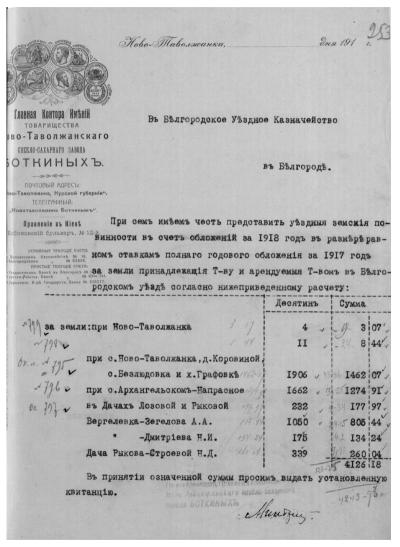
Ил. 3. Больница. Воспроизведено по: Ново-Таволжанский сахарный завод товарищества Боткиных: [Обзор деятельности] / Всероссийская выставка 1913 года в Киеве. – Киев, 1913. – После с. 20

После окончания училища, как отмечено в документах, дети в большинстве случаев продолжали образование, поступая в четвёртый класс гимназии, учительские семинарии или сельскохозяйственные училища. К 1913 году окончивших курс обучения насчитывалось 845 человек, из которых 569 мальчиков и 276 девочек⁶.

Проявляли владельцы завода заботу о здоровье рабочих и служащих. Для этих целей уже в 1883 году была устроена больница, которая на протяжении многих лет Боткиными развивалась и обустраивалась [ил. 3]. К 1913 году её штат состоял из врача, фельдшера и фельдшерицы-акушерки с необходимым числом обслуживающего персонала. Больница же представляла собой целый комплекс зданий, состоящий из аптеки, приёмного покоя для амбулаторных больных, самой больницы с отдельными палатами для мужчин и женщин, родильной и операционной, имелось отдельное здание на 10 кроватей для инфекционных больных. На случай возникновении эпидемии больница имела в своём распоряжении палату на 16 кроватей по типу, принятому Красным Крестом с помещением для обслуживающего персонала. На территории больницы находились квартиры врача и медицинского персонала. Все помещения были оборудованы водопроводом, ваннами и умывальниками с холодной и горячей водой.

Лечились в больнице бесплатно не только заводские рабочие и служащие, но и крестьяне соседних селений. С бесплатной выдачей лекарств производился и приём амбулаторных больных. Всего на лечении в ста-

ционарном отделении в течение 1913 года находилось 177 человек, амбулаторных больных было принято 12974 человек, из них посторонних – 3924. В этом же году врачом было совершено 729 посещений больных на дому, а фельдшерским персоналом – 172. Содержание больницы ежегодно обходилось Товариществу в 15000 рублей⁷.

Ил. 4. Письмо из главной конторы имений Товарищества Ново-Таволжанского свеклосахарного завода Боткиных в Белгородское уездное казначейство. Собрание ГАБО (Ф. 93. Оп. 1. Д. 93. Л. 253)

На заводе с 1898 года производилось коллективное страхование служащих, мастеровых и рабочих от несчастных случаев. До 1908 года страхование осуществлялось Первым Российским страховым обществом, а затем Российским взаимным страховым союзом. Страховка распространялась на всех лиц завода: от занятых производством сахара до добывания мела и работников на водяной мельнице. За период с 1904 до 1913 года, т. е. девятилетний срок, было зарегистрировано 309 несчастных случаев, из них 4 случая или 1,3% стали смертельными. Из всего числа несчастных случаев 68 или 22,5% произошли на заводе при производстве сахароварения, 27 или 8,7% – при добывании мела, 133 случая или 43% – при работах в мастерских завода, 53 случая (17%) – при подвозках и разгрузках тяжестей и 28 случаев или 9,02% – при разных других работах. Общие расходы завода за 9 лет на выплаты страховому обществу и лечение пострадавших составили 46547 рублей 49 копеек⁸.

С 1 сентября 1895 года для служащих, мастеровых и рабочих завода и имения была организована вспомогательно-сберегательная касса. Участники кассы имели право вносить в кассу ежемесячно от 2 до 10 % получаемого ими жалования. Товарищество со своей стороны вносило в пользу каждого участника в течение первых трёх лет 1/4, а в последующие годы 1/2 его взноса, общая сумма отчислений за год составляла до 3200 рублей. В 1913 году в вспомогательно-сберегательной кассе участвовали 144 человека, и капитал её составлял 50665 рублей 59 копеек. Участники кассы имели право по истечении 12 лет получить 9/10 своего капитала, затем через 6 лет снова возникало право получения 9/10 своего капитала. Руководило работой правление, которое избиралось на 3 года общим собранием участников кассы, а возглавлявший его председатель избирался правлением Товарищества из числа его пайщиков⁹.

Таким образом, владельцы завода занимались не только совершенствованием производства сахара, внедряя передовые технологии, но и способствовали развитию образования, здравоохранения, общей культуры местного населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. 93. Оп. 1. Д. 121. Л. 3, 3 об.
- ² Там же. Л. 4 об.
- 3 Там же. Л. 38, 38 об.
- 4 Там же. Л. 39.
- 5 Там же. Л. 39 об.
- 6 Там же. Л. 34.
- ⁷ Там же. Л. 34 об.
- 8 Там же. Л. 35, 36.
- 9 Там же. Л. 35.

Л. В. НИКОНОРОВА

(Санкт-Петербург)

ИКОНОГРАФИЯ СВЯТОГО ЕВГЕНИЯ БОТКИНА

Аннотация. Евгений Сергеевич Боткин, убитый вместе с царской семьёй в 1918 году, был канонизирован Русской православной церковью заграницей в 1981 году. В 2016 году он был причислен к лику святых Русской православной церковью. С этого времени появились иконы, посвящённые святому врачу Евгению.

Ключевые слова. Е. С. Боткин, икона, Русская православная церковь.

L. V. NIKONOROVA

(Saint Petersburg)

ICONOGRAPHY OF SAINT EUGENY BOTKIN

Abstract. Evgeny Sergeevich Botkin, who was killed along with the royal family in 1918, was canonized by the Russian Orthodox Church Outside of Russia in 1981. In 2016, he was canonized by the Russian Orthodox Church. Since that time, icons dedicated to the holy doctor Eugene have appeared.

Keywords. E. S. Botkin, icon, Russian Orthodox Church.

В феврале 2016 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви канонизировал доктора Евгения Боткина, расстрелянного в 1918 году вместе с царской Семьей.

Евгений Боткин принял смерть как страстотерпец, убитый за верность христианскому долгу. Его жизненные идеалы и устремления происходили из глубокого внутреннего благочестия, жертвенного служения ближнему, непоколебимой преданности царской Семье и верности Богу во всех обстоятельствах, верности до смерти. В этом заключался врачебный и нравственный подвиг доктора Боткина. В неоконченном письме Евгения Сергеевича от 9 июля 1918 года говорится: «Вообще, если "вера без дел мертва есть", то и "дела" без веры могут существовать, и если кому из них к делам присоединяется и вера, то это лишь по особой к нему милости» 1. Эта милость Божия в полной мере была оказана и ему самому.

С канонизацией связано написание икон, жития, акафиста, молитв и строительство храмов во имя святого страстотерпца Евгения. В разных городах России и за рубежом: в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Минске и других местах были заложены и стали открываться храмы². В храме, в иконостасе и на стенах находятся святые иконы, перед которыми мы молимся.

Иконой, или образом называется изображение Самого Бога, Божией Матери, ангелов и святых угодников. Изображение это непременно освящается святой водой: через это освящение иконе сообщается благодать Святого Духа, и икона чтится нами как святая³. Молясь перед иконой, мы должны помнить, что икона не Сам Бог или угодник Божий, а лишь изображение Бога или угодника Его. Поэтому не иконе мы должны молиться, а Богу или святому угоднику, который на ней изображён. Так как икона есть окно в Горний мир, мир Божественного бытия, то и отношение к иконе у православных христиан особое – молитвенное предстояние, благоговейное внутреннее созерцание, почитание её как святыни⁴.

Такое духовное, прежде всего, молитвенное назначение иконы определяет её изобразительные особенности, которые подчиняются канонам, то есть правилам и принципам⁵.

Для канонических икон характерно:

- 1). Подчёркнутая условность изображения. Всё подчинено раскрытию внутреннего смысла. Портретные черты изображаемых святых могут быть весьма условны. Индивидуальные черты едва намечены равно настолько, чтобы образ был узнаваем. На иконе отсутствие черт чувственной привлекательности.
- 2). Фигуры изображаются неподвижными, статичными, так как мир вечный неизменяем.
- 3). Отсутствие внешнего источника света. Свет исходит из ликов, из глубины их, как символ святости.
- 4). Цвет на иконе несёт символическую функцию. Например, красный цвет может символизировать жертвование собой ради Иисуса Христа. Золото и белый цвет символизируют Божественный Небесный свет, зелёный цвет обозначает земное цветение.
- 5). Для икон характерна единовременность изображения, все события происходят сразу⁶.

Язык иконы – это символика цвета, жестов, изображаемых предметов. В 988 году Древняя Русь, став христианским государством, переняла от Византии православные традиции. Иконотворчество было на Руси делом чрезвычайно ответственным, рассматривалось как подвиг, требующий от мастера соответствующей жизни: праведной, смиренной. Работе мастера предшествовал строгий пост, усердные молитвы, благословение духовного наставника. Иконотворчество, осознаваемое как выполнение воли Творца, бескорыстное и смиренное Ему служение, как правило, оставалось безымянным. Одежда иконописных персонажей весьма выразительна. Обычно она строится на византийских мотивах. Каждый образ имеет одежду, характерную и присущую только ему⁷. На хитон набрасывается гимантий. Он полностью закрывает правое пле-

чо и частично левое. На иконах более позднего периода можно видеть и «гражданскую» одежду.

На иконах кроме Бога иконописцы изображают Божию Матерь, святых ангелов и святых людей. Вокруг головы на иконах изображается сияние или светлый кружок, который называется нимбом. Нимб есть изображение сияния света и славы Божией, которая изображает и человека, соединившегося с Богом⁸.

Изображаемые на иконах святые имеют разные названия: пророки, мученики, праведные, страстотерпцы и другие. Мученики – это те христиане, которые за веру в Иисуса Христа приняли жестокие мучения и даже смерть. Страстотерпцы, в лике которых был прославлен Евгений Сергее-

вич Боткин, – это святые, принявшие мученическую кончину от злодеев не как от гонителей христианства по ненавистничеству ко Христу, но в силу их злобы⁹. Подвиг страстотерпничества – это страдание за исполнение Заповедей Божиих, покорность воле Божией и полное беззлобие в отношении убийц.

Становится понятной огромная значимость украшения храмов святыми иконами для православных христиан. Молиться святым мы должны не как Богу, а как близким к Богу, угодившим Ему своей святой жизнью. Они по любви к нам молятся за нас перед Богом, и мы должны просить их помощи и заступничества, потому что Господь ради них скорее услышит и наши грешные молитвы.

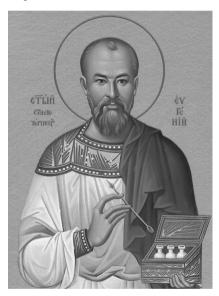
Ил. 1. Икона святого страстотерпца Евгения Боткина

Изобразить на иконе святого врача Евгения Боткина является тя-

желейшей задачей. Настоятель заказывает написать икону с портретным сходством, но иконописную. С одной стороны, нужно, чтобы это был лик обычного человека, которого можно было бы узнать по фотографиям. С другой – чтобы он выглядел как святой. В беседе с протоиреем церкви Косьмы и Дамиана в Москве (бывшей семейной церкви Боткиных) Фёдором Бородиным корреспондент радио «Вера» А. Ананьев отметил, что изобразить святого Евгения Боткина является большой ответственностью, так как он никогда до этого не был изображён, как многие древние, о которых никто не может сказать, похожи они или нет¹⁰.

Некоторые иконописцы изображают святого Евгения Боткина как древних святых – в римских одеждах, другие – в служебном мундире. В руках у него типичный атрибут святых врачей – ларец (коробочка) с лекарствами в левой руке. В правой руке святого изображается крест (символ мученической смерти) или тоненькая ложечка.

Самое главное для иконописца – не делать акцентов на детализации мундира. Потому что это не важно, второстепенное. Самое важное – это лик, а в лике – это глаза. Главное требование к иконописцу, чтобы он был праведной христианской жизни. Нельзя передать святость, если иконописец к ней вообще не причастен. Это тайна, потому что это – служение Церкви.

Ил. 2. Икона святого страстотерпца Евгения Боткина

В России появился первый храм. посвящённый врачу Евгению Боткину. Храм расположен в здании Московской больницы № 57. Освящение храма совершил председатель Синодального отдела по благотворительности епископ Пантелеймон 25 марта 2016 года. Епископ передал благословение патриарха и поздравил с явлением Бога на земле - открытием нового храма. В своей речи он сказал: «Личный врач Царственных особ был, наверное, единственным из тех, кто знал о предстоящей казни. И сознательно пошёл на это. до конца выполнив свой долг, сохранив честь и верность, но отдав самое дорогое – собственную жизнь. Евгений Сергеевич Боткин победил зло своей верностью Богу»¹¹.

Украшением нового храма стала икона, [ил. 1] созданная заслу-

женным художником Российской Федерации, лауреатом Государственной премии Российской Федерации Николаем Кукулиевым¹². Художник отметил: «Врачевание издревле считалось Божиим промыслом, а врач – инструментом в его руках. Вот почему я сразу же откликнулся на приглашение руководителя НИИ пульмонологии, главного терапевтапульмонолога Минздрава России, академика РАН А. Г. Чучалина принять участие в оформлении храма в Измайловской больнице. Меня взволновали размышления академика <...>: "Пусть он [Боткин] не сделал таких больших открытий, как другие, но осознание им места врача в обществе возвело русскую медицину на высочайший уровень. <...> Евгений Боткин знал о скорой казни. Однако предпочёл спасению верность присяге: «Видите ли, я дал царю честное слово оставаться при нём до тех пор, пока он жив. Для человека моего положения невозможно не сдержать такого слова. Я также не могу оставить наследника одного. Как могу я это совместить со своей совестью? Вы все должны это понять»". <...> Согласитесь, не так уж много найдётся людей, готовых повторить такое»¹³.

Размышляя над предложением академика А. Г. Чучалина, художник понимал: «Это очень не просто – сделать образ с учётом традиций и канонов. Напряжённая работа длилась 9 месяцев. Снова и снова пересматривал архивные документы, сохранившиеся фото лейб-медика, реконструкцию его портрета, выполненного скульптором Никитиным¹⁴. Вместе со мной над оформлением иконы работал художник Алексей Морозов. Образ удивительного человека, врача, который не смалодушествовал перед смертельной угрозой и не предал, не оставил наедине с бедой своего маленького пациента – цесаревича Алексея, болевшего гемофилией, конечно, не может не волновать. <...> Я горжусь, что икона святого Евгения Боткина украшает больничный храм»¹⁵.

В больничный храм была также подарена икона страстотерпца Евгения Боткина. Этот образ был утверждён Синодальной комиссией Русской Зарубежной Церкви [ил. 2]. Её принесла в дар жительница Японии. Узнав о том, что в Москве был открыт храм – часовня, она нашла возможность на-

писать и приехать ради такого случая из Японии, чтобы порадоваться с нами этой необычайной радостью прославления святого Евгения Боткина¹⁶.

В Самару привезли уникальную икону праведного целителя Евгения Боткина [*ил. 3*]. Она была доставлена со святой горы Афон по благословению старца Хиландарского монастыря¹⁷.

В Сарове появилась одна из первых икон святого праведного страстотерпца. В 2016 году, 31 июля, саровчане встречали новую святыню¹⁸. В храме святого Иоанна Предтечи благочинному Саровского округа Нижегородской епархии после Божественной литургии торжественно передали аналойную икону. Образ написан для строящегося храма святых Царственных страстотерпцев. До

Ил. 3. Икона святого страстотерпца Евгения Боткина, доставленная с Афона в Самару

завершения строительства в Сарове Царского храма образ страстотерпца врача будет храниться в храме в честь великомученика и целителя Пантелеймона в больничном городке. К молитвам новопрославленного святого смогут прибегать врачи и пациенты клинической больницы № 50 и все горожане¹⁹.

Приобретение иконы святого Евгения Боткина для Московского храма бессеребреников Косьмы и Дамиана явилось *«великим утешением»*, как сказал настоятель этого храма протоиерей Фёдор Бородин²⁰. Эта церковь на Покровке находилась недалеко от дома Боткиных в Петроверигском переулке, купленного в 1832 году. С тех пор члены семьи Боткиных посещали службы в этом храме; в нём крестили, венчали и отпевали Боткиных. Два представителя семьи – Пётр Кононович и его сын Пётр Петрович Боткины – были старостами храма. В настоящее время центральный алтарь посвящён исцелению расслабленного, а боковой посвящён святым врачам.

Александро-Невский Ново-Тихвинский монастырь летом 1918 года своим живым милосердным участием старался хотя бы немного облегчить страдания узников Ипатьевского дома²¹. «Святой Евгений очень дорог для обители. Так сложилось, что именно сёстры монастыря были последними, кто оказал на земле милость царской семье и её верным слугам. С июня 1918 года послушницы монастыря по благословению игумении Магдалины (Досмановой) каждый день приносили в Ипатьевский дом свежие продукты, выпечку, овощи, молоко, яйца. Евгений Сергеевич, как врач и верный друг семьи, в заключении думал только о том, как облегчить положение узников и особенно беспокоился о здоровье Цесаревича. Он лучше всех понимал, как важно для выздоровления мальчика хорошее питание, и был очень благодарен сёстрам за помощь. Когда содержание узников ужесточилось, сёстрам велели приносить только молоко. <...> В последний раз они принесли молоко 17 июля, когда царской семьи и слуг уже не было в живых. <...> в 2016 году Евгений Сергеевич Боткин был прославлен в лике святых. Вскоре сёстрами обители была написана его икона»²².

В 2016 году, 17 июля, была освящена икона святого страстотерпца Евгения Боткина в храме Рождества святого Иоанна Предтечи в деревне Юкки Выборгской епархии, Ленинградской области, Всеволожского района²³ [ил. 4]. Икона написана по благословению епископа Выборгского и Приозерского Игнатия на средства прихожан храма, представителей Министерства чрезвычайных ситуаций и выпускников Военно-медицинской Академии. Икона святого страстотерпца Евгения Боткина замироточила на 10-е сутки после освящения. К сожалению, невозможно передать благоухающий аромат, исходящий от иконы, и не видны все *«ручейки»* мира, оставившие свой след на стекле киота.

важности написания иконы святого страстотерпца Евгения Боткина говорит настоятель храма Рождества Христова Григорий Григорьев, доктор богословия и медицины, профессор, заслуженный врач РФ: «Считаю, что икона святого Евгения Боткина является также иконой всем военным врачам. выпускникам Императорской Военномедииинской академии военным врачам, принявшим смерть во имя спасения жизни, не изменивших присяге своему Государю, Отечеству, клятве Гиппократа, врачебному воинскому долгу. Искренне верующий человек, замечательный доктор медицинских праведный страстотерпеи Евгений Боткин по праву может называться семейным святым врачом, целителем душевных и телесных болезней»²⁴.

Ил. 4. Икона святого страстотерпца Евгения Боткина

Православные христиане имеют особое отношение к иконе – молитвенное предстояние, благоговейное, внутреннее созерцание, почитание её как святыни. Когда христианин получает по своим молитвам исцеление, не икона рассматривается источником исцеления, а только Бог по молитвам того святого, который изображён на иконе, и к кому молитвы обращались. По свидетельству многодетных священников и мирян, святой врач Евгений всегда приходит к нуждающимся, которые обращаются к нему с молитвой за помощью. Больные обязательно получают чудесную врачебную помощь, как это было при земной жизни доктора Евгения Боткина.

ПРИМЕЧАНИЯ

Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина. – СПб., 2017. – С. 492.

² Никонорова Л. В., Трефилова Т. А. О церковном почитании врача Евгения Сергеевича Боткина // Исторические Боткинские чтения. Вып. 3. – СПб.: СПбГМИСР, 2020. – С. 68–75.

³ Закон Божий: Руководство для семьи и школы / Сост. протоиер. Серафим Слободской. – М., 2000. – С. 36–38.

⁴ Бородина А. В. Основы православной культуры. – М.: Издательский дом «Покров», 2002. – С. 194.

- Успенский Л. А. Богословие иконы. Переславль: Издательство Братство во имя святого князя Александра Невского, 1997.
- 6 Сайт Храма во имя Успения Божьей Матери в Колмово. Режим доступа: http:// uspeniekolmovo.cerkov.ru/2015/12/24/psevdoikoni-nashego-vremeni/ (Дата обращения 10.12.2020).
- 7 Сергеев Ю. А. Секреты иконописного мастерства. М.: Юный художник, 2000.
- 8 Закон Божий: Руководство для семьи и школы / Сост. протоиер. Серафим Слободской. – М., 2000. – С. 47.
- ⁹ Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. Изд-во «Православная энциклопедия" Азбука веры"», 2020.
- Иконы и иконописцы. Святой врач Евгений Боткин. Вопросы неофита)». Протоирей Фёдор Бородин // [Электронный ресурс]. Сайт радио «Вера. Светлое радио». Режим доступа: https://radiovera.ru/ikony-i-ikonopiscy-svjatoj-vrach-evgenij-botkin-voprosy-neofita-prot-fedor-borodin.html (Дата обращения 10.12.2020).
- ¹¹ В России появился первый храм, посвящённый врачу Евгению Боткину. Новость 28 марта 2016 года. Сайт «Милосердие». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.miloserdie.ru/article/92550/ (Дата обращения 10.12.2020).
- 12 Николай Борисович Кукулиев (род. 1966) художник, член Союза профессиональных художников России при ЮНЕСКО с 1994 года. Потомственный художник: сын народного художника РСФСР Бориса Николаевича Кукулиева и народного художника Российской Федерации Калерии Васильевны Кукулиевой. В 1981–1986 годах учился в Палехском художественном училище, в 1986–1989 годах работал в Палехских художественно-производственных мастерских. С 1993 года работает в творческой мастерской «Палешане». Занимался книжной иллюстрацией и иконами. Работы хранятся в Государственном музее палехского искусства.
- 13 Художник Николай Кукулиев: Я горжусь, что икона Боткина украшает больничный храм // Медицинская газета. –2017. 17 марта. –№ 18. [Электронный ресурс]. Режим доступа: (www.mgzt.ru/n-18-ot-17-marta-2017-g/khudozhnik-nikolai-kukuliev-yagorzhus-chto-ikona-botkina-ukrashaet-bolnichn) (Дата обращения 10.12.2020).
- 14 Никитин Сергей Алексеевич (род. 1950) эксперт-криминалист, известный восстановлением (пластической реконструкцией) скульптурных портретов по черепу методом М. М. Герасимова.
- 15 Художник Николай Кукулиев: Я горжусь, что икона Боткина украшает больничный храм...
- 16 Нашему Храму подарили икону святого мученика и страстотерпца Евгения Боткина. Новость 10 января 2017 года. Сайт городской клинической больницы имени Д. Д. Плетнёва (Москва). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gkb57.ru/ news/33/ (Дата обращения 10.12.2020).
- 17 Режим доступа: youtube.com/watch?v=Z-dm8JNVYC4 (Дата обращения 10.12.2020).
- 18 В Сарове появилась икона праведного страстотерпца Евгения (Боткина). Новость 5 августа 2016 года. [Электронный ресурс]. Сайт Нижегородской митрополии Русской православной церкви. Режим доступа: https://nne.ru/news/v-sarove-poyavilas-ikona-pravednogo-strastoterptsa-evgeniya-botkina/ (Дата обращения 10.12.2020).
- ¹⁹ Там же.
- 20 «Иконы и иконописцы. Святой врач Евгений Боткин. Вопросы неофита)». Протоирей Фёдор Бородин. [Электронный ресурс]. Сайт радио «Вера. Светлое радио».

Л. В. Никонорова

- Режим доступа: https://radiovera.ru/ikony-i-ikonopiscy-svjatoj-vrach-evgenij-botkin-voprosy-neofita-prot-fedor-borodin.html (Дата обращения 10.12.2020).
- 21 «Он носил в сердце большую любовь». [Электронный ресурс]. Сайт «Монастырский вестник». Синодальный отдел по монастырям и монашеству Русской Православной церкви. Режим доступа: https://monasterium.ru/publikatsii/stati/on-nosil-v-serdtse-bolshuyu-lyubov/?sphrase id=77144. (Дата обращения 10.12.2020).
- ²² Там же.
- ²³ *Терлецкий О. В.* Святой врач страстотерпец Евгений Боткин. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://terletsky.ru/sv_strastoterpets_vrach_evgeniy_botkin.html. (Дата обращения 10.12.2020).
- ²⁴ Там же.

А. П. ДМИТРИЕВ

(Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук; Санкт-Петербург)

РАБОТЫ Б. Ф. ЕГОРОВА О БОТКИНЫХ

Аннотация. Борис Фёдорович Егоров (1926—2020) – филолог, литературовед, историк, культуролог, специалист по истории русской литературы и общественной мысли XIX века, автор многочисленных статей, посвящённых Василию Петровичу Боткину (1811—1869), а также первого комплексного исследования о семье Боткиных.

Ключевые слова. Библиография, Б. Ф. Егоров, Боткины, общественная мысль XIX века.

A. P. DMITRIEV

(Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences; St. Perersburg)

B. F. EGOROV'S WORKS ABOUT BOTKINS

Abstract. Boris Fedorovich Egorov (1926—2020) was a philologist, literary critic, historian, culturologist, specialist in the history of Russian literature and social thought of the 19th century, author of numerous articles dedicated to Vasily Petrovich Botkin (1811—1869), as well as the first comprehensive study of the Botkin's family.

Keywords. Bibliography, B. F. Egorov, Botkins, social thought of the XIX century.

- 1. В. П. Боткин литератор и критик. Статья 1 // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1963. Вып. 139. С. 20–81. Прил.: Библиография трудов В. П. Боткина. С. 72–81.
- Отъезд В. П. Боткина в Испанию // Там же. С. 339–342.
- **3.** Н. А. Некрасов и В. П. Боткин: (Новые материалы) // Вопросы литературы. 1964. № 9. С. 252–253.
- **4.** «Эстетическая» критика без лака и без дёгтя (В. П. Боткин, П. В. Анненков, А. В. Дружинин) // Вопросы литературы. 1965. № 5. С. 142–160.
- **5.** В. П. Боткин литератор и критик. Статья 2 // Учёные записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1965. Вып. 167. С. 81–122.
- **6.** В. П. Боткин литератор и критик. Статья 3 // Учёные записки Тартуского го государственного университета. Тарту, 1966. Вып. 184. С. 33–43.

- 7. Боткин Василий Петрович // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 3. Стб. 600–601.
- 8. «Письма об Испании» В. П. Боткина на французском языке: [Рец. на кн.: *Bolkine V.* Lettres sur l'Espagne / Texte traduit du russe, préfacé, annoté et illustré par Alexandre Zviguilsky. Paris: Centre de recherches hispaniques, 1969] // Известия АН СССР. Серия литературы и языка 1972. Вып. 5. С. 470–472.
- **9.** *Боткин В. П.* Письма к М. А. Бакунину [1837–1838] // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год / Отв. ред. К. Д. Муратова. Л.: Наука, 1976. С. 90–103. Вступ. заметка (с. 90–91), публ. писем (с. 91–103), примеч. (с. 92–103).
- 10. Боткин В. П. Письма об Испании. Л.: Наука, 1976. 344 с. (Литературные памятники). Подг. текстов (с. 5–262), примеч. (с. 302–339; совм. с А. Звигильским); отв. редактор книги.
 - Отзыв: Кантор В. // Вопросы литературы. 1977. № 6. С. 279–287.
- **11.** В. П. Боткин автор «Писем об Испании» // *Боткин В. П.* Письма об Испании. Л.: Наука, 1976. С. 265–286.
- **12.** *Боткин В. П.* Письма к М. А. Бакунину [1838–1840] // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год / Отв. ред. К. Д. Муратова. Л.: Наука, 1980. С. 88–128. Вступ. заметка (с. 88–91), публ. писем (с. 91–128), примеч. (с. 93–128).
- **13.** *Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма. М.: Советская Россия, 1984. 320 с. (Библиотека русской критики). Подг. текстов (с. 24–280), примеч. (с. 281–310), указ. имён (с. 311–319).
- **14.** Боткин критик и публицист // Там же. С. 3–22.
- **15.** В. П. Боткин и А. И. Герцен // Герцен мыслитель, писатель, борец / Редкол.: С. Д. Гурвич-Лищинер и др. М.: Гос. лит. музей, 1985. С. 101–104.
- **16.** Боткин Василий Петрович // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1: А-Г. С. 318–321.
- **17.** Боткин Василий Петрович // Русские писатели: Биобиблиографический словарь: В 2-х т. / Под ред. П. А. Николаева. М.: Просвещение, 1990. Т. 1: А–Л. С. 117–119.
- **18.** Боткин Василий Петрович // Русские писатели, XIX век: Биобиблиографический словарь / Под ред. П. А. Николаева. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1996. Т. 1: А–Л. С. 94–96.
- **19.** Боткин Василий Петрович // Идеи в России = Ideas in Russia = Idee w Rosji: Leksikon rosyjsko-polsko-angielski / Pod red. A. de Lazari. Warszawa: Semper, 1999. T. 1. S. 110–111.
- 20. Чай в России: Боткины-чаеторговцы // Звезда. 2000. № 7. С. 194–200.

- 21. Русский западник В. П. Боткин об Испании // Пограничные культуры между Востоком и Западом: (Россия и Испания): Материалы II Международного коллоквиума / Отв. ред. В. Е. Багно. СПб.: Союз писателей С.-Петербурга, 2001. С. 210–226.
- **22.** Короткая жизнь С. М. Боткина (1888—1918) // Вопросы литературы. 2001. № 6. С. 296–313.
- **23.** Династия Боткиных в петербургской культуре // Вестник Института Кеннана в России. М.: Новое изд-во, 2002. Вып. 2. С. 49–51.
- **24.** Сыновья С. П. Боткина в петербургской культуре // Исторические записки. М., 2003. Вып. 6 (124). С. 307–326.
- 25. Боткин Василий Петрович // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3-хт. СПб.: Изд-во Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. Т. II: Девятнадцатый век. Кн. 1: А–В. С. 393.
- **26.** Боткин Михаил Петрович // Там же. C. 394.
- **27.** Боткин Сергей Сергеевич // Там же. С. 395.
- 28. Боткин Евгений Сергеевич // Там же. С. 396.
- **29.** Боткины. СПб.: Наука, 2004. 320 с. (Серия: Преданья русского семейства).
 - Отзыв: *Дейниченко П.* Крепкая заварка // Книжное обозрение. 2005. 16 мая. № 20. С. 7.
- 30. Роль семьи Боткиных в петербургской культуре // Okno na Europę = Окно в Европу: Культурный облик Петербурга и его роль в мировой истории / Науч. ред.: Фр. Апанович и Зб. Опацки. Гданьск: Изд-во Гданьского ун-та, 2006. С. 23–31.
- 31. Отзыв официального оппонента о диссертации А. А. Заусаева «Феномен пространства в путевых очерках П. В. Анненкова и В. П. Боткина» (Череповец, 2014), представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук (специальность 10.01.01 русская литература) // Культура и текст. 2018. № 4 (35). С. 267–272.
- 32. Кончина императора Александра II: (Из «Дневника» доктора С. П. Боткина) // Медицина России в годы войны и мира: Новые документы и исследования / Отв. ред. и сост. Л. А. Булгакова; РАН. СПбИИ. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 37–40. Публ. в соавт. с В. Г. Чернухой. Вступ. ст. (с. 37), публ. дневника (с. 37–39), примеч. (с. 40).
- 33. Письмо доктора Е. С. Боткина графу Я. Н. Ростовцеву 19 сентября 1917 года. Публикация Л. А. Булгаковой и Б. Ф. Егорова // Там же. С. 136–138.
- **34.** Переписка В. П. Боткина с С. В. Энгельгардт // Исторические Боткинские чтения: Вып. III. СПб.: Издание СПбГМИСР, 2020. С. 84–93.

II

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Е. В. БАКАЛДИНА

(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

С. Л. КАПЫРИНА

(Государственная Третьяковская галерея; Москва)

ЗАБЫТЫЙ ХУДОЖНИК СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ ПОСТНИКОВ

Аннотация. Сергей Петрович Постников (1826/1827—1880) – русский художник академического направления, автор большого количества картин исторического жанра, портретов и пейзажей. В настоящее время часть его картин находятся в различных музеях, но местонахождение большинства неизвестно.

Ключевые слова. С. П. Постников, М. П. Боткин, Академия художеств, колония русских художников в Риме, реставрация.

E. V. BAKALDINA

(The Saint Petersburg Roerich family Museum; Saint Petersburg)

S. L. KAPYRINA

(State Tretyakov Gallery; Moscow)

A FORGOTTEN ARTIST SERGEY PETROVICH POSTNIKOV

Abstract. Sergei Petrovich Postnikov (1826/1827—1880) is a Russian artist of the academic direction, the author of a large number of paintings of the historical genre, portraits and landscapes. Currently, some of his paintings are in various museums, but the location of most is unknown.

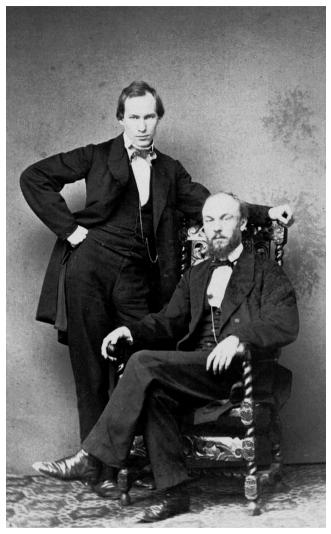
Keywords. S. P. Postnikov, M. P. Botkin, Academy of Arts, Russian artists in Rome, restoration.

Имя Сергея Петровича Постникова (1826/1827¹, Москва — 28 марта (9 апреля) 1880, Рим) не часто встречается в современных научных исследованиях и популярных статьях. Жизнь и творчество этого русского художника второй половины XIX века мало изучены. Большинство его произведений исчезли из поля зрения или не сохранились, некоторые нам известны только по чёрно-белым репродукциям. Вместе с тем Постников «оставил свой след» в искусстве, что побудило нас к поиску и новым исследованиям в этой сфере. Целью данной статьи является желание при-

влечь внимание специалистов к этой личности и совместными усилиями восполнить пробел в истории отечественной культуры.

Краткие сведения о художнике обнаруживаются у Ф. И. Булгакова в труде «Наши художники»², в третьем томе словаря русских художников под редакцией Н. П. Собко³, у С. Н. Кондакова в списке художников Юбилейного справочника Императорской Академии Будущий художник родился в семье московского купца 3-й гильдии Гостиной слободы Петра Ивановича Постникова (1783—1865) и Натальи Алексеевны (1788—1885)⁴. У них был гостеприимный дом возле церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Кудрине. Н. М. Молева отмечает, что в доме Постниковых «можно было встретить Гоголя, Петра Киреевского, Н. М. Языкова, певиа и композитора П. П. Булахова и рядом с ними ивет университетской профессуры»⁵. Постниковы поженились в 1812 году, о чём свидетельствует стихотворение А. А. Фета «На 50-летний юбилей П. И. и Н. А. Постниковых», которое он оставил в альбоме Ивана Петровича Постникова 4 февраля 1862 года⁶.

У Постниковых было одиннадцать детей⁷. Старший сын Иван (1813/1814—1882) стал впоследствии известным врачом, профессором Московского университета, коллежским советником. По семейным преданиям, он лечил Н. В. Гоголя. Четвёртым ребенком в семье была дочь Александра (1818/1819—1846), вышедшая замуж за художника Петра Захарова-Чеченца. Однако брак был недолгим, через полгода она скончалась от чахотки, а в конце 1846 года умер от чахотки и её супруг. Четвёртым сыном был Сергей, будущий художник (1826/1827—1880), о котором идёт речь в статье. Среди многочисленных родственников Сергея Петровича также известны имена его двоюродных братьев: литературного критика Василия Боткина и выдающегося врача Сергея Боткина, с которыми он был связан со стороны тёти, Анны Ивановны, урождённой Постниковой, в замужестве Боткиной. Можно упомянуть другие примеры из родственного окружения семьи Постниковых. Илларион Михайлович Прянишников, известный художникпередвижник, был сыном двоюродной сестры Сергея Постникова, коллекционеры Пётр, Иван, Сергей и Дмитрий Щукины приходились ему двоюродными племянниками, а двоюродная сестра Мария Боткина была супругой поэта А. А. Фета. Но особенно тесно жизнь и творчество Сергея Постникова связана с именем художника Михаила Петровича Боткина, которому он приходился двоюродным братом. Удалось установить, что М. П. Боткин написал портрет С. П. Постникова, местонахождение которого в настоящее время неизвестно. Этот портрет экспонировался на многих выставках, в том числе на Всероссийской выставке в Москве в 1882 году⁸, а Ф. Иордан отметил, что «портрет <...> г. Постникова, он есть chef-d'oeuvre [шедевр]» 9 .

Ил. 1. Двоюродные братья Михаил Петрович Боткин и Сергей Петрович Постников. Фотография М. Манга начала 1860-х годов. Собрание семьи Энден, потомков М. П. Боткина

В ЦГА г. Москвы сохранился документ, датированный 13 марта 1853 года, о выдаче С. П. Постникову свидетельства для поступления в учебное заведение для продолжения наук¹⁰. Скорее всего, речь идёт о Московском училище живописи и ваяния¹¹. Через два года 17 сентября 1855 года ему было выдано свидетельство в училище, и 11 октября

того же года Сергей Петрович записался в Академию художеств вольноприходящим 12 . В это же время уезжает в Петербург и его 16-летний двоюродный брат Михаил Боткин. С этого времени братья были практически неразлучны: вместе обучались в Академии художеств, вместе путешествовали по Европе и жили в Риме, а когда расставались, то часто обменивались письмами [ил. 1]. В фонде М. П. Боткина в рукописном отделе ИРЛИ хранятся письма С. П. Постникова 13 . Эти письма богаты информацией о жизни семьи Боткиных, а также сведениями о пополнении коллекции М. П. Боткина.

С 1855 по 1858 годы С. П. Постников посещал занятия в Императорской Академии Художеств как вольноприходящий, в соответствии с Уставом допускавшийся в классы за плату¹⁴. Согласно записи в журнале ИАХ от 9 января 1859 года, он был удостоен «звания неклассного (свободного – Е. Б., С. К.) художника < ... > по живописи исторической и портретной»¹⁵.

Годы обучения Постникова в Академии художеств, проходившие до реформы 1859 года, отличались отсутствием преподавания общеобразовательных предметов. Состав учащихся Академии художеств был довольно пёстрым, так как не существовало сословных ограничений при приёме студентов. Преобладание чиновников на ведущих должностях обесценивало педагогический труд на многих кафедрах. В связи с этим многие художники, получившие заграничные пенсионерские поездки, предпочитали, несмотря на трудности, остаться в Европе. Конечно, многих манила к себе Италия – родина красоты, воплотившаяся в памятниках античности и Ренессанса. Здесь «земной рай» искали братья А. А. и С. А. Ивановы, К. Ф. Гун, Е. Э. Дюккер, В. Д. Орловский, А. А. Риццони, Ф. А. Бронников, Г. И. Семирадский, а также С. П. Постников.

Первым адресом Постникова и Боткина в Петербурге была квартира в Академическом переулке в доме Малиновского¹⁶. Затем Постников проживал в доме Кранихфельда (3-я линия В. О.) в одной квартире с двоюродными братьями - Павлом Петровичем Боткиным (1827— 1888), юристом и коллежским асессором, и Михаилом Петровичем Боткиным. Именно в этой квартире остановился приехавший из Италии в мае 1858 года художник Александр Андреевич Иванов. Как писал Иванов, «домом я называю: Михаила Боткина, Сергея Петровича Постникова – его двоюродного брата и художника, вместе со мной живущего»¹⁷. Михаил Боткин и Сергей Постников помогали Иванову во время его приезда. В письмах Иванова читаем: «Вчера мы целый день устанавливали с Боткиным и Постниковым этюды в Академии», «от Моллера получу вещи завтра, а сегодня вечером (часть) их увезёт Сергей Петрович Постников» 18. Когда Василий Петрович Боткин договорился с Александром Ивановым, что тот станет наставником юного Михаила Боткина¹⁹, то подразумевалось, что и Сергей Постников будет с ними. Александр Иванов писал брату Сергею 31 мая 1858 года, «Кланяются тебе Михаил Петрович Боткин и Сергей Петрович Постников. Я, может быть, с ними пущусь к тебе в Рим, если дела примут благой оборот»²⁰.

 $\mathit{Ил. 2.}$ С. П. Постников. Портрет А. А. Иванова. Подпись «С. Постниковъ». Около 1873. Холст, масло. 90,0 × 68,5. Собрание ГТГ

После скоропостижной смерти Александра Иванова Михаил Боткин и Сергей Постников разбирали имущество выдающегося художника по просьбе его младшего брата Сергея, проживавшего в Италии. Детали это дела прослеживаются письмах С. А. Иванова Михаилу Боткину, который сначала хотел узнать о последних днях жизни брата, а потом

просил помочь с наследством брата, причём официальной частью занимался получивший доверенность Сергей Постников²¹, поскольку Михаилу было лишь 19 лет. Братья переправили в Рим к Сергею Иванову некоторые рисунки и альбомы, занимались вопросом картин А. А. Иванова, денежными делами с Ф. Моллером и графом Потёмкиным, освобождением от крепостной зависимости девицы Марины, служившей ещё А. И. Иванову, и прочим²².

Ещё начиная с переписки с М. П. Боткиным и С. П. Постниковым, С. А. Иванов считал их «за моих братьев»²³, поэтому неудивительны их тесные отношения после приезда в Рим. Также он подарил братьям некоторые вещи Александра Иванова: «На счёт же манекена, драпировок и прочих живописных снарядов, всё это уже давно мной назначено Вам, но однако ж отнюдь не в виде продажи, а как память моего брата»²⁴. Более того, можно говорить о том, что Сергей Иванов частично заменил Боткину и Постникову своего старшего брата в роли наставника. Именно С. А. Иванов выбрал для братьев их первую римскую квартиру, давал советы по поводу путешествий, осмотров достопримечательностей и художественных ценностей²⁵.

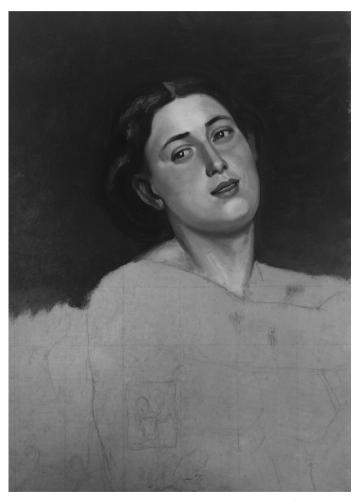
Из уважения к памяти Александра Иванова и М. П. Боткин, и С. П. Постников написали его портрет. Неоконченный портрет кисти М. П. Боткина в настоящее время хранится в Государственном Эрмитаже²⁶, а портрет кисти С. П. Постникова – в Третьяковской галерее²⁷. Этот портрет, созданный по фотографии, стал самой известной работой Сергея Постникова [un. 2].

Изначально П. М. Третьяков заказывал портрет именно у Михаила Боткина, который ему писал в 1870 году из Рима: «Много благодарю Вас за очень лестное для меня предложение написать портрет Александра Андреевича Иванова; очень жалею, чтоя неуспел окончить приготовленный этюд, который здесь многим нравился и казался очень похожим. Когда я приеду в Петербург, то постараюсь его окончить, тогда Вы увидите – если Вам он понравится, то я для Вас напишу»²⁸. Тем не менее, портрет именно кисти Постникова был закуплен Третьяковым в 1873 году.

Впоследствии, после смерти Сергея Андреевича Иванова в 1877 году, его наследством также занимались Михаил Боткин и Сергей Постников. Из письма Ф. А. Бронникова к П. М. Третьякову от 3 июля 1877 года узнаём: «М. П. Боткин и Постников более недели возились, чтобы привести в порядок все работы Ивановых. Теперь эти работы уже путешествуют в Берлин, и там их будут приготовлять к изданию, большей частью в хромолитографии. То, что нашлось из этюдов масляными красками, всё то передано Боткину для продажи, и вот он направляется со всем добром в Росию»²⁹.

В 1859 году на собственные средства Постников отправился за границу для дальнейшего *«усовершенствования, не дожидаясь*

получения от Академии каких либо наград»³⁰. Он обосновался в Риме, где изучал творчество античных мастеров³¹ и европейских старых мастеров, копируя их картины. О копировании Веласкеса мы узнаём из письма Риццони: «Ответ на моё письмо я получил из Мадрида. Он [М. П. Боткин] в восторге от Испании. Галерея Мадрида (национальный музей живописи и скульптуры) его поразила, он пишет: "мы [М. П. Боткин и С. П. Постников] не могли удержаться, скопировали несколько головок с Веласкеза"»³².

Ил. З. С. П. Постников. Голова вакханки. Начало 1860-х годов. Этюд для картины «Вакханка с тамбурином». Около 1863 года. Бумага, масло. 58,0 × 40,2. Собрание ГТГ

В 1863 году Постников вернулся в Петербург, представив в Академию художеств работы, выполненные за границей: «Прощание Гектора с Андромахой» (1863, ЧГМИИ) и «Вакханка с тамбурином» (1863, местонахождение неизвестно). Обе картины экспонировались в том же году на академической выставке³³. Состав выставки был достаточно традиционным, включая произведения, исполненные на заданные античные и библейские сюжеты. В этом русле были написаны и картины Постникова, за которые он был удостоен «за искусства и познания в художествах» звания академика по «живописи исторической»³⁴.

Постникова «Прощание Гектора Андромахой» находится в Челябинском музее изобразительных искусств³⁵. Сюда работа поступила в 1963 году из ГТГ. Художник основательно усвоил классические принципы академизма в передаче статичной композиции, пластической моделировке, крепком рисунке, фактуре драпировок, равновесии цветовых пятен. Заметно, что он старательно изучал окружавшие его образцы итальянского изобразительного искусства. Но академическое искусство стремительно сдаёт лидирующие позиции, на смену приходит новое поколение художников реалистического толка. Неслучайно две живописные работы сразу выделились на выставке 1863 года: «Тайная вечеря» Н. Н. Ге и «Неравный брак» В. В. Пукирева. Оба художника получили за них звания профессора, что свидетельствовало не только об уровне таланта, но и о появлении новых тенденциях в русской школы живописи.

Вторая картина, за которую С. П. Постников, получил звание академика, «Вакханка с тамбурином» до сих пор, к сожалению, не обнаружена. Мы даже не знаем, как она выглядит, поэтому наши поиски продолжаются. Вместе с тем в коллекции Третьяковской галереи находятся двенадцать этюдов к картине «Вакханка с тамбурином». Помимо двух графических этюдов, остальные десять выполнены масляными красками на бумаге [ил. 3]. Живописные этюды имеют разные, но достаточно большие размеры, например: 44,5 × 33,0 или 51,5 × 34,0 или ещё больше 57,9 × 40,1. Долгие годы они были сложены в отдельные папки, и скорее всего, так хранились всегда, маловероятно, что когда-нибудь экспонировались. Работы не окантованы в паспарту и не дублированы, их состояние сохранности весьма неудовлетворительное. В 2020 году началась долгожданная реставрация этих этюдов, достаточно сложная и скрупулезная, требующая высокой квалификации специалистов³⁶. Многочисленные жёлтые пятна, проступившие на бумаге, утраты и разрывы, хрупкость основы от пересыхания, плохая связь масляной живописи с бумажной основой, загрязнения - проблемы, с которыми пришлось столкнуться реставраторам. К работе подключились сотрудники отдела комплексных исследований $\Gamma T \Gamma^{37}$, которые провели изучение технологических особенностей данных произведений: основы, грунта, красочного слоя, защитного покрытия. Применение оптических и физико-химических методов позволило получить полноценный результат о творческом методе и авторских поисках Постникова.

Примечательно, но именно в процессе реставрации и исследований этюдного материала, размышления над ним появилось желание найти картину «Вакханка с тамбурином», считавшуюся давно исчезнувшей, что в свою очередь подтолкнуло к изучению творчества художника. Этюды были подарены в Третьяковскую галерею Еленой Михайловной Боткиной (1882—1964), двоюродной племянницей художника, о чём свидетельствует надпись на оборотах этюдов. Е. М. Боткина способствовала сохранению наследия своего отца-художника, коллекционера и общественного деятеля М. П. Боткина, подарив в разные музеи, библиотеки и архивы большое количество материалов, связанных с семьей Боткиных; в 1925–1926 годах она также разослала по музеям СССР 278 картин, которые находились в особняке М. П. Боткина³⁸. Факт её дарения Третьяковской галерее подтверждается архивными источниками из отдела рукописей ГТГ, где обнаружен список произведений С. П. Постникова в папке за 1927 год³⁹.

статье «Из Петербургской жизни». опубликованной в газете «Северная почта» 26 сентября 1863 года, критиковались «рутинные последователи Брюллова»: «... г. Боткин и г. Постников удостоены звания академика за вакханок с тамбурином, которых давно пора бы выбросить из академического репертуара. Впрочем, г. Боткин выставил также "Плач Иудеев на реках вавилонских". картину, останавливающую внимание поэтическим чувством. силою и верностью экспрессии. Г. Постников тоже не ограничился своей вакханкой; но его «Прощание Гектора с Андромахой» дышит риторическим холодом и, не смотря на замечательную степень технического совершенства, далеко не напоминает в высшей степени трогательной сцены у Гомера»⁴⁰. Н. А. Рамазанов в «Современной летописи» отмечал, что в «Вакханках» гг. Боткина и Постникова нет огня, нет крови; это просто натурщицы, этюды, но не без достоинств. Эминентки Рима, празднующие собирание винограда в октябре месяце, могли бы навести художников на более верную идею о Вакханках»⁴¹. Спустя два месяца после академической выставки произойдёт «бунт 14-ти» выпускников Академии художеств, отказавшихся писать картину на заданную тему. Зарождавшееся движение передвижников не коснётся Сергея Постникова. Вскоре он вновь покинет Петербург, надолго уехав в Италию.

Поселившись в Риме в 1863 году, Постников активно начал работать. За несколько лет он создал ряд замечательных произведений, которые демонстрируют высокие художественные достоинства, о которых можно судить даже по репродукциям. Такие картины как «Христос перед судом»⁴², «Сёстры Лазаря»⁴³, «Вечерня у чертозинцев в Риме»⁴⁴, «Семинаристы в Риме»⁴⁵, «Сцена из римской жизни»⁴⁶ являются сложными композициями с многофигурными и пространственными решениями.

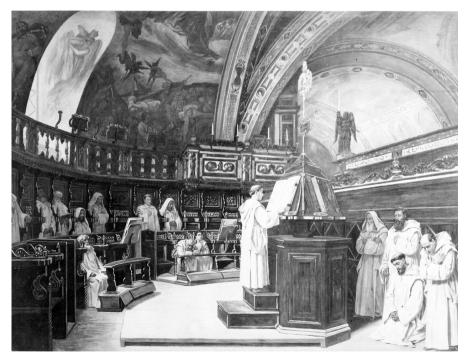
Известно, что «Вечерня у чертозинцев в Риме» [ил. 4] попала в собрание К. Т. Солдатёнкова. Коллекционер познакомился с русской художественной колонией в Риме в 1852 году во время заграничной поездки и достаточно активно приобретал произведения художников этого круга. В каталоге его картинной галереи 1901 года эта работа Постникова фигурирует с названием «Служба в монастыре» под № 142⁴⁷. Основная часть собрания после смерти Солдатёнкова перешла в Румянцевский музей, где экспозиция располагалась в именных солдатёнковских залах. Однако в списках Московского и Румянцевского музея эта работа не обнаружена⁴⁸ и следы её теряются⁴⁹.

Вместе с Боткиным Постников быстро влился в среду русских художников, подружившись с А. А. Риццони, П. П. Чистяковым, В. П. Верещагиным и другими. На групповой фотографии, обнаруженной в архиве ГТГ и датированной 1863 годом, фотограф-любитель Перцов запечатлел 15 художников⁵⁰ из России, в том числе и Постникова⁵¹. Также в письме Риццони находим такие строки: «Приехали Боткин и Постников, много интересных рассказов, компания наша приняла почти свой старый вид, теперь живётся повеселее» 52.

- П. П. Чистяков также свидетельствует, что колония в Риме жила очень дружно «Боткин, Постников, Бронников, Лаверецкий и я все едем домой на родину. Караван целый!» 53 .
- С. П. Постников был одним из старожилов русской колонии. Когда семья Третьяковых приезжала в Италию, то «М. П. Боткин и С. П. Постников сопровождали их в осмотре Рима и окрестностей»⁵⁴.

Двоюродный племянник Постникова П. И. Щукин так описывает жизнь Постникова и Боткина в Риме: «Ежедневно видались с дядей Михаилом Петровичем Боткиным, жившим вместе с художником Сергеем Петровичем Постниковым. В via Sistina зашли мы в старый дом, где находилась студия⁵⁵ Михаила Петровича «...». С Боткиным и Постниковым мы ходили в тратторию «Медио», где вместе с ними столовались два брата Сведомские, Котарбинский, Семирадский, Риццони и другие художники»⁵⁶. Хорошо известно, что кафе Греко на улице Кондатти в Риме также было местом встреч русских художников⁵⁷.

Кто ещё входил в окружение живописца этого времени можно узнать из дружественных шаржей, сделанных М. И. Доливо-Добровольским и хранящихся в архиве ГРМ58. На шести рисунках в шутливой манере изображены М. П. Боткин, С. П. Постников и их приятели, играющие в бильярд, ожидающие обеда в кухмистерской или бредущие из кафе Греко под дождём. Некоторые шаржи датированы 1873 годом, каждый подписанный персонаж имеет неповторимую ироничную характеристику: М. А. Чижов, И. П. Панфилов и А. В. Снегиревский, Попов⁵⁹, А. А. Риццони. Эти неопубликованные зарисовки, полные юмора, передают атмосферу непринуждённого общения всей компании, сплотившейся вдалеке от Родины. В образе Постникова угадывается рассеянный, чуть беспомошный человек, в помятом пальто и сдвинутой на затылок шляпе. Его лицо с высоким лбом и небольшой бородкой выдаёт внутреннее спокойствие и благородство. Недаром в воспоминаниях современников Постников упоминался как добрый, благожелательный человек, хотя и не слишком учёный.

Ил. 4. Фотография картины С. П. Постникова «Вечерня у чертозинцев в Риме». Фотограф М. Манг. Собрание ГРМ

Художница и педагог Е. Ф. Юнге писала в своих воспоминаниях: «Первое место между молодыми художниками занимали, по общему мнению, Боткины. Собственно, Боткин был один, Михаил Петрович, но с ним жил его друг Постников, с которым он был неразлучен, почему их и называли коллективно "Боткиными". Михаил Петрович писал хорошие вещи и был очень милым и любезным молодым человеком; Постников же был такой скромный и застенчивый, что редко был слышен его голос» 60.

Также М. П. Боткина и С. П. Постникова, несмотря на внешнее несходство, шутливо называли «близнецами». А. А. Риццони в одном из писем к П. М. Третьякову от 26 августа 1873 года сообщал: «В Риме по части родного искусства нет ничего нового, да родных-то здесь очень мало. Когда приехал, то был очень рад найти здесь близнецов, живём в одном и том же доме» 61.

Помимо дружбы с русскими мастерами в Риме можно отметить контакт Постникова с фотографом Микелем Мангом (1840—1909), который общался и дружил со многими «пенсионерами» Императорской Академии художеств и художниками русской колонии. В архиве Третьяковской галереи обнаружено 13 фотокарточек Манга с портретами русских художников, среди которых есть и фотопортрет С. П. Постникова, датированный 12 (24) апреля 1869 года, что указывает на точное время пребывания художника в Риме. На обороте стоит печать Манга с указанием адреса: Michele Mang & C° Roma Piazza Spagna, 9 (Микель Манг и Ко, Рим, площадь Испании, 9).

Кроме того, многие художники, в том числе и Постников, и Боткин, доверяли Мангу фотографировать свои работы, благодаря чему до нас дошли репродукции некоторых их картин. В секторе архива изображений Русского музея обнаружена фотография Манга неизвестной нам ранее картины Постникова «Семинаристы в Риме»⁶², выставляемой в 1870 году. Другие большеформатные фотоотпечатки с картин Постникова «Сёстры Лазаря» и «Вечерня у чертозинцев в Риме» из этой коллекции выполнены на высоком уровне, безупречны в передаче каждой детали. Интересно отметить, что на снимках стоит печать Манга в виде выпуклого давленого оттиска с надписью: «fotografia M. Mang Via Felice 113 Roma» - «Фотография М. Манг. Улица Феличе, 113 Рим». На улицу Феличе фотограф переехал в конце 1870 года, где приобрёл фотоателье у Освальда Уфера⁶³. Следовательно, Постников заказывал Мангу сделать снимки с картин перед отъездом в Петербург, куда картины были направлены для выставки в Академии художеств. Таким образом, благодаря фотографиям Манга удалось атрибутировать ещё одну работу Сергея Петровича Постникова.

Ещё некоторое количество работ было выявлено с помощью каталогов выставок, в которых участвовал Постников. На академических выставках он экспонировал картины с 1863 года. Так представлялись на суд публики и для продажи его картины – «Прощание Гектора с Андромахой» и «Вакханка» (на выставке 1863 года)⁶⁴, «Христос перед судом», «Микелина, голова итальянки»⁶⁵ (продававшаяся за 125 рублей), «Давид»⁶⁶ (за 125 рублей), «Больной»⁶⁷ (за 100 рублей), «Рахиль» (за 200 рублей) (на выставке 1867 года)⁶⁸, «Вечерня у чертозинцев в Риме», «Семинаристы в Риме», «Сцена из римской жизни», «Сёстры Лазаря» и этюды с натуры, исполненные в Италии (на выставке 1870 года)⁶⁹. «Воскресная школа в церкви св. Климента» 70 и «Хоровод на Тибре» («Римский хоровод») 71 (на выставке 1872 года)⁷². На протяжении этого времени С. П. Постников по ходатайству Академии «в поощрение к дальнейшей художественной деятельности» был пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени в 1868 году 73 , а также ему была «объявлена благодарность и одобрение» от Совета Академии художеств за картины «Сёстры Лазаря», «Хор монахов»⁷⁴, «Семинаристы в Риме», «Сцена из римской жизни» и другие в 1870 году⁷⁵.

В 1867 году картина «Христос перед судом» под названием «Христос перед Каифой» экспонировалась на Парижской выставке во дворце на Елисеевских полях⁷⁶.

В 1875 году, на 4-ой выставке Товарищества передвижных художественных выставок, не будучи членом товарищества, Постников представил работу «Грациелла»⁷⁷. В заметке о выставке, напечатанной в журнале «Пчела», есть такие строки: «Гг. Боткин и Постников являются верными поклонниками южной заальпийской красавицы»⁷⁸.

В настоящий момент нами найдено по описаниям, упоминаниям или по изображениям около 50 работ С. П. Постникова.

Кроме названных ранее картин стоит отметить портреты отца и матери художника – Петра Ивановича и Натальи Алексеевны Постниковых⁷⁹. Постниковым были созданы портреты и других его родственников – двоюродных племянниц А. П. Боткиной⁸⁰ и В. П. Боткиной⁸¹, двоюродного племянника С. С. Боткина⁸², двоюродного брата М. П. Боткина⁸³. Также из различных письменных источников известно о существовании картин «В мастерской масок»⁸⁴ и «Дворик с садиком женского монастыря»⁸⁵, «Виолончелист»⁸⁶, «Девочка с фиалками (виолетками)»⁸⁷, «Итальянский вид»⁸⁸, «Итальянский пейзаж»⁸⁹, «Мальчик-натурщик»⁹⁰, «Пейзаж. Вид с крыши»⁹¹, «Портрет госпожи Бронниковой»⁹², «Девушка с распущенными волосами»⁹³, «Портрет кардинала»⁹⁴, «Портрет мальчика»⁹⁵.

Вплоть до начала 1870 года Постников постоянно проживал в Италии, периодически выезжая на родину, а также во Францию, Германию и Испанию. Во время приездов в Петербург Сергей Постников и Михаил

Боткин останавливались в квартире на пересечении Английского проспекта и Офицерской улицы, в доме Масловых⁹⁶.

Последние два года жизни Постников тяжело болел (вероятно, астмой⁹⁷ или болезнью сердца⁹⁸), о чём есть упоминания в письмах его друзей⁹⁹. Он умер в Риме 28 марта 1880 года на руках у Екатерины Никитичны, жены М. П. Боткина, и похоронен 30 марта того же года на общем для иностранцев (некатолическом) кладбище Тестаччо в Риме¹⁰⁰. М. П. Боткин так рассказывал старшему брату Петру об этом событии: «Похоронили мы его на симпатичном кладбище, где обыкновенно хоронят русских – все художники собрались, отпели и опустили в могилу»¹⁰¹.

В некрологе, опубликованном в газете «Новое время» о Постникове написали: «Жизнь его прошла <...> малозамеченной для общества вследствие постоянной скромности художника и строго отношения к самому себе. Только близко знавшие С. П. Постникова могут вполне оценить истинное значение деятельности этого скромного труженика. С тёплою благодарностью и любовью вспомнят о нём товарищи его художники, которые всегда находили в нём хорошего советника, одарённого таким художественным тактом, и доброго друга, горячо принимавшего к сердцу всякое горе» 102.

Памятник С. П. Постникову сделали под стать этому скромному человеку. Как писал Ф. А. Бронников М. П. Боткину: «предлагаю исполнить простую доску, с надписью, какие почти у всех русских художников на их могилах» 103. В процессе работы над статьёй удалось связаться с директором кладбища Амандой [Тёрсфилд] Thursfield, которая любезно предоставила фотографию надгробной плиты захоронения Постникова. По просьбе профессора Николаса Стэнли-Прайса, члена Консультативного комитета кладбища, были отправлены собранные биографические сведения о художнике для публикации в ежеквартальном бюллетене друзей.

Поддерживающий память о своём двоюродном брате и друге Михаил Петрович Боткин, назначенный распорядителем художественного отдела Всероссийской выставки в Москве в 1882 году¹⁰⁴, поспособствовал экспонированию там его картин. Для выбора произведений на эту выставку в помещениях Императорской Академии художеств в 1881 году была проведена специальная выставка; на ней были размещены и картины С. П. Постникова – «[Воскресная] школа в церкви св. Климента в Риме» и «Хоровод на Тибре»¹⁰⁵. А в 1882 году на самой Всероссийской выставке в Москве были представлены «Школа в церкви св. Климента в Риме» (1871), «Хоровод на Тибре» (1871) и «Хор церкви св. Франциска в Ассизи» (1870), а во втором издании каталога была также напечатана репродукция работы «Вечерня у чертозинцев в Риме» (1870), которой на выставке не было¹⁰⁶. Похороненный в Риме русский художник Сергей Петрович Постников надолго остался забытым на Родине, автором одной картины – «Портрета А. А. Иванова» – которая часто печатается и используется в трудах, касающихся Александра Андреевича Иванова. Часть произведений Постникова рассеяна по музеям России, в том же время местонахождение большинства его работ на данный момент неизвестно. Эти картины нуждаются в выявлении и изучении. Надежду отыскать произведения картин Сергея Петровича Постникова даёт тот факт, что он практически всегда подписывал свои работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- В различных источниках указывается или просчитывается разный год рождения С. П. Постникова. 1825 – Материалы для истории московского купечества. – М.: типография М. Г. Волчанинова, 1888. – Т. 7. – С. 48; 1826 – Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Живопись второй половины XIX века. - М.: Красная площадь, 2006. - С. 137-139; 1826/1827 - Метрика о смерти - ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 123. Д. 36. Л. 62 об.; 1927 – Список русских художников к Юбилейному справочнику Императорской Академии художеств / Сост. С. Н. Кондаков. - СПб.: товарищество Р. Голике и А. Вильборг, [1915]. - С. 159; 1828/1829 - ЦГА г. Москвы. Ф. 2. Оп. 1. № 4751. Л. 2 об., 1838 – Словарь русских художников, ваятелей, живописцев, зодчих, рисовальщиков, гравёров, литографов, медальеров, мозаичистов, иконописцев, литейщиков, чеканщиков, сканщиков и проч. С древнейших времён до наших дней (XI–XIX вв.) / Сост. Н. П. Собко. - СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. III. – Вып. 1. – Кол. 414; 1838 – статья А. Новицкого в кн.: Русский биографический словарь. - СПб., 1905. - Т. 14. - С. 635; Дата не указана -Булгаков Ф. И. Наши художники. (Живописцы, скульпторы, мозаичисты, гравёры и медальеры на академических выставках последнего 25-летия). - СПб.: типография А. С. Суворина, 1890. – Т. 2 (Л–Я). – С. 109.
- ² *Булгаков Ф. И.* Наши художники... С. 108–109.
- ³ Словарь русских художников, ваятелей, живописцев, зодчих, рисовальщиков...– Кол. 414–415.
- 4 Посниковы московский купеческий род, выходцы из старинных тяглецов Гостиной сотни. Некоторые представители этой семьи позднее именовались Постниковыми. Годы жизни приводятся по изданию: Московский некрополь. СПб., 1908. Т. II (К-П). С. 455. Родители С. П. Постникова захоронены на Ваганьковском кладбище.
- ⁵ *Молева Н. М.* Москва столица. М., 2003. С. 320.
- ⁶ Фрумкина А. Неизвестное стихотворение А. А. Фета // А. А. Фет. Традиции и проблемы изучения: [межвузовский сборник научных трудов]. Курск: Курский государственный педагогический институт, 1985. С. 127–128; Антонова М. С. Запись Н. В. Гоголя в альбом И. П. Постникова: к вопросу об атрибуции и интерпретации // Филология: научные исследования. 2019. № 2.
- ⁷ Сыновья: Иван, Николай, Алексей, Сергей, Пётр, Илья, Владимир. Дочери: Наталья, Екатерина, Александра, Надежда. Кн.: Материалы для истории московского купечества. М.: типография М. Г. Волчанинова, 1888. Т. 7. С. 48; Материалы

- для истории московского купечества. М.: типография М. Г. Волчанинова, 1889. Т. 9. С. 49.
- 8 Иллюстрированный каталог художественного отдела Всероссийской выставки в Москве, 1882 г. СПб., 1882. 2-е изд. С. 5.
- 9 РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 29. Л. 5.
- 10 ЦГА г. Москвы. Ф. 2. Оп. 1. № 4751.
- 11 С 1865–1866 года училище стало называться Московское училище живописи, ваяния и золчества.
- 12 РГИА. Ф. 789. Оп. 19. Д. 755. Л. 180 об.
- 13 РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 45, 77.
- 14 РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Ед. хр. П-79. Л. 1.
- 15 Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет её существования / Сост. Н. П. Петров. – Часть III. – СПб., 1866. – С. 320–321.
- 16 РГИА. Ф. 789. Оп. 19. Д. 755. Л. 180 об.
- 17 Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806—1858. СПб.: Издание М. Боткина, 1880. С. 328.
- ¹⁸ Там же. С. 342–343, 350.
- 19 Там же. С. 302; Егоров Б. Ф. В. П. Боткин литератор и критик // Учёные записки Тартуского государственного университета. 1965. Вып. 167. С. 116.
- ²⁰ Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. С. 340.
- 21 РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 28. Л. 1–1 об., 7 об., 16.
- 22 РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 28. Л. 1, 3 об., 9–9 об., 11–11 об., 12 об., 25 об.
- 23 РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 28. Л. 9 об.
- 24 РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 28. Л. 9 об., 21 об.
- 25 РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 28. Л. 23 об.-68.
- ²⁶ М. П. Боткин. Портрет А. А. Иванова. Холст, масло. 58,3 × 48,7. ГЭ. Инв. № ЭРЖ-207. Ранее: собрание С. П. Яремича (Ленинград). В каталоге Эрмитажа авторство под вопросом: *Гудыменко Ю. Ю.* Русская живопись XIX века: каталог коллекции. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2017. С. 60–61; Авторство М. П. Боткина подтверждено: Академик живописи М. П. Боткин. К 180-летию со дня рождения: альбом выставки / Авт.-сост.: Е. В. Бакалдина. СПб.: СПбГМИСР, 2019. С. 80. № 48.
- 27 С. П. Постников. Портрет А. А. Иванова. Подпись «С. Постниковь». Около 1873. Холст, масло. 90.0 × 68.5, ГТГ. Инв. 685.
- ²⁸ Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову. 1870–1879. М.: Искусство, 1968. С. 24.
- 29 Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову. 1870–1879. С. 305.
- 30 РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Ед. хр. П-79. Л. 2.
- 31 ОР РГБ. Ф. 111. К. 5. Ед. хр. 62. Л. 3об. –4 об.
- ³² Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову. 1856–1869. М., 1960. С. 187.
- ³³ Указатель художественных произведений, выставленных в Академии художеств в 1862–1863 году. СПб., 1863. С. 26. № 57 и 58.
- ³⁴ Отчёт Императорской Академии художеств, с 2 сентября 1862 по 1 сентября 1863 г. СПб., 1864. С. 5.

- 35 С. П. Постников. Прощание Гектора с Андромахой. 1863. Холст, масло. 138,5 × 102,5. Челябинский государственный музей изобразительных искусств. Ж-536.
- ³⁶ Работа проходит в реставрационной мастерской графики XVIII начала XX века ГТГ под руководством заведующей отделом И. К. Солововой. Реставратор А. Ю. Исай-кина. На декабрь 2020 года отреставрировано 3 этюда.
- ³⁷ Работа проводилась под руководством заведующей отделом Отдел комплексных исследований (ОКИ) ГТГ Ю. А. Халтурина. Участие принимали эксперты: И. В. Рустамова, К. В. Шумихин. Комплекты результатов исследований содержат ИК-спектры, РФА-спектры, снимки PLM, снимки в ИК и УФ диапазонах, микросъемку, рентген.
- ³⁸ Бакалдина Е. В. Борьба Е. М. Боткиной за сохранение после революции родительского дома (Васильевский остров, 18-я линия, д. 1) // Х Анциферовские краеведческие чтения: 2017 года, Санкт-Петербург. СПб: Издательство «Европейский Дом», 2018. С. 55–63.
- ³⁹ ОР ГТГ. Ф. 8. Оп. IV. Ед. хр. 39. Л. 42.
- ⁴⁰ Из Петербургской жизни // Северная почта. -1863. -26 сентября -№ 211. C. 862.
- ⁴¹ *Рамазанов Н. А.* Материалы для истории художеств в России. Статьи и воспоминания. СПб., 2014. С. 497 (Современная летопись. Воскресные прибавления к Московским ведомостям. 1864. № 13. С. 7–8).
- ⁴² Картина также известна под названием «Христос перед Каифой». Изображение напечатано в кн.: *Булгаков Ф. И.* Наши художники... – С. 109. В настоящее время местонахождение картины неизвестно.
- ⁴³ С. П. Постников «Сёстры Лазаря» или «Марфа возвещает о том, что Христос идёт». Изображение напечатано в кн.: Художественный Автограф. Выставка Императорской Академии художеств в 1870 году. Год второй. 1870. С. 19 и *Булгаков Ф. И.* Наши художники... С. 109.
- 44 Первый раз изображение напечатано в кн.: Художественный Автограф. Выставка Императорской Академии художеств в 1870 году. Год второй. 1870. С. 38. В настоящее время местонахождение картины неизвестно.
- 45 В настоящее время местонахождение картины неизвестно.
- 46 С. П. Постников. Сцены из римской жизни. 1870. Изображение напечатано в кн.: Художественный Автограф. Выставка Императорской Академии художеств в 1870 году. – Год второй. – 1870. – С. 22. В настоящее время местонахождение картины неизвестно.
- ⁴⁷ Иллюстрированный каталог Картинной галереи Московского публичного и Румянцевского музеев. Собрание К. Т. Солдатёнкова. М., 1901. С. 16. № 142 под названием «Служба в монастыре». Изображение С. 58.
- ⁴⁸ Картины Румянцевского музея в музейных собраниях живописи России и соседних государств / Авт.-сост. Т. И. Игнатович. М., 2009.
- ⁴⁹ Возможно, именно эта картина С. П. Постникова значится в документах Центрального хранилища музеев Москвы под названием «Поучительное чтение в католическом монастыре», даны её размеры (104,0 × 144,0). См.: РГАЛИ. Ф. 686. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 68 об.–68.
- 50 М. П. Попов, М. Н. Васильев, В. П. Верещагин, Л. Ф. Шперер, А. А. Попов, А. А. Риццони, А. А. Щедрин, П. П. Иков, С. П. Постников, В. А. Кенель, П. П. Чистяков, М. П. Боткин, Е. В. Годун, Перцов, И. П. Трутнев, А. Е. Карнеев.

- 51 ОР ГТГ. Ф. 31. Ед. хр. 2577. Л. 1.
- ⁵² Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову. 1856–1869. С. 203.
- 53 АГЭ. Ф. 7. Оп. 1. № 174. Л. 86. Письмо П. П. Чистякова К. Т. Солдатёнкову от 13 апреля 1870 года.
- 54 Боткина А. П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. М.: Арт-Волхонка, 2012. С. 136.
- 55 Скорее всего, у Постникова и Боткина была в Риме одна мастерская на двоих.
- 56 Шукин П. И. Воспоминания. Из истории меценатства России / Сост. Н. В. Горбушина. С предисл. и под ред. С. О. Шмидта. М.: Государственный исторический музей, 1997. С. 159.
- 57 Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову. 1856–1860. С. 156.
- 58 ОР ГРМ. Ф. 60. Оп. 2. № 10.
- 59 На шаржах стоит подпись «Попов», а в это время в Риме проживало два Попова Михаил Петрович Попов (1837—1898) и Андрей Александрович Попов (1832—1896).
- ⁶⁰ Юнге Е. Ф. Воспоминания. Переписка. Сочинения. 1843—1911. М., 2017. С. 297—298.
- 61 Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову. 1870–1879. С. 134.
- ⁶² С. П. Постников. «Семинаристы в Риме». Изображение: Фотография М. Манга «Семинаристы в Риме». Фототека ГРМ. Аф-8497.
- 63 Капырина С. Л. Генрих Семирадский и Микеле Манг. Творческий альянс художника и фотографа // Третьяковские чтения. 2016. Материалы отчётной научной конференции. – М., 2017. – С. 165–179.
- ⁶⁴ Указатель художественных произведений, выставленных в Академии художеств в 1862–1863 году. СПб., 1863. С. 26.
- 65 Этюд «Микелина, голова итальянки» позже оказался в собрании Киевского художественного музея. В 1943 году работа была вывезена немцами, скорее всего, погибла при взрыве и пожаре в замке Вильденхоф, но, возможно, сохранилась в частном собрании. В кн.: Каталог произведений Киевского музея русского искусства, утраченных в годы Великой Отечественной войны. 1941 1945. Живопись, графика. Киев, 1994. С. 122. Сведения предоставлены Н. Е. Агеевой, научным сотрудником Национального музея «Киевская картинная галерея».
- 66 С. П. Постников. Давид. ОР ГРМ. Ф. 24. Оп. 1. № 57. Л. 8 об. Картина принадлежала С. П. Боткину, висела в его приёмной, после его смерти отдана дочерям Е. А. Боткиной. В настоящее время местонахождение неизвестно.
- 67 С. П. Постников. Больной. ОР ГРМ. Ф. 24. Оп. 1. № 57. Л. 8 об. Картина С. П. Постникова с названием «Голова больного» принадлежала С. П. Боткину, висела в его приёмной, после его смерти отдана дочерям Е. А. Боткиной. В настоящее время местонахождение неизвестно.
- ⁶⁸ Указатель художественных произведений, выставленных в Академии художеств в 1866–1867 году. СПб., 1867. С. 7–8. Цены указаны только в третьем издании указателя, а также записаны в списке Н. П. Собко: ОР РНБ. Ф. 708. № 83. Л. 194 об.
- 69 Указатель художественных произведений, выставленных в Академии художеств в 1870 году. СПб., 1870. С. 33 (№ 232, 232 bis), 39 (№ 290), 42 (№ 321–322), 43 (№ 326).
- 70 С. П. Постников. «Воскресная школа в церкви св. Климента». 1871. В настоящее время местонахождение неизвестно.

- 71 С. П. Постников. «Хоровод на Тибре» («Римский хоровод»). 1871. В настоящее время местонахождение неизвестно.
- ⁷² *Булгаков Ф. И.* Наши художники... С. 109.
- ⁷³ Отчёт Императорской Академии художеств. С 10 сентября 1867 г. по 15 сентября 1868 г. СПб., 1870. С. 19.
- 74 Другое название «Хор церкви св. Франциска в Ассизи». Изначально по свидетельству А. А. Риццони эту картину Постникову заказал К. Т. Солдатёнков (Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову. 1856–1869. С. 231), но в итоге она упоминается среди работ, висевших в гостиной у С. П. Боткина, после его смерти отдана дочерям Е. А. Боткиной. ОР ГРМ. Ф. 24. Оп. 1. № 57. Л. 1 об. В настоящее время местонахождение неизвестно.
- ⁷⁵ Отчёт Императорской Академии художеств. С 2-го ноября 1869 по 4-е ноября 1870 г. СПб., 1871. С. 23.
- Explication des ouvrages de peinture, sculpture, architecture, gravure et lithographie des artistes vivants exposés au Palais des Champes-Elysées le 15 avril 1867. Paris, 1867. P. 172.
- Указатель Четвертой художественной выставки Товарищества передвижных выставок. СПб., 1875. С. 4 (№ 42). В ГРМ есть картина С. П. Постникова «Девочка-итальянка, продающая апельсины (Грациелла)». Холст, масло. 35,0 × 30,8. ГРМ. Ж-9169. Подпись «Roma Postnikoff» (Русский музей. Живопись. Вторая половина XIX века. Каталог. Т. 7: Н Я. СПб.: Palace editions, 2017. С. 67). Однако она датирована 1859–1863 годами, а на выставку Товарищества представляли недавно написанные работы. Либо датировка ошибочна, либо у С. П. Постникова была ещё одна картина с таким названием.
- 78 Четвёртая передвижная выставка // Пчела. 1875. 16 марта. № 10. С. 124.
- ⁷⁹ С. П. Постников. Портрет П. И. Постникова. 1863. Холст, масло 54,0 × 44.3. Справа внизу подпись «С. Постниковъ. 63». ГТГ. № Арх Ж-1097. и С. П. Постников. Портрет Н. А. Постниковой. 1863. Холст, масло. 54,4 × 43,7. ГТГ. № Арх. Ж-1096.
- 80 С. П. Постников. А. П. Боткина в детстве. 26,0 × 22,0. Бумага, акварель. ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 8. Д. 61. Л. 84. Была в доме Боткиных-Гучковых в 1918 году, а в настоящее время местонахождение неизвестно.
- 81 С. П. Постников. Портрет В. П. Боткиной. Подписная 1867. 24,0 × 30,0. ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 8. Д. 61. Л. 68 об. Была в доме Боткиных-Гучковых в 1918 году. Сначала в описи автором был записан М. П. Боткин, но затем его фамилия была зачеркнута и поставлена фамилия Постникова. В настоящее время местонахождение неизвестно.
- 82 С. П. Постников. Портрет мальчика. Дерево, масло. 31,4 × 24,0 (овал). Подписная. ГЭ. ЭРЖ-2078. После сравнения с фотографиями предполагаем, что это Сергей Боткин.
- 83 С. П. Постников. Портрет М. П. Боткина. ОР ГРМ. Ф. 24. Оп. 1. № 57. Л. 3. Принадлежал С. П. Боткину, висел в маленьком кабинете. Неясно, кому отдан после его смерти. В настоящее время местонахождение неизвестно.
- 84 С. П. Постников. В мастерской масок. ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 8. Д. 61. Л. 68. Скорее всего, она же значится под названием «Старик, раскрашивающий маски». ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 8. Д. 61. Л. 175 об. Была в доме Боткиных-Гучковых в 1918 году. В настоящее время местонахождение неизвестно.

- 85 С. П. Постников. Дворик с садиком женского монастыря. Около 1873. Репин И. Е. Избранные письма в 2-х т. 1867–1930. М., Искусство, 1969. Т. 1. С. 84. (Репиным дано ироничное описание картины: «Одна монахиня благоговейно наклонилась перед цветущим цветком, а две другие стоят благоговейно, чтобы окончательно не развалиться от несовершенства»).
- 86 С. П. Постников. Виолончелист. Масло, фанера. 35,4 × 20,8. Подпись справа внизу: «С. Постников». См.: Русский музей. Живопись. Вторая половина XIX века. Каталог. Т. 7: Н Я. СПб.: Palace editions, 2017. С. 67.
- 87 С. П. Постников. Девочка с фиалками (виолетками)». ОР ГРМ. Ф. 24. Оп. 1. № 57. Л. 1. Принадлежала С. П. Боткину, висела в кабинете, после его смерти отдана дочерям Е. А. Боткиной. В настоящее время местонахождение неизвестно.
- 88 С. П. Постников. Итальянский вид. ОР ГРМ. Ф. 24. Оп. 1. №5 7. Л. 7. Принадлежала С. П. Боткину, висела в бывшей столовой, после его смерти отдана дочерям Е. А. Боткиной. В настоящее время местонахождение неизвестно.
- 89 С. П. Постников. Итальянский пейзаж. 1870-е. Холст, масло. 40,5 × 58,2. ГТГ. Инв. 6248.
- ⁹⁰ С. П. Постников. Мальчик-натурщик. 1870-е. Бумага, масло. 80,2 × 57,2. ГТГ. Инв. 6237.
- 91 С. П. Постников. Пейзаж. Вид с крыши. ОР ГРМ. Ф. 24. Оп. 1. № 57. Л. 2. Принадлежала С. П. Боткину, висела в гостиной, после его смерти отдана его дочери А. С. Боткиной, в замужестве Бородулиной. В настоящее время местонахождение неизвестно.
- 92 С. П. Постников. «Портрет госпожи Бронниковой». 1879 (?). Холст, масло. 88,6 × 76,0. Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей заповедник. РБМ-2601. Ж-459.
- 93 С. П. Постников. «Девушка с распущенными волосами». 1869. ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 8. Д. 61. Л. 175 об. Была в доме Боткиных-Гучковых в 1918 году. В настоящее время местонахождение неизвестно.
- 94 С. П. Постников «Портрет кардинала». Масло, дерево. 16,5 × 13,0. ГРМ. РМ Ж-1296. См.: Русский музей. Живопись. Вторая половина XIX века. Каталог. Т. 7: Н– Я. – СПб.: Palace editions, 2017. – С. 67.
- 95 С. П. Постников. Портрет мальчика. ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 8. Д. 61. Л. 67. Была в доме Боткиных-Гучковых в 1918 году. В настоящее время местонахождение неизвестно.
- 96 Указатель художественных произведений, выставленных в Академии художеств в 1866–1867 году. СПб., 1867. С. 6–7; Указатель художественных произведений, выставленных в Академии художеств в 1870 году. СПб., 1870. С. 10.
- ⁹⁷ Стасов В. В. Письма к родным. М., 1958. Т. 2: 1880–1894. С. 55.
- ⁹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 123. Д. 36. Л. 62 об. Такой диагноз записан в метрическом свидетельстве о смерти. Также С. П. Постников жаловался на боли в сердце: ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 171. Л. 7.
- ⁹⁹ Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову, 1870–1879. С. 374.
- ¹⁰⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 123. Д. 36. Л. 62 об. 63; *Талалай М. Г.* Российский некрополь в Италии. М., 2014. С. 566.
- 101 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 171. Л. 8 об.
- 102 Некролог. С. П. Постников. // Новое время. 1880. 1 (13) апреля. № 1470. С. 3.
- 103 РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 17. Л. 43 об.

Е. В. Бакалдина, С. Л. Капырина

- 104 Отчёт Императорской Академии художеств с 4 ноября 1881 по 4 ноября 1882. СПб., 1883. С. 11.
- 105 Указатель выставки в залах Музея Академии Художеств в 1881 году. СПб., 1881. С. 8 (№ 58), 10 (№ 69).
- 106 Иллюстрированный каталог художественного отдела Всероссийской выставки в Москве... С. 29. Репродукция С. 171.

В. П. МИКИТЮК

(Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; г. Екатеринбург)

МИХАИЛ АНАНЬЕВИЧ НУРОВ – ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Аннотация. Статья посвящена исследованию жизни и деятельности екатеринбургского купца Михаила Ананьевича Нурова. В ней рассматриваются основные направления его предпринимательской деятельности, а также достижения Нурова на общественном поприще. В статье анализируется благотворительная деятельность М. А. Нурова, выразившаяся в пожертвованиях на детские приюты и учебные заведения.

Ключевые слова. Екатеринбургский купец, Михаил Ананьевич Нуров, Екатерина Николаевна Боткина, салотопенное производство, благотворительность, учебные заведения.

V. P. MIKITYUK

(Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS; Ekaterinburg)

MIKHAIL ANANIEVICH NUROV – ENTREPRENEUR AND PUBLIC ACTOR

Abstract. The article is devoted to the study of the life and work of the Yekaterinburg merchant Mikhail Ananyevich Nurov. It examines the main directions of his entrepreneurial activity, as well as Nurov's achievements in the public arena. The article analyzes the charitable activities of M. A. Nurov, expressed in donations to orphanages and educational institutions.

Keywords. Yekaterinburg merchant, Mikhail Ananyevich Nurov, Ekaterina Nikolaevna Botkina, fire-burning production, charity, educational institutions.

Михаил Ананьевич Нуров принадлежал к числу сравнительно немногих екатеринбургских предпринимателей, которые были известны как в родном городе, так и далеко за его пределами, причём эта известность распространялась не только на его предпринимательские начинания, но и на общественную деятельность.

Михаил Ананьевич, родившийся в 1831 году, принадлежал к многочисленному роду екатеринбургских мещан и купцов Нуровых, большинство представителей которого в той или иной степени были связаны с предпринимательством. Наиболее удачливые члены рода Нуровых основным видом своей деятельности избрали салотопенное производство. Этот выбор не был случайным. Уже в конце XVIII века многие екатеринбургские предприниматели вложили средства в переработку животноводческой продукции. Наиболее прибыльным делом оказалось салотопенное производство.

Ил. 1. Михаил Ананьевич Нуров. Собрание Свердловского областного краеведческого музея имени О. Е. Клера

Отец М. А. Нурова, Ананий Васильевич, екатеринбургский мещанин и старообрядец, к активным действиям в области салотопенного дела приступил в начале 1810-х годов. К 1814 году ему удалось построить небольшой салотопенный завод и войти в семью так называемых екатеринбургских «сальников», то есть владельцев салотопен. Впрочем, далеко не все представители этого семейства были рады новоявленному родственнику. Летом 1814 года екатеринбургский купец 2-й гильдии Ф. Ф. Казанцев обратился к соответствующим властям с просьбой о «воспрещении постройки купцу Ананию Нурову внутри города на лутшем проезжем прошпекте, часть оного в соседстве домов моих и мещанина Петра Фё-

доровича Степанова, вновь возведённого салотопенного завода»¹. Просьбу свою маститый купец аргументировал тем, «что во время топления сала от кислой ошурки производит чрезвычайно дурной запах». Ф. Ф. Казанцев не погрешил против истины: действительно, бойни, клееваренные, кожевенные, свечные и салотопенные заводы относились к числу так называемых «смрадных» заведений. Городские кварталы, в которых размещались подобные заведения, вполне официально именовались смрадными.

Просьба Казанцева не имела реальных последствий. Ананий Нуров продолжил эксплуатацию своего завода, и, по-видимому, не без успеха. В 1816 году мещанин А. В. Нуров приписался в екатеринбургское купечество. В последующие годы Ананий Васильевич занимался разными делами. Он был известен и как владелец салотопни, и как крупный скотопромышленник, в основном закупавший скот для нужд салотопенного производства. В отдельные периоды А. В. Нуров владел даже двумя салотопенными заводами. 10 января 1825 года он купил у своего брата Василия «в вечное и потомственное владение деревянного строения салотопню с надлежащей посудой за 150 руб.»².

Сколько времени А. В. Нуров пребывал владельцем двух салотопен? Каков был объём производства на каждой из них? Ответить на эти вопросы из-за плохой сохранности архивных документов чрезвычайно сложно. Известно, что салотопня, купленная у брата, большей частью простаивала и постепенно сильно обветшала, поэтому производство на ней было свёрнуто. Со вторым предприятием также не всё было благополучно. В начале 1830-х годов по решению сверху все «смрадные» предприятия Екатеринбурга должны были переместиться на окраину города. По вполне понятным причинам владельцы салотопен и других предприятий встретили это решение в штыки, но под нажимом властей всё-таки перебрались на указанные места. Ананий Нуров также подыскал новую площадку для своего завода. По сути дела, его предприятие в 1833 году было возведено заново, по каковой причине эта дата иногда стала указываться как год основания нуровской салотопни.

Несмотря на разные сложности, дела А. В. Нурова шли в гору, и молвой он даже причислялся к миллионерам. Однако тяжёлая работа и слабое здоровье поставили точку в предпринимательской деятельности Анания Васильевича: 18 июня 1847 года он скончался. К этому моменту не было в живых и матери Михаила Нурова Степаниды Афанасьевны. Таким образом, в 1847 году Михаил Ананьевич Нуров в возрасте 16 лет унаследовал дело отца, а также всё его движимое и недвижимое имущество. По российским законам над несовершеннолетним купеческим сыном должно было быть учреждено опекунство, члены которого до наступления совершеннолетия опекаемого были обязаны вести все его дела. Следы этого опекунства пока не обнаружены.

Ещё до наступления своего совершеннолетия Михаил Нуров, получивший скромное домашнее образование, регулярно появлялся на скрижалях деловой хроники, причём наравне с самостоятельными предпринимателями, заметно превосходившими его по возрасту. Он весьма целенаправленно продолжал дело отца, ежегодно закупая большое количество скота, осуществлял его забой, а затем на своём предприятии производил сало. Например, в 1849 году им было приобретено 2007 баранов. В этом же году нуровский завод произвёл 7571 пуд сала на сумму 19 685 рублей. Львиную долю произведённого Михаил Нуров отправлял по рекам (Чусовая, Кама. Волга и т. д.) до С.-Петербургского порта.

Одновременно Михаил Нуров вполне самостоятельно совершал сделки с недвижимостью. 30 мая 1850 года Екатеринбургский уездный суд зафиксировал сделку между М. А. Нуровым и мещанином В. Ивановым: за 160 рублей серебром последнему был продан деревянный дом вместе с усадебной землёй⁴. Годом позже уже Михаил Нуров приобрёл в Екатеринбурге деревянный дом вместе с земельным участком, заплатив за него 1200 рублей серебром⁵. Эта сделка была зафиксирована Пермской палатой уголовного и гражданского суда 18 сентября 1851 года. 8 ноября того же года та же палата зарегистрировала новую сделку, в которой фигурировал Нуров. Энергичный екатеринбуржец продал недавно купленный дом арзамасским купцам Подсосовым, причём за те же 1200 рублей серебром⁶. Так как на этой сделке М. А. Нуров не заработал ни копейки, то можно предположить, что он таким образом искал подходы к Подсосовым, которые вели в Урало-Сибирском регионе разнообразные торгово-промышленные операции, в том числе по золотопромышленности и салотопенному делу. Все вышеупомянутые сделки с недвижимостью несовершеннолетний Нуров совершал сам, без всякого упоминания опекунов.

В конце 1840-х – начале 1850-х годов Михаил Ананьевич предпринял немалые усилия по укреплению своего статуса. Если в 1849 году он объявил капитал по 2-й гильдии⁷, то в следующем году он уже числился купцом 1-й гильдии. В этот же период М. А. Нуров озаботился вопросом смены своей сословной принадлежности. В 1849 году он направил соответствующее прошение с просьбой о причислении его к сословию потомственных почётных граждан, но получил отказ из-за неправильного заполнения документа. В вину ему ставилось то, что им не было указано, к какому старообрядческому толку он принадлежал. Михаил Ананьевич исправил ошибку, причём крайне радикальным образом. Сначала он из беглопоповцев перешёл в единоверие, а затем примкнул к официальному православию. Такой решительный шаг позволил добиться желаемого: 1 октября 1851 года указом Правительствующего Сената он был возведён в потомственное почётное гражданство⁸.

Если желания сменить купеческую гильдию и перейти в более привилегированное сословие не вызывают никаких вопросов, то радикальная смена Нуровым вероисповедания выглядит труднообъяснимой. Весьма многие екатеринбургские купцы-старообрядцы под давлением властей перешли в единоверие, переход же предпринимателей-старообрядцев в православие хотя и случался, но был крайней редкостью. Можно лишь гадать, что толкнуло Михаила Нурова на такой шаг, который, наверняка, шокировал многих екатеринбуржцев, да и не только их.

Возможно, этот шаг был продиктован бракосочетанием Михаила Нурова с Екатериной Николаевной Боткиной (1832—1884), представительницей старшей ветви известного московского купеческого рода Боткиных. Екатерина Николаевна была дочерью Николая Дмитриевича Боткина. В екатеринбургских метрических книгах свидетельств этого брака не сохранилось, скорее всего, оно произошло в Москве, около 1851 года. Боткины принадлежали к официальному православию. Может быть, именно представители этого рода настояли на том, чтобы Михаил Нуров перешёл в православие. Данный вопрос пока остаётся невыясненным.

Последующий период жизни для М. А. Нурова был временем неустанного труда и больших достижений как на предпринимательском поприще, так и в сфере общественной деятельности. В 1850-е годы М. А. Нуров стал проявлять интерес к золотопромышленности. 4 июня 1852 года он дал доверенность крестьянину И. Н. Митрофанову на поиски золотых месторождений на землях Оренбургского казачьего войска⁹. 12 июня того же года аналогичную доверенность получил от Нурова екатеринбургский мещанин Н. М. Попов, который также отправился на поиски золота в Оренбургскую губернию. 29 марта 1854 года Михаил Ананьевич вместе с екатеринбургским купцом И. Л. Тарасовым и отставным чиновником М. С. Засухиным учредил золотопромышленную паевую компанию, которая собиралась разрабатывать 4 прииска (Гаврило-Архангельский, Екатерининский, Тихвинский и Михайло-Екатерининский), находившиеся на Южном Урале. Нуров был главным действующим лицом в этой фирме: из 10 паёв ему принадлежало 6¹⁰.

Отдавая дань золотопромышленности, Михаил Нуров, тем не менее, основной упор делал на салотопенное производство. В начале 1850-х годов его предприятие иногда производило продукции на 100 тысяч рублей, а порой и на 500 тысяч. Производительность завода зависела от рыночной конъюнктуры, которая отличалась неустойчивостью. Знаменитая Крымская компания также негативно сказалась на деятельности завода Михаила Ананьевича: объём производства пришлось резко сократить, так как Великобритания несколько лет была в состоянии войны с Российской империей.

В 1850-е годы Михаил Ананьевич постепенно превратился в заметную фигуру на арене общественной деятельности. В 1857 году он был избран кандидатом городского головы Екатеринбурга. Впрочем, это был относительно скромный успех. Гораздо больше достижений у Нурова оказалось в сфере благотворительности. Одно из наиболее крупных пожертвований было сделано М. А. Нуровым в 1851 году: он выделил 12 тысяч рублей на сооружение православного храма в селе Гробовском Екатеринбургского уезда. В 1857 году им было совершено ещё одно благодеяние: Михаил Ананьевич учредил детский приют, который был открыт 23 апреля. Жертвователь передал приюту 15 тысяч рублей и двухэтажный полукаменный дом со службами и баней. Позднее он передал приюту ещё один двухэтажный полукаменный дом, в котором разместилась домовая церковь.

Создавая приют, рассчитанный вначале на 30 детей, Нуров проявил редкую предусмотрительность. Стремясь обеспечить своему детищу стабильное существование, Михаил Ананьевич уговорил главного начальника Уральских горных заводов взять приют под своё крыло. В результате переговоров, 17 ноября 1856 года, то есть ещё до открытия приюта, было создано горное попечительство детских приютов. В его руководящие органы входили в основном горные чиновники, а почётными членами являлись известные предприниматели, ежегодно платившие взнос в размере 100 рублей. Благодаря созданию попечительства стабильность детскому приюту была обеспечена. Стоит отметить, что предусмотрительному жертвователю тогда было всего 26 лет.

1860-е годы принесли М. А. Нурову немало разных успехов. Он вполне успешно скупал сало-сырец и коровье масло в разных регионах империи, и часть закупленного отправлял в С.-Петербург. Его салотопенное предприятие продолжало развиваться. В конце 1860-х годов на этом предприятии изготавливались два вида сала – свечное (жёлтое) и очищенное. При 80 рабочих это предприятие ежегодно производило продукции до 130 тысяч пудов общей стоимостью до 650 тысяч рублей¹¹.

Преуспевающий предприниматель не избегал и общественной деятельности. В 1863 году он был избран городским головой Екатеринбурга, и состоя в этой должности, сумел немало сделать для родного города, в частности, он приложил усилия по освещению города и созданию городской пожарной команды. До 1862 года Нуров занимал пост почётного блюстителя Екатеринбургского духовного училища¹². Начиная с 1862 года, Михаил Нуров не менее 6 лет был членом учётного комитета екатеринбургского отделения Государственного банка на Ирбитской ярмарке. В том же году он стал одним из членов-учредителей в Екатеринбурге Благородного собрания. В 1863 году он был утверждён директором комитета общества попечительного о тюрьмах и оставался им почти до самой своей смерти. По некоторым данным, его супруга Екатерина Нико-

лаевна также имела отношение к этому комитету: в 1862 году она числилась директрисой женского отделения Пермского губернского попечительного о тюрьмах комитета¹³. В дальнейшем она перестаёт упоминаться в местной хронике, вероятно, это стало следствием развода Нуровых.

С июля 1861 года М. А. Нуров начал сотрудничать с Пермским губернским попечительством детских приютов, став его почётным членом. В отчёте этой организации записано: «В течение 1861 года определён вновь почётным членом известный своей благотворительностью коммерции советник, екатеринбургский 1-й гильдии купец Нуров». В полном соответствии со званием почётного члена екатеринбуржец ежегодно выплачивал установленный взнос в размере 100 рублей, но этим не ограничился. В том же году он поместил на свой счёт в ночлежный дом попечительства 6 пансионерок¹⁴.

Кроме того, Нуров стал постоянным участником благотворительных акций, которые периодически устраивало губернское попечительство для пополнения своего бюджета. Одной из наиболее популярных форм подобных акций были лотереи-аллегри. М. А. Нуров, являясь участником таких акций, как правило, не скупился, делая пожертвования вещами и деньгами. Так, на лотерею-аллегри, состоявшуюся в 1860 году, Нуров пожертвовал 50 рублей¹⁵. В других случаях он жертвовал вещи. В одном из документов губернского попечительства по этому поводу говорится: «Надворный советник Михаил Ананьевич Нуров, предполагая, что и в предстоящем году, по примеру прежних лет, будет разыгрываться лотерея-аллегри в пользу Пермских детских приютов, поспешил, со свойственною ему редкою готовностью, пожертвовать для этой благотворительной цели большой, великолепный, артистической работы, накладного серебра, самовар»¹⁶.

В 1860-е годы началось сотрудничество Нурова со светскими учебными заведениями Екатеринбурга. В 1861 году в городе была открыта мужская гимназия. Некоторое время спустя Михаил Ананьевич пожертвовал гимназии 500 рублей, которые предназначались на приобретение приборов для физического кабинета и книг для фундаментальной библиотеки¹⁷.

1870-е годы в жизни Нурова также были заполнены самыми разными событиями, и порой весьма масштабными. В сфере предпринимательства он продолжал заниматься добычей золота, производством сала и топлёного масла. Иногда Нуров брался за новые начинания. Например, 5 мая 1871 года он подписал договор с опекуном Сергинско-Уфалейских металлургических заводов на покупку 12 тысяч пудов листового кровельного железа, за которое в три приёма заплатил 27,6 тысяч рублей В 1872 году Нуров сыграл выдающуюся роль в создании Сибирского торгового банка. Ему удалось привлечь в число акционеров банка таких выдающихся предпринимателей как В. И. Асташев, Н. Д. Бенардаки, П. А. Шувалов 19

и др. В момент учреждения банка его правление находилось в Екатеринбурге, причём первым председателем правления был избран М. А. Нуров.

В сфере общественной деятельности у Нурова также было немало изменений. В 1870-е годы в деятельности органов местного самоуправления произошли существенные изменения. В 1870 году в Пермской губернии были созданы губернское и уездные земства. Два года спустя вступило в действие новое «Городовое положение», значительно расширившее полномочия городских дум и управ. Михаил Ананьевич с интересом встретил эти новации. В 1872 году он был избран гласным Екатеринбургского уездного земства и Екатеринбургской городской думы. В 1876 году он был переизбран и в земство, и в думу, причём последняя избрала Михаила Ананьевича городским головой.

В городских и земских органах самоуправления Нуров был очень активен. Коллеги по думе и земству не раз избирали его в состав разных комиссий и попечительских советов. В частности, Михаил Ананьевич был избран членом попечительских советов женской гимназии и реального училища. Первая была создана в 1870 году на базе женского училища 1-го разряда, а реальное училище было образовано в 1873 году²⁰. Ахиллесовой пятой обоих учебных заведений было отсутствие собственных помещений.

Занимая должности члена попечительских советов, Нуров энергично взялся за устранение узких мест, мешающих развитию этих учебных заведений, столь необходимых не только Екатеринбургу, но и всему Среднему Уралу. Один из соратников Нурова по попечительскому совету женской гимназии так оценил его вклад: «Женская гимназия содержится на субсидии города и уездного и губернского земств. В настоящее время мы видим, что для женской гимназии строится новое весьма обширное и красивое здание; к постройке этого здания нас вынудила теснота старого помещения. Попечительский совет гимназии был поставлен в крайне затруднение; необходимость постройки сознавалась всеми членами этого совета, иначе приходилось ограничить приём учениц в это учебное заведение, но приступать к новой постройке мы не решились, мы не имели в виду ни средств, ни возможности извернуться. М. А. Нуров помог нам; он указал нам некоторые обороты, которые были возможны только при том общественном уважении, которым пользуется в городе М. А. Нуров и при его личном участии. Мы надеемся теперь, отстроив часть здания, заложить его в общественный банк и этим способом окончить постройку. На эту операцию мы не решились бы, если бы в среде нашей не был М. А. Нуров, который и указал нам выход из затруднительного положения»²¹. Вскоре здание гимназии было достроено, что привело к быстрому росту числа гимназисток.

Аналогичные услуги Михаил Ананьевич оказал Екатеринбургскому Алексеевскому реальному училищу. 5 ноября 1873 года был создан попечительский совет училища, в который вошли три представителя

от Екатеринбургской городской думы. Одним из них был Михаил Нуров. В 1877 году Михаил Ананьевич был избран председателем попечительского совета реального училища. Являясь членом совета, а затем и его председателем, Нуров упорно собирал средства на сооружение или приобретение училищного здания, прибегая порой к нетривиальным способам. В 1879 году он сказал по этому поводу: «Попечительный совет, видя крайнюю нужду училища, решился составить в среде своей подписку для пособия училищу, и, хотя некоторые члены подписали довольно большие суммы, подписка эта всё-таки не могла удовлетворить всем нуждам училища»²². В качестве земского гласного Нуров активно лоббировал интересы реального училища и сумел добиться ассигнования со стороны уездного земства нескольких тысяч рублей. В конце концов, усилия заинтересованных людей дали свои плоды – и реальное училище обрело своё здание.

В конце своей жизни М. А. Нуров сделал дорогостоящий подарок мужской гимназии. Из-за отсутствия средств это учебное заведение долгие годы не имело собственного помещения и поэтому размещалось в здании Уральского горного училища, занимая один из этажей. В конце концов, судьбе было угодно сделать так, что Уральское горное училище переехало в другое здание, а всё его бывшее помещение стало собственностью мужской гимназии. Произошло это событие в 1879 году. Михаил Ананьевич ещё задолго до этого важного события начал хлопотать о сооружении в здании гимназии домовой церкви, однако по разным причинам получал отказ. С переходом всего здания в собственность гимназии все препоны были быстро преодолены, и 16 декабря помещение домовой Покровской церкви было торжественно освящено. Михаил Ананьевич, затративший на это дело около 10 тысяч рублей, на освящении не присутствовал²³.

Причина отсутствия Нурова – болезнь, которая оказалась и продолжительной, и неизлечимой. В начале 1880 году в местной прессе появилось краткое объявление, данное второй женой Нурова: «Клавдия Ивановна Нурова, извещая своих родных и знакомых о последовавшей сего 15 января в 6 часу утра смерти любезного мужа её, Михаила Ананьевича Нурова, просит пожаловать 17 января в 9 часов утра на вынос его тела и на отпевание в Духосошествиевскую (Златоустовскую) церковь, а затем к ней в дом на поминовение умершего»²⁴. Екатеринбуржцы были ошарашены ранней кончиной Нурова, который скончался, не дожив и до 50 лет. Газета «Екатеринбургская неделя» обещала своим читателям обширную статью, посвящённую деятельности покойного, но своего обещания по каким-то причинам не выполнила.

За свою короткую жизнь Нуров заслужил уважение не только коллег по бизнесу и многих уральцев, не связанных с предпринимательской деятельностью, но и внимание со стороны властных структур, не раз отмечавших его высокими наградами. В частности, он был пожалован орденами Св. Анны 3-й степени (1858) и Св. Станислава 2-й степени (1863). Помимо этого, он «за торговые обороты и полезную деятельность» получил звание коммерции советника (1861), за крупные пожертвования детским приютам его наградили чином надворного советника. За благотворительную помощь, адресованную жителям Персии (Ирана), ему был дарован персидским шахом орден Льва и Солнца 3-й степени (1866). Последней наградой, полученной Нуровым, стал орден Св. Владимира 4-й степени (1878), дававший права на потомственное дворянство²⁵.

Михаил Ананьевич Нуров – выдающий уральский предприниматель и общественный деятель – оставил яркий след в истории региональной промышленности, сыграл заметную роль в развитии торговой сферы Среднего Урала, а также проявил себя как неординарный общественный деятель, сделавший много полезного для родного Екатеринбурга.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 2140. Л. 1.
- ² ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 766. Л. 4 об.
- 3 ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2393. Л. 99.
- 4 Пермские губернские ведомости. 1850. 14 октября. № 41. Часть офиц. Отд. 2. С. 209.
- ⁵ Пермские губернские ведомости. 1851. 13 октября. № 41. Часть офиц. Отд. 2. С. 169.
- ⁶ Пермские губернские ведомости. 1851. 15 декабря. № 50. Часть офиц. Отд. 2. С. 227.
- 7 ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1221. Л. 195.
- 8 Коммерческая газета. 1851. 2 октября. № 116. С. 461.
- 9 ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1475. Л. 15.
- 10 ГАСО. Ф. 24. Оп. 31. Д. 2609. Л. 1-2.
- Указатель Всероссийской мануфактурной выставки 1870 года в Санкт-Петербурге. – СПб.: типография товарищества «Общественная польза», 1870. – С. 190.
- 12 ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1882. Л. 266 об.
- 13 Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год: год первый. Приложения. Пермь: губернская типография, 1862. С. 9.
- 14 Пермские губернские ведомости. 1862. 7 сентября. № 36. Часть неофиц. С. 452-453.
- 15 Пермские губернские ведомости. 1860. 20 мая. № 21. Часть офиц. Отд. 1. С. 105
- 16 Пермские губернские ведомости. 1869. 11 октября. № 82. Часть неофиц. С. 387.
- 17 Диомидов Н. К. Историческая записка о Екатеринбургской мужской гимназии (1861–1886 гг.). – Оренбург: типо-литография И. И. Евфимовского-Мировицкого, б. г. – С. 30.
- 18 ГАСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 195. Л. 5.

- 19 Асташев Вениамин Иванович (1837—1889), потомственный дворянин, генераллейтенант, совладелец Берёзовского и Миасского золотопромышленных обществ, фирмы «Алтайское золотопромышленное дело»; Николай Дмитриевич Бенардаки (1838—1909), золотопромышленник, сахарозаводчик; Шувалов Павел Андреевич (1830—1908), граф, военный и государственный деятель, совладелец Лысьвенского горного округа.
- ²⁰ Пятидесятилетие существования Екатеринбургской 1-й женской гимназии. 1860–1910. Екатеринбург: типография Л. В. Шаравьевой, 1912. С. 1; Памятная книжка Екатеринбургского Алексеевского реального училища. 1873 XXX 1903. Екатеринбург: типография Ф. К. Хомутова, 1903. С. 4.
- 21 Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания X-й очередной сессии (1879 г.) и доклады уездной земской управы, раскладочной и ревизионной комиссий. Екатеринбург: типо-литография А. П. Мерной и Е. К. Краевой, 1880. С. 138.
- 22 Там же. С. 44.
- 23 Екатеринбургская неделя. 1879. 19 декабря. № 22–23. С. 309.
- 24 Екатеринбургская неделя. 1880. 16 января. № 3. С. 39.
- 25 ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 2. Л. 22, 351, 354, 356.

С. Г. ЖУРАВСКИЙ

(ФГБОУ ВО «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П.Павлова» Министерства здравоохранения Российской Федерации)

ОСОБЕННОСТИ КРИТИЧЕСКОГО МНЕНИЯ С. П. БОТКИНА: ВЛИЯНИЕ НАТУРЫ И ЧЕРТЫ ЭПОХИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ 1877 ГОДА)

Аннотация. Проанализирован критический дискурс С. П. Боткина, связанный с его пребыванием на Дунайском театре военных действий русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Отмечены личностные особенности его критического мнения. Фокус и характер критики показывают зрелого С. П. Боткина неравнодушным, интуитивно и вместе с тем реалистично мыслящим, эмоциональным и одновременно осторожным, чувствующим границы допустимого, ассимилирующим чужое мнение, несмотря на крайность собственных представлений способным публично демонстрировать центристскую позицию и предвзятое суждение.

Ключевые слова: С. П. Боткин, «Письма С. П. Боткина из Болгарии 1877 г.», дневники лейб-медика С. П. Боткина, критика как черта личности.

S. G. ZHURAVSKII

(Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Academician I. P. Pavlov First Saint Petersburg State Medical University» of the Ministry of Healthcare of Russian Federation, St. Petersburg)

SPECIFIC FEATURES OF THE CRITICAL OPINION OF S. P. BOTKIN: THE INFLUENCE OF THE NATURE AND FEATURES OF THE EPOCH (ACCORDING TO THE MATERIALS OF PERSONAL DOCUMENTS OF 1877)

Abstract. In the article are analyzed the expressions of the critical opinion of S. P. Botkin related to his stay in the Danube theater of military operations of the Russian-Turkish war of 1877–1878, and are shown the personality traits of his critical opinion. The focus and character of criticism show the mature S. P. Botkin not indifferent, intuitive and at the same time realistically thinking, emotional and at the same time cautious, feeling the boundaries of what is permissible, capable, despite the extreme of his own ideas, to publicly demonstrate a centrist position and prejudice.

Keywords. S. P. Botkin, "Letters to S. P. Botkin from Bulgaria in 1877", diaries of the physician S. P. Botkin, criticism as a personality trait.

Критическое мышление – одна из психических черт личности. Критика как элемент субъективного личного опыта, отражающий индивидуальную реакцию на увиденное, пережитое и осмысленное, может являться предметом самостоятельного исследования, поскольку её суть и выражение есть не только биографическая характеристика (продукт врождённых свойств натуры, образования, социальных взглядов, психологического состояния), но и черта исторического периода, его духа, общественных традиций.

С. П. Боткин, человек, находившийся в противоречивом должностном положении, сидевший почти 20 лет на «двух стульях» (с одной стороны, учёный-естественник, профессор-клиницист, врач, известный своей демократической позицией в вопросах общественной медицины, и с другой стороны – придворный, лейб-медик императорской семьи, монархист), ожидаемо должен иметь особые черты критического взгляда. Эта информация будет значимым дополнением к уже существующей биографии С. П. Боткина, которая, безусловно, хронологически и событийно хорошо исследована, но при этом имеет явные «белые пятна» в реальных мотивах и внутренней позиции¹. Сегодня непредвзятая оценка риторики С. П. Боткина приобретает особенную актуальность не только в аспекте современных клинических вызовов², но и в общественной обстановке.

Цель работы – представить личность С. П. Боткина на примерах его критических суждений.

Основным биографическим материалом были выбраны болгарские письма С. П. Боткина 1877 года³, содержащие описания его отношений к событиям русско-турецкой войны, очевидцем которой он оказался. Сравнение публикации⁴ с материалом рукописи⁵ обнаружило, что при издании было удалено более трети оригинального текста. В большинстве своем это были острые эмоциональные отзывы о ходе войны и её участниках. Именно оригинальный материал писем позволяет наиболее объективно представить, чем мотивировалась, как формировалось и в какой форме преподносилось критическое мнение С. П. Боткина⁶, что составляло врождённый, что – усвоенный воспитанием элемент, а что – симптом исторического влияния. Для раскрытия темы мы покажем способы выражения и личностные особенности критического мнения С. П. Боткина.

Купюрный материал писем содержит критические оценки центральных участников военной кампании (членов главных квартир императора и великого князя Николая Николаевича старшего, ряда кадровых офицеров, руководящих чинов Красного Креста), кроме самого Александра II и ближайшего его круга (наследника великого князя Александра Александровича, министра двора А. В. Адлерберга, генерала А. М. Рылеева).

Наиболее часто С. П. Боткин критиковал «открытым текстом», как, например, военного министра Д. А. Милютина. При всём уважении к че-

ловеку (письма от 15 июля, 4 августа)⁷, который поражал современников «своим непомерным трудолюбием, твёрдостью характера и верностью своему долгу»⁸, С. П. Боткин отмечает качества, которые недопустимы, по его мнению, для такого должностного положения: «[Это всё-таки не деятель, у него нет достаточной силы характера, он по примеру прочих, как попадья, говорит правду за углом, где и без него её знают; затем его принцип ни во что не вмешиваться и держать себя в стороне⁹ выходит уже из всяких границ]¹⁰» (письмо от 28 сентября); «Я не могу сочувствовать этому постоянному, упорному сохранению своего принципа не вмешиваться. [Может быть, как чиновник в этом отношении он держит себя безукоризненно, но с точки зрения общечеловеческой такое поведение не может быть симпатично]» (письмо от 6 ноября)¹¹.

В сравнении со взглядом на деятельность военного министра, князь В. А. Меньшиков, особо ничем не занимающийся, представлен неожиданно деликатно. 61-летний генерал, «ожидавший назначения» в главной квартире императора, показан «ещё свежим и красивым стариком», «у которого ещё так много огонька для военного дела», но уже с возрастной неловкостью и увлечённым только коллекционированием коней (письма от 1 октября и 26 октября)¹². Эта осторожность связана, скорее всего, с тем, что престарелый князь – богатейший человек столицы – был соседом по новому петербургскому дому Сергея Петровича на Галерной улице.

Примером крайне критического мнения является описание другого колониста главной квартиры – графа В. А. Соллогуба, известного писателя, призванного вести летопись пребывания царя на войне, но выполнявшего свою должностную обязанность недобросовестно: «ГВ течение этого похода этот литератор-аристократ совсем развалился, нижнюю свою челюсть уже едва держит, глаза же почти не теряют какого-то тупого свинячего выражения. Какой антипатичный тип!]» (письмо от 7 августа)¹³; «Хорош наш казённый историограф Соллогуб, потрепавшись здесь по палаткам, [поигравши здесь в карты <...>], он, наконец, отпросился отдохнуть в Бухарест и прогулял таким образом плевненское дело <...>. Нечего сказать, хороший представитель литературы и истории [в этой уродливой, грязной и с виду развратной фигуре]! ... В начале своего приезда он почти каждому делал намёк, что от его большего или меньшего благорасположения зависит попасть на страницу будущей его истории. [Эта гнусная, красная, обрюзглая с грубыми и крупными чертами морда, изрыгающая различные мерзословия, принадлежит к одной из скверных чад здешней компании]» (письмо от 13 сентября)¹⁴; «На днях в главную квартиру снова явился [хам беззастенчивости] гр. Соллогуб; когда стало холодно, сыро и неприветливо в Горном Студне, он уехал в Бухарест, чтобы писать историю похода в тёплой комнате, а не в палатке; <...> пронюхав¹⁵, что дело подходит к развязке, он снова явился [с своей невыносимо гнусной мордой, грязной нравственно и физически]» (письмо от 7 ноября)¹⁶. Анимализация (сравнение с животным), обсценная лексика в сниженной коннотации показывает Боткина, не боящегося выражать свободно своё мнение о высшей аристократии. При этом можно увидеть тот объективный взгляд, который был у него на окружающих: «Я на него гляжу, как на других моих соседей – уток и кур» 17 (письмо от 1 октября) 18 . Любопытно отметить, что среди критикуемых им персон (военный министр Д. А. Милютин, князь В. А. Меньшиков, дипломат Н. П. Игнатьев, литератор В. А. Соллогуб, генералы Э. И. Тотлебен, И. В. Гурко, М. Д. Скобелев, Н. Н. Обручев и др.) представлены те, от которых он, очевидно, не зависел. Наоборот, о приближённых к императору, с которыми были явно не-равные отношения (министр двора В. А. Адлерберг, шеф жандармов Н. В. Мезенцов, комендант А. М. Рылеев), Боткин молчит и приводит лишь незначительные эпизоды коммуникации без подробностей. Отсюда видно, что мнение С. П. Боткина могло быть предвзято.

Нередко Боткин представлял своё мнение от «третьего лица» («Такое убеждение наибольшей части здесь живущих» (письмо от 7 сентября)¹⁹), что позволяло дать наиболее реальную оценку, и вместе с тем предусмотрительно разделить ответственность с окружающими. Перлюстрация и необходимость соблюдать политкорректность толкали на такой способ характеристики великих князей – Николая Николаевича старшего и Михаила Николаевича (письма от 7 сентября, 11 сентября, 9 октября)²⁰.

Отношение к присутствию Александра II на войне показывается особым способом – явным замалчиванием этого факта. Тема нерациональности нахождения императора на театре военных действий поднималась и в действующей армии, и в России²¹. Молчать об этом, не словословить, не демонстрировать верноподданического почитания означало то же, что и демонстрировать своё критическое отношение. Вариантом зашифрованной позиции С. П. Боткина в этом воспросе является его оценка главных событий кампании: «Первое дело под Плевной было неосторожностью; второе – ошибкою, третье – преступлением» (письмо от 7 сентября)²², поскольку для всех было понятно, что штурмы приурочивались к памятным историческим датам, а последний – ко дню тезоименитства Александра II.

Важной чертой личности С. П. Боткина становится его «полу-критика», смягчавшая остроту события. Пример этому в описании эпизода паники из-за ложной тревоги о прорыве турецких войск после поражения при 2-ом штурме Плевны 18 июля. Событие началось близ госпиталя и подразделения Красного Креста, куда перемещали раненых после боя, и затронуло тыл русской армии от Плевны до Систова (около 86 км по современным дорогам). Его суть представлена в дневниках и воспоминаниях многих очевидцев. С. Д. Шереметев, адъютант цесаревича великого князя Алек-

сандра Александровича, так рассказывал о нём: «Вторая атака на Плевну <...> отбита, и потери наши огромны, <...> а тут ещё паника распространилась в нашем лазарете, кто-то крикнул: "Турки!" – и всех раненых кое-как побросали в повозки и нелепо удирали с ними в полном беспорядке. Хаос был полный, солдаты разных полков отдельными группами отступали в всеобщем беспорядке, кавалерия Скобелева едва успела прикрыть отступление» (письмо от 21 июля 1877 года)²³. Адъютант главнокомандующего, полковник Д. А. Скалон пишет: «С наступлением темноты в тылу распространилась паника, дошедшая до Систово, едва не потопившая мост на Дунае и разлетевшаяся далее до Александрии и Фратешти...»²⁴. Коллега Д. А. Скалона, офицер из главного штаба, прибавил: «Паника эта, разумеется, всё увеличивалась по мере удаления от поля сражения, так что на переправе у Систова обратилась уже в настоящее столпотворение: начальнику переправы генералу Рихтеру пришлось чуть не ружейными выстрелами и штыками отстаивать мост, который обезумевшие беглецы могли потопить, устремясь на него сплошным ошалелым стадом»²⁵. Эти обстоятельства по описанию М. А. Газенкампфа были вызваны непрофессиональным поведением начальника 30-ой пехотной дивизии генерал-лейтенанта Пузанова: «Этот генерал, забыв свой долг, честь и высокое звание, 18-го июля вечером, бросил свою дивизию, сел в коляску и уехал в тыл, приказав по дороге обозам поскорее укладываться и отступать. Говорят даже, что, едучи в коляске, махал руками и кричал всем встречным: "Спасайтесь, всё пропало!" – Немудрено, что в тылу началась невообразимая паника и обозы обратились в беспорядочное бегство 26 .

Волна паники, дошедшая до переправы через Дунай на румынский берег представлена в отчёте главного врача госпиталя № 63, расположенного у деревни Систово, А. Н. Аменитского: «19-го июля, утром <...> вдруг, в направлении от Систова, показался казак, кричащий: "Спасайтесь, мы окружены турками, систовский мост взят уже!" Как электрическая искра эта весть прошла по лагерю; прибывшие раненые вмиг очутились снова в повозках и тройки помчались стремглав, наискось лагеря, и скоро скрылись из виду, захватив несколько госпитальных раненых. За ними поползли, куда глаза глядят, все прочие госпитальные раненые, и остались в госпитале только трудные, с гипсовыми повязками, с ранами внутренностей и проч. <...> Общественная волна была так сильна, что влекла с собою всё бывшее в состоянии двигаться <...> Словом, из 600 раненых осталось на местах около 200, а прислуги счётом осталось на весь госпиталь 14 человек. Эта катастрофа стоила недёшево госпиталю; через час, по успокоению волнения в лагере, я нашёл три трупа раненых, умерших в это короткое время паники. Один офицер с огнестрельным переломом ребра <...> начал тотчас же бредить и дня через два умер от острой пиемии»²⁷.

Как же Боткин отозвался об этом событии? В служебном дневнике, который вёлся весь период пребывания на фронте, находится запись донесения императрице, дающая совершенно иную коннотацию событию: «[Медицинский персонал обвиняли в панике, которой был заражён он после отступления 18 июля под Плевной, но по справкам оказывается, что лазареты не бежали, а отступали по приказанию, увозя с собой всех раненых на Систово. Отдельные случаи трусости врачей по моему глубокому убеждению уничтожаются <...>. Хотя некоторые и утверждают, что врачи бежали в деле 18 июля из-под Плевны, но четыре тысячи раненых, получивших врачебную помощь в первые же дни после этого дела, красноречиво говорят, что [если и бежали врачи, то вероятно это были как одиночные случаи] убежавших врачей было немного»²⁸. По этому подбору фраз для рапорта отчётливо видно, что Боткин старается сгладить остроту, представить более «придворный» отзыв о нелицеприятном событии с участием подразделений медицинской службы и Красного креста. Боткин чувствует ответственность за будущее Красного Креста, в организации подразделений которого накануне войны принимал активное участие. Очевидно, что от того, каким увидит первый опыт августейшая покровительница Общества попечения о раненых и больных воинах, зависела судьба начинания и доверие к нему в будущем. Заметим и то, что С. П. Боткин составляет этот рапорт по собственной инициативе, не будучи официальным уполномоченным Красного Креста.

Уже необычным вариантом выражения своего мнения, указывающим на личностные особенности автора (его креативность), становится изъяснение «эзоповым языком». Любопытна его аллегория светского общества в виде птичьего двора, где лейб-медик, подмечая принципиально различное поведение уток, старых и молодых куриц, проводит сравнение с нравами придворных дам и юных посетительниц аристократических салонов (письмо от 1 октября)²⁹. Интересны также «намёки» Боткина, явно показывающие важность темы, которую, однако, невозможно доверить бумаге, и которая будет представлена им при встрече. Когда он чувствует, что обсуждение перетекает в область цензурных («запретных») тем, повествование обрывается, становится фрагментарным, что «об этом нельзя говорить», «пишу об этом слегка», «при свидании напомни поговорить об этом» и т. п.

Критический взгляд С. П. Боткина был продуктом личного восприятия (как профессионального, так и дилетантского), а также влияния стороннего мнения (услышанного и даже прочитанного). В критических высказываниях Боткин чаще опирается на свои собственные суждения, в частности, на свой профессиональный опыт. Примером тому служит постоянная критика главного уполномоченного по делам Красного креста в Дунайской армии князя В. А. Черкасского³⁰. Неэффективность В. А. Чер-

касского как медицинского управленца стала очевидна уже в начале кампании (письмо от 17 июня). Этапные подразделения, составленные из сестринских общин, расставленные по его распоряжению³¹ на пустующих проходных железнодорожных станциях, долгое время оказывались без дела, а госпитали в районах боевых действий и по грунтовым дорогам эвакуации страдали от нехватки персонала³². Зная о том, что Черкасский – ставленник императора, Боткин не перестаёт протестовать, что на такой должности оказался столь непригодный для неё чиновник: «Личность Ч.[еркасского] в высшей степени самолюбивого, властолюбивого невозможна для такого учреждения, как Красный Крест» (письмо от 1 июля). Конкретные нарекания к его работе видны уже из купюр: «[Набрал он с собой кучу уполномоченных, всё это ест. и пьёт, и едет <...> за счёт Красного Креста, а пользы приносят они вряд ли много; с подчинёнными держит себя надменно и, по-видимому, не сумел внушить им большого уважения; что вероятно им чувствуется, и, что кажется, ещё более его раздражаem]» (письмо от 17 июня). По тому, как Боткин настаивает на профнепригодности В. А. Черкасского в этой должности, можно предположить, что не без его участия произошло перемещение князя на менее болезненный участок деятельности³³.

Также для формирования своего критического мнения С. П. Боткин мог слушать, воспринимать и транслировать стороннее заключение более сведущих персон из главной квартиры: «Самым аккуратным посетителем у меня бывает Мезенцов³⁴, которому обыкновенно подносится сигара и заводится беседа о войне, большею частью, конечно, с последнего события. Я люблю его слушать, когда он толкует о военных действиях, он знает дело и всеми мозгами работает при разборе какого-нибудь факта; знает историю прошлых войн с Турцией; ко всему говорит чрезвычайно охотно» (письмо от 26 октября)³⁵.

Любопытной иллюстрацией того, как С. П. Боткин развивает чужое мнение, становятся эпистолярно-литературные параллели между его замечаниями и мыслями в художественном произведении. Не раз по письмам видно, что Боткин получал из дома литературные произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина (письма от 6 октября, 2 и 3 ноября). Мы предполагаем, что это могло быть что-то из последних на тот момент. В весенних номерах «Отечественных записок» 1877 года печаталась «Современная идиллия». Допускаем, что журналы с ней могли присылаться Екатериной Алексеевной мужу на театр военных действий. В этом случае становится видно, как Боткин подхватывает мысли из начала сюжета и развивает их уже в своём, насущном для него, направлении [табл. 1]. Цитирование и развитие мыслей М. Е. Салтыкова-Щедрина показывает прозорливость Боткина и предвидение значительной популярности сатирической повести.

Таблица 1. Сопоставление критических мыслей С. П. Боткина и М. Е. Салтыкова-Щедрина

Материал писем С. П. Боткина из Болга-	Материал повести М. Е. Сал- тыкова-Щедрина «Совре-
рии (осень 1877 года)	тыкова-щедрина «совре- менная идиллия»
«Неудачи нашей армии «свойственны, кажется, только [русским] ³⁶ , <u> объясняются всего легче некультурностью» (письмо от 6 ноября)³⁷; «[Все это показывает, насколько мы ещё не зрелы, насколько мы далеки от настоящей культуры]» (письмо от 15 сентября); «Недостаток культуры лежит в основе всего развернувшегося перед нашими глазами; <> надо трудиться, надо учиться, надо иметь больше знаний» (письмо от 3 ноября)³⁸. Боткин, будучи человеком профессии, формировавшей его наблюдательность, с горечью ставит свой «политический диагноз», что Россия далеко ещё не Европа: «Смотря на Вердера и даже на какого-нибудь Бергтольсгейма и Вильслея³⁹, невольно подумаешь, что их нации живут и думают больше и давнее, чем наша славянская раса. Ещё много, много нам учиться и думать, и работать, и жить» (письмо от 6 ноября)⁴⁰.</u>	«Выдержка нам нужна, вос- питание. Мы на славянскую распущенность жалуемся, а не хотим понять, что от- того вся эта неопрятность и происходит, что мы на ка- ждом шагу послабления себе делаем» ⁴¹ .
«[Это всё-таки не деятель, у него нет достаточной силы характера, он по примеру прочих, как попадья, говорит правду за углом, где и без него её знают]» (письмо от 28 сентября) ⁴² .	«Прямо на улице, пожалуй, не посмеем высказаться, а чуть зашли за угол - и распустили язык» ⁴³ .
«Уменье жить без дела и при этом сохранять свою порядочность» (письмо от 24 июня) ⁴⁴	«Действительно, русский человек как-то туго поддаётся выдержке и почти совсем не может устроить, чтобы на всяком месте и во всякое время вести себя с одинаковым самообладанием» ⁴⁵ .
Государя «кругом обманывают, и кто же из специалистов решится прямо и откровенно высказать своё мнение; всё окружающее не блестит таким гражданским мужеством, которое бы давало право говорить правду там, где нужно» (письмо от 1 сентября) ⁴⁶	«Подобно всем сильным мира, он был окружён плотною стеной угодников и льстецов, которые редко позволяли слову истины достигнуть до ушей его» ⁴⁷ .

Интимный характер семейной переписки позволяет увидеть индивидуальность восприятия Боткина её интуитивный, подсознательный элемент. Примером этому становятся рассказанные сны, в одном из которых Боткин предвидит третье поражение под Плевной за несколько недель до события: «[Я в форме кошмара видел во сне, что будто была третья атака Плевны и на этот раз ещё более неудачная; не могу тебе передать того мучительного чувства, которое я переживаю. Я плакал, рвал на себе волосы, бросался кусаться на наших штабных героев ...]» (письмо от 5 августа)⁴⁸. В другой раз его душевная боль от разлуки с семьёй вызывает предчувствие семейной трагедии. Крик гибнушей маленькой пичужки в когтях хищника приводит его в бессознательное беспокойство: «Изредка только пролетала с визгом какая-то хишная ночная птица и исчезла только тогда, когда наконец схватила и унесла какую-то маленькую птичужку (так!), спавшую на дереве. Ночь была настолько светла, что вся эта [гнусная] сцена была видна, и она сделала на меня чрезвычайно неприятное впечатление <...>. Но до сих пор ещё звучит у меня в ушах жалобный писк пичужки и торжествующий визг хищника» (письмо от 10 сентября)⁴⁹. Позднее будет признание, что в этом «обыденном, ежеминутном факте на нашей *планете*»⁵⁰ он интуитивно предчувствовал семейную трагедию – смерть новорождённого ребенка: «[Буду я подле твоего гнёздушка сторожить и тебя поддерживать. Недаром на меня произвела такое скверное впечатление эта гнусная хищная птица, которую я до сих пор беспрестанно вспоминаю. Тогда я тотчас же вспомнил о тебе, о детке – ведь до сих пор не могу забыть этой гнусной сцены]» (письмо от 23 сентября) 51 .

Заключение

Критическое мнение – значительный объект для исследования, позволяющий представить реальные, действительные черты личности человека, жившего в отдалённое от нас время. С. П. Боткин, являвшийся популярной публичной персоной, имевший свою устоявшуюся репутацию, воспринимавшийся обществом как медицинский оракул, пользовавшийся доверием императорской семьи – несомненно, должен был иметь необычные качества личности и также особенно выражать своё критическое мнение. На последнее в период его пребывания на русско-турецкой войне в 1877 году оказывало влияние положение лейб-медика, чувство личной ответственности за общее дело (судьба Красного Креста, привлечение женского труда в медицину и пр.), зависимость верноподданного при абсолютной власти, профессиональные интересы, личные вложения, а также обстоятельства вынужденной близости и неформальных отношений. Особенность исторического периода, положение придворного, монархизм его политических взглядов отражались в подаче его критиче-

ского мнения – «от третьего лица» (из-за проводившейся перлюстрации), в заведомо искажённом виде (с подачей выгодной стороны события), «эзоповым языком» из-за необходимости соблюдать политкорректность и, наконец, способом умолчания или «между строк» из-за табуированности придворной этикой. Объекты критического анализа Боткина показывают такие врождённые черты его натуры, как креативность личности и способность к интуитивному мышлению.

Не только иметь своё мнение, а стремиться его выразить, было усвоенным в процессе воспитания качеством личности Сергея Боткина (характерно критическое мнение 27-летнего молодого врача: «Как вспомнишь чиновный питерский омут с плешивыми головами, звёздами, интригами, растущими в виде орхидей в этом пасмурном болоте — <...>, каким холодом обдаёт меня при этих мыслях»⁵²). Способность заметить не в «бровь, а в глаз» с юности подстёгивалась семейными преданиями о знаменитом критике В. Г. Белинском, которого подросток Сергей Боткин видел и слышал на домашних вечерах старшего брата Василия Петровича Боткина в конце 1840 годов и который, безусловно, почитался братьями⁵³. Любопытно, что именно в стиле Белинского, признававшегося, что порой мог смягчать градус своей критики в адрес идейно близких ему друзей⁵⁴, известный двойной стандарт Боткина в восприятии «своих» и «чужих».

Выражать своё критическое мнение, в том числе публично, подталкивала особенная политическая атмосфера александровского периода 1860-х годов с их общественными дискуссиями, публичным представлением своего мнения. Даже в медицинских журналах («Военно-медицинский журнал») была востребована рубрика «Критика», которая заполнялась соответствующими отзывами известных врачей на актуальные темы. Уже в зрелые годы интенсивность выражения критического мнения поддерживалась у Боткина высокими профессиональными амбициями («Конечно все эти соображения могут быть только для меня, они составляют мои личныя убеждения и только (выделение – С. Ж.) ученики моей школы [будут] могут сознательно <следовать> такому воззрению на болезнь» 55).

В свою очередь, общественное положение Боткина, говорившего, что «[<cmoum> слишком на видном месте]» (письма от 24 июня и 9 сентября), обязывало занимать более центристскую (взвешенную), можно сказать, дипломатичную позицию. Критический взгляд «позднего Боткина» – это позиция политика, «византийца», прекрасно осознающего, что от его озвученного личного мнения может страдать стратегическое направление большого общего дела.

Нельзя требовать в оценке человека, жившего 150 лет назад, подходов, свойственных современным представлениям. С. П. Боткина, безусловно, надо воспринимать как продукт своего времени, действовавший

в системе абсолютной монархической власти, к которой волею случая он оказался приближен. Очевидно, что врождённые, воспитанные в молодые годы и усвоенные с возрастом особенности выражения критического мнения позволили С. П. Боткину почти 20 лет находиться при дворе, лечить одновременно и императрицу Марию Александровну, и вторую семью Александра II (княжну Долгорукую и её малолетних детей), а позднее – остаться при дворе в царствование Александра III, который, как известно, с неприятием относился к ряду деятелей из окружения отца. Очевидно, что эти же способности обеспечивали и профессиональное долгожительство С. П. Боткина в окружении царедворцев, государственных, военных, медицинских чиновников, составлявших порой непримиримые партии как при императорском дворе, так и в ИМХА, и в столичной городской думе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Белоголовый Н. А. С. П. Боткин, его жизнь и врачебная деятельность. СПб.: тип. Ю. Н. Эрлих, 1892; Сиротинин В. В. С. П. Боткин (1832—1889) // Боткин С. П. Курс клиники внутренних болезней. 3-изд., СПб.: О-во рус. врачей в С.- Петербурге, 1912. Т. 1. С.3–60; Шульцев Г. П. Образ С. П. Боткина по его письмам из Болгарии («Письма С. П. Боткина из Болгарии, 1877») // Клиническая медицина. 1989. № 10. С. 136–151; Будко А. А., Шабунин А. В. Великий Боткин. Сердце, отданное людям. СПб.: ВММ МО РФ, 2006; Журавский С. Г. Личность и частная жизнь С. П. Боткина (по материалам купюр «Писем С. П. Боткина из Болгарии 1877 г.») // История медицины. 2017. Т. 4. № 4. С. 374–392; Журавский С. Г. Пример В. П. Боткина в формировании личности младшего брата Сергея (по материалам переписки членов семьи Боткиных) // Исторические Боткинские чтения: Вып. III. СПб.: Издание СПбГМИСР, 2020. С. 109–136.
- ² Один В. И. Боткинские традиции клинической риторики // Исторические Боткинские чтения: Вып. III. СПб.: Издание СПбГМИСР, 2020. С. 8–15.
- ³ Корреспонденция была адресована к жене, Е. А. Боткиной (урождённой княжне Оболенской).
- ⁴ Боткин С. П. Письма С. П. Боткина из Болгарии 1877 г. СПб.: изд. М. М. Стасюлевича, 1893.
- 5 ОИМ ННИИОЗ. Боткин С. П. Письма к Е. А. Боткиной (Болгария, 1877 г.). Рукопись, автограф. Фотокопия оригинала для сравнения была любезно предоставлена автору сотрудниками отдела истории медицины ННИИОЗ им. Н. А. Семашко в 2013 году.
- ⁶ Содержание купюр цензурного характера готовится для представления в отдельной работе о монархизме С. П. Боткина: *Журавский С. Г.* Боткин как критический монархист (по материалам купюр «Писем С. П. Боткина из Болгарии, 1877 г.») // Вопросы истории. 2021. № 4 (в печати).
- ⁷ *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина... С. 92, 122.
- 8 Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы // За кулисами политики 1848–1914 / Сост. А. Либерман; послесл. С. Шокарев. – М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. – С. 205.

- 9 Наблюдение Боткина удивительно резонирует с замечанием некоторых современников, лично общавшихся с Д. А. Милютиным, о его холодности, неэмоциональности, железном владении собой [Феоктистов Е. М. За кулисами политики... – С. 206–207].
- 10 Цитируемые фрагменты рукописи, не вошедшие в публикацию, приведены в квадратных скобках.
- ¹¹ *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина... С. 358.
- ¹² *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина... С. 262, 324.
- ¹³ *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина... С. 126.
- ¹⁴ *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина... С. 229.
- 15 В публикации: «узнав».
- ¹⁶ *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина... С. 361.
- ¹⁷ Ранее С. П. Боткин делится своими наблюдениями, находя в поведении домашних кур и уток параллели с жизнью высшего света (письмо от 1 октября) [Боткин С. П. Письма С. П. Боткина... С. 261–262].
- ¹⁸ *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина... С. 263.
- ¹⁹ *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина... С. 213.
- ²⁰ *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина... С. 211, 213, 284.
- ²¹ Милютин Д. А. Дневник. 1876–1878 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М.: «РОССПЭН», 2009. С. 256, 267–268; Скалон Д. А. Мои воспоминания 1877–1878 г.: В 2 т. СПб., 1913. Т. 1. С. 105, 287, 293, 316, 317, 331, 347, 363, 365; Игнатьев Н. П. Походные письма 1877 года. Письма Е. Л. Игнатьевой с балканского театра военных действий / Подг. текста, вступ. ст. и ком. В. М. Хевролиной. М.: РОССПЭН, 1999. С. 133; Переписка С Д. Шереметева с К. П. Победоносцевым // Российский архив. 1999. Т. 9. С. 294; Кудрина Ю. В. Из переписки Александра Александровича Романова и его супруги Марии Фёдоровны // Вопросы истории. –2000. № 4–5. С. 120.
- ²² *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина... С. 213
- ²³ Переписка С. Д. Шереметева... С. 294–295.
- ²⁴ *Скалон Д. А.* Мои воспоминания... С. 234.
- ²⁵ Газенкамиф М. Мой дневник 1877–78 гг. СПб.: В. Березовский, 1908. С. 70.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Цит. по: *Пирогов Н. И.* Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877–1878 гг. СПб.: Изд. главного управления Общества попечения о раненых и больных войнах, 1879. Ч. 1. С. 67–68.
- 28 ОР РНБ. Ф. 98. Ед. хр. 1. Л. 12.
- ²⁹ *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина... 261.
- ³⁰ Черкасский Владимир Александрович (1824—1878) князь, общественный деятель, придерживался славянофильских взглядов, в 1869–1870 годы московский городской голова, в 1872–1874 годы председатель правления Московского земельного банка, в 1877–1878 годы заведующий гражданской частью в Болгарии.
- 31 По согласованию с Начальником Главного штаба генералом А. А. Непокойчицким [Абаза Н. С. Красный крест в тылу действующей армии в 1877–1878 г: Отчет главноуполномоченного О-ва попечения о раненных и больных воинах. СПб.: Рос. о-во Красного креста, 1880–1882. Т. 1. С. 19].
- ³² Медицинскую помощь при 3-м штурме Плевны, в котором со стороны русских участвовало 80 тысяч человек и за три дня сражения было убито 5000 человек, ранено 9500, оказывал персонал военно-временного госпиталя № 63, под руководством профессора Н. В. Склифосовского. В его распоряжении было 10 человек молодых

- докторов и 5 сестёр милосердия и 27 госпитальные палатки для размещения раненых [Пирогов Н. И. Военно-врачебная помощь... С. 128].
- 33 Получил должность заведующего гражданским управлением Болгарии.
- 34 Мезенцов Николай Владимирович (1827—1878) генерал-лейтенант, генерал-адъютант, шеф жандармов и глава Третьего отделения (с 1876 года).
- ³⁵ *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина... С. 323.
- ³⁶ В публикации: «нам».
- ³⁷ *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина... С. 359.
- 38 Там же. С. 349.
- 39 Вердер Бернхард Франц (1823—1907) генерал от инфантерии прусской армии, в 1869—1886 годы военный атташе германского посольства в Санкт-Петербурге; Бергтольсгейм (Бехтольсгейм) барон, австрийский военный атташе в Санкт-Петербурге; Вильслей (Уэллеслей) Фредерик Артур (1844—1931) полковник, британский военный агент в России.
- ⁴⁰ *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина... С. 359.
- 41 Салтыков-Щедрин М. Е. Современная идиллия. М.: Советская Россия, 1976. С. 11.
- ⁴² *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина... С. 250.
- 43 Салтыков-Щедрин М. Е. Современная идиллия... С. 11.
- ⁴⁴ *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина... С. 43.
- 45 Салтыков-Щедрин М. Е. Современная идиллия... С. 11.
- ⁴⁶ *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина... С. 197.
- 47 Салтыков-Щедрин М. Е. Современная идиллия... С. 48.
- 48 ОИМ ННИИОЗ. Боткин С. П. Письма к Е. А. Боткиной (Болгария, 1877 г.). Рукопись, автограф. Б. л.
- ⁴⁹ *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина... С. 218.
- 50 Там же.
- 51 ОИМ ННИИОЗ. Боткин С. П. Письма к Е. А. Боткиной (Болгария, 1877 г.). Рукопись, автограф. Б. л.
- 52 ОПИ ГИМ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 351. Л. 42–42 об.
- 53 Журавский С. Г. Два черновика письма С. П. Боткина к невесте, А. А. Крыловой (1859) // Альманах истории медицины: неизвестные и спорные страницы» / Под ред. В. И. Бородулина, Б. С. Каганова. М.: Династия, 2019. Вып. 2. С. 377–384.
- ⁵⁴ *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинения. Т. XII: (Письма 1841–1848). М.: Изд. АН СССР, 1956. С. 27.
- 55 ОР РНБ. Ф. 98. Ед. хр. 1. Л. 48.

Е. В. БАКАЛДИНА

(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. П. БОТКИНА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОРОДСКОМ УПРАВЛЕНИИ

Аннотация. Известный художник и коллекционер М. П. Боткин был ещё и общественным деятелем. На протяжении 20 лет он был гласным в Санкт-Петербургской городской думе, входил также в исполнительный орган думы – Городскую управу, занимая должности члена Исполнительной Больничной комиссии и комиссии по народному образованию. Кроме того Боткин избирался почётным мировым судьёй.

Ключевые слова. М. П. Боткин, гласный, Санкт-Петербургская городская дума, Санкт-Петербургская городская управа, медицина, образование.

E. V. BAKALDINA

(The Saint Petersburg Roerich family Museum; Saint Petersburg)

M. P. BOTKIN'S ACTIVITIES IN THE SAINT PETERSBURG CITY ADMINISTRATION

Abstract. The famous artist and collector M. P. Botkin was also a public figure. For 20 years he was a member of the St. Petersburg City Duma. He was a member of the executive body of the Duma, in the City Government, holding the positions of a member of the Executive Hospital Commission and the Commission on Public Education. As well Botkin was elected an honorary magistrate.

Keywords. M. P. Botkin, councillor, St. Petersburg city duma, St. Petersburg city government, medicine, education.

Михаил Петрович Боткин (1839—1914), художник, коллекционер, общественный деятель в дополнение ко всем своим многочисленным должностям в Академии художеств, Обществе поощрения художеств, коммерческих, страховых и банковских организациях на протяжении 20 лет, с 1885 по 1905 годы, состоял гласным Санкт-Петербургской Городской думы. Значимость этой деятельности была отмечена современниками. Так, в журнале «Русь», а затем в «Хронике журнала "Мир искусства"» при перечислении должностей Боткина, под № 1 названо его звание «академик», а под № 2 – «гласный думы» 1. В отдельные пункты были выделены посты Боткина в комиссии по народному образованию (№ 12) и в больничной комиссии (№ 17) 2.

Традиция общественного служения была у семьи Боткиных, и Михаил Петрович пошёл в городскую думу по стопам своих старших братьев – Пётр Петрович и Сергей Петрович были гласными Московской и Петербургской Городских дум соответственно.

М. П. Боткин избирался гласным по своему месту жительства – Васильевский остров, 18-я линия, дом 1 – по 2-ому избирательному участку Васильевской части³. Для избрания в гласные требовался ценз – наличие собственного недвижимого имущества или представительство учреждения, обладавшего таким имуществом. М. П. Боткин избирался как владелец особняка⁴. Всего по Васильевской части избиралось 21 гласный и 4 кандидата к ним, так было в 1897–1898 годах⁵. Впервые Михаил Петрович Боткин был избран гласным в 1885 году⁶ и переизбирался в 1889, 1893, 1897, 1903 годах.

Ил. 1. Городская дума. *Воспроизведено по:* Виды Санкт-Петербурга. – СПб., 1858

Будучи избранными, гласные распределялись для работы в комиссиях Санкт-Петербургской городской управы. «В виду постановления городской Думы 16 сентября 1877 г[ода] о том, что члены как постоян-

ных, так и временных комиссий, равно как и некоторые другие выборные должностные лица по городскому общественному управлению и назначаемые от города для участия в посторонних ведомствах, подлежали новому утверждению или избранию при каждом изменении состава гласных»⁷. Распределением, в основном, занималась кандидатская комиссия, но и остальные гласные тоже могли выдвигать своих кандидатов в различные комиссии⁸. Затем комиссия для составления списков на выборные должности рассылала кандидатам письма, чтобы узнать, «о согласии или несогласии Вашем баллотироваться в означенную должность, присовокупляя, что, в случае неполучения от Вас к означенному времени никакого ответа, Вы будете сочтены согласившимся на принятие упомянутой должности в случае избрания»⁹. Потом происходила баллотировка. После избрания Городской думой требовалось согласие градоначальника для окончательного утверждения избранных¹⁰.

Являясь членом Городской думы, Михаил Петрович Боткин избирался членом двух комиссий: больничной и по народному образованию. Одновременное участие гласных в нескольких комиссиях было нормой. Так, Е. А. Ламанский и К. С. Меняев были одновременно с Боткиным в обеих комиссиях, а М. М. Стасюлевич был выбран в 1890 году председателем Комиссии по народному образованию и членом Комиссии по благотворительности¹¹.

Впервые Михаил Петрович Боткин был выбран Городской думой в 1885 году в члены Комиссии общественного здравия¹². Его приходу в эту комиссию, без сомнения, способствовал возглавлявший её старший брат Сергей Петрович Боткин, который, по словам В. П. Мещерского, был в ней «главным воротилой»¹³. На протяжении всей жизни Михаил Петрович Боткин был верным другом и соратником своего старшего брата, поддерживал его семью, когда С. П. Боткин был в отъездах, а после его смерти стал опекуном его малолетних детей.

В 1886 году Комиссия по общественному здравию была реорганизована. Санкт-Петербургская Городская дума заслушала «доклад соединённого заседания городских Управы и Комиссии общественного здравия об организации постоянного управления городскими санитарно-врачебными учреждениями в С.-Петербурге, и <...> учредила две исполнительные комиссии: санитарную и больничную». При этом «в ведении больничной комиссии подлежит заведование городскими больницами и богадельней» 14.

Согласно обращению из Больничной комиссии, сделанному в 1905 году, говорится, что «гласный Городской Думы Михаил Петрович Боткин принимал непосредственное участие как в работах бывшей городской Комиссии общественного здравия, так и в деятельности учреждённой затем городом Больничной Комиссии – с самого её основания. Избранный Городской Думою в 1883 году [в 1885 году – Е. Б.] в члены Комиссии

общественного здоровья М. П. Боткин способствовал скорейшей передаче в ведение городского общественного управления больниц бывшего попечительского совета»¹⁵.

Входя в Больничную комиссию сначала простым членом, Михаил Петрович Боткин стал потом заместителем (1886–1893 16), и, наконец, председателем комиссии (с 5 октября 1894 17).

Во вновь образованной (в 1886 году) Исполнительной больничной комиссии председателем стал В. А. Ратьков-Рожнов, членами комиссии – А. И. Бландов, М. П. Боткин, В. Е. Головин, А. М. Григорьев, П. В. Жуковский, Е. И. Ламанский, К. С. Меняев, Л. Ф. Милицын (умер в 1888 году), П. Т. Павлов (ушёл в отставку в 1888 году), Л. Я. Рудановский (умер в 1888), Л. Я. Яковлев (умер в 1887 году). В кандидаты в члены комиссии избраны В. Я. Боронин, А. К. Данилов, Н. В. Левашов, П. Я. Ольсен, И. И. Пирогов, К. И. Цветков, ставший членом комиссии после смерти Л. Я. Яковлева 18. Кроме того членом Больничной комиссии был Сергей Петрович Боткин, почётный попечитель городских больниц и богаделен 19. На заседании 14 мая 1886 года также было постановлено выбрать «для замещения председателя комиссии, на случай его болезни или временного отсутствия, членов оной: М. П. Боткина и В. Е. Головина» 20. Это решение понадобилось уже вскоре – с 10 августа по 20 сентября 1887 года М. П. Боткин заменял в должности председателя комиссии Ратькова-Рожнова 21.

В следующее четырёхлетие в 1890 году председателем Больничной комиссии был выбран, как и на прошлый срок, В. А. Ратьков-Рожнов, членами стали М. П. Боткин, А. Б. Враский, В. Е. Головин, А. М. Григорьев, А. К. Данилов, Е. И. Ламанский, К. С. Меняев, П. Я. Ольсен, И. И. Пирогов, Д. В. Покотилов, Н. А. Рыжов²². Кандидатами в члены были избраны В. Я. Боронин, Н. К. Зейфарт, Г. К. Клейбер, Я. И. Утин, К. И. Цветков, Н. М. Цеймерн²³. Таким образом, состав комиссии практически не изменился по сравнению с предыдущим созывом гласных.

После новых выборов и переизбрания комиссии в 1894 году М. П. Боткин был выбран председателем комиссии²⁴ (бывший председатель В. А. Ратьков-Рожнов стал Городским головой). Членами комиссии стали А. А. Базилевский, А. Б. Враский, А. М. Григорьев, В. Г. Дехтерёв, Е. И. Ламанский, И. И. Пирогов, Д. В. Покотилов, Д. А. Поливанов, кандидатами – А. К. Данилов, П. И. Лелянов, К. С. Меняев, П. П. Шорохов и А. М. Ушаков²⁵.

В 1897 году прошли новые выборы гласных, а затем в 1898 году избрание комиссий Городской Управы. В Исполнительную больничную комиссию было выбрано 12 членов и 6 кандидатов, М. П. Боткин стал её председателем после отказа от этой должности А. И. Кабата²⁶. Остальными членами комиссии стали В. К. фон-Анреп, А. М. Васильев, И. И. Дернов, Г. Г. Елисеев, П. П. Жуковский, И. Н. Креморенко, И. Ф. Оношкович-

Янцын, Е. В. Остолопов, П. Ф. Пантелеев, Д. В. Покотилов, И. М. Яковлев, кандидатами – Ф. А. Алфёров, П. С. Бочагов, Н. В. Леонтьев, Д. И. Львов, А. М. Позднеев, И. К. Шредер²⁷. В 1899 году вместо выбывших В. К. фон-Анрепа (уехал на постоянное жительство в Харьков) и А. М. Позднеева (ушёл на службу директором Восточного института) членами комиссии выбраны А. Н. Оппенгейм и А. М. Васильев, а кандидатом М. С. Самсонов²⁸. Также членом комиссии стали А. И. Кабат, В. А. Мусин-Пушкин и Е. П. Ольсен²⁹, а кандидатом И. С. Семёнов³⁰. Этот состав Больничной комиссии проработал до 1903 года.

В 1903 году были проведены выборы на шестилетие – 1904–1910 годы³¹. При этом, согласно пункту № 10 Высочайше утверждённого мнения Государственного совета, некоторые лица должны были выбыть по жеребьёвке из числа гласных 1 января 1907 года; среди них оказался и М. П. Боткин³². На этих выборах Михаил Петрович Боткин был вновь выбран в гласные Санкт-Петербургской городской думы, но, как писал брату: «Выборы окончились, я опять выбран гласным, но ни в какую комиссию не пойду и, конечно, буду гораздо спокойнее. Борьба партий была громадная, в особенности, квартиранты разные и адвокаты хлопотали попасть в Думу»³³. Немолодой уже, 65-летний, и очень занятой человек, М. П. Боткин думал о том, чтобы оставить дела в Городской управе, но не мог этого сделать и писал брату, «к сожалению никак не могу отделаться от больничной комиссии»³⁴. В результате Боткин не вошёл в состав комиссии³⁵.

Однако через год, в 1905 году, Боткина снова пытались привлечь к работе в Исполнительной больничной комиссии. Возможное объяснение этому можно вычитать в записках Э. П. Беннигсена, «Вернувшись в Петербург, я принял председательствование в Больничной комиссии, которая была порядочно запущена. Долгое время её председателем был М. П. Боткин, брат профессора и любитель и знаток живописи, человек порядочный, но уже состарившийся. В 1904 году его сменил тоже уже немолодой М. И. Петрункевич, который, несмотря на свой либерализм, не сумел наладить отношений с персоналом и скоро, в период революционных непорядков, ушёл»³⁶.

Так, после ухода Петрункевича 17 сентября 1905 года в Петербургское общественное управление от членов Больничной комиссии поступило прошение, в котором говорилось: «Вся деятельность Больничной комиссии, все улучшения, внесённые в постепенно расширявшееся больничное дело, прошли при непосредственном участии М. П. Боткина. Устройство и открытие ряда новых больниц, учреждение при них, переустройстве больничных аптек, расширение старых больничных помещений и постройка новых, выработка положения о городских больницах и введение нового штата служебного в них персонала, увеличение числа штатных

больничных мест с 3 600 в 1884 году почти до 7 000 в 1905 году – всё это во многом обязано трудам и заботам М. П. Боткина. Почти 22-х [20-я – Е. Б.]³⁷ летняя беспрерывная и плодотворная, по очевидным результатам. деятельность М. П. Боткина – побудила Больничную комиссию нового созыва, в первом же её заседании 3 июня сего года, выразить М. П. Боткину благодарность за его многолетнюю работу и выразить искреннее желание, что бы он и впредь не прерывал своего непосредственного участия в дальнейшем развитии близкого ему городского больничного дела. Поэтому Больничная комиссия, в том же заседании 3 июня, единогласно постановила ходатайствовать перед городской Думою об оставлении бывшего председателя М. П. Боткина в составе Больничной комиссии, в качестве постоянного её члена»³⁸. В результате, на заседании Санкт-Петербургской городской думы от 23 января 1906 года было принято решение об оставлении М. П. Боткина в качестве постоянного члена Больничной комиссии³⁹. Тем не менее, из просмотренных материалов комиссии за 1905-1907 годы фамилия Боткина не была указана ни в одном из документов или протоколов заседаний⁴⁰, поэтому не ясно, участвовал ли реально Михаил Петрович в её деятельности в это время.

В течение работы Боткина в Больничной комиссии в её ведении были общие больницы — Обуховская, Александровская в память 19 февраля 1861 года, Петропавловская, больница св. Марии Магдалины, специальные больницы для сифилитиков — Калинкинская (и при нёй Суворовское училище для повивальных бабок), Большеохтинская и Алафузовская, для умопомешанных — больницы св. Николая Чудотворца, св. Пантелеймона, на Новознаменской даче, Малоохтинская, для заразных — Александровская барачная [позднее Боткинская], Временная сыпная, а также Градские богадельни, лечебница для призрения нищих, глазная лечебница, Елизаветинская и Николаевская детские больницы⁴¹. Со временем комиссия ведала также двумя городскими дезинсекционными камерами при Барачной и Петропавловской больницах, и восемью бесплатными амбулаториями при больницах⁴².

Распределение городских больниц и богаделен между попечителями производилось самой Больничной комиссией и потом представлялось на утверждение Городской думе⁴³. Количество учреждений, на которые средства, периодически городом выделялись изменялось. в 1888 году были прекращена выдача пособий от городской управы Крестовоздвиженской общине, Александровской обшине милосердия и Максимилиановской лечебнице⁴⁴. А в 1893 году, в память бракосочетания великой княжны Ксении Александровны с великим князем Александром Михайловичем, был устроен барак при градских богадельнях с 50 «стипендиатками великой княгини Ксении *Александровны*». Городская управа занялась устройством этого барака⁴⁵.

Больничная палата направляла своих депутатов для присмотра за больничными учреждениями, при Александровской общине сестёр милосердия. при Крестовоздвиженской общине сестёр милосердия (в первых двух до 1888 года⁴⁶), при общине св. Георгия и при Дамском лазаретном комитете, при этом учитывалось мнение самих учреждений⁴⁷. Согласно традиции, «[Больничная] комиссия приняла во внимание выраженное председательницами Общины Св. Георгия и Дамского Лазаретного Комитета, [который ведал городским рождественским барачным лазаретом] желание о том, чтобы обязанности депутата от города при этих установлениях возложены были на председателя *Больничной комиссии*»⁴⁸. Таким образом, М. П. Боткин был депутатом в этих учреждениях с 1894 по 1905 год⁴⁹. Надо отметить, что с общиной св. Георгия семья Боткиных была тесно связана. С начала существования общины свои услуги в качестве консультантов безвозмездно предложили профессора Военно-медицинской академии, в числе первых Сергей Петрович Боткин. В отчёте общины за 1878 год так говорится о С. П. Боткине - «уважаемый двигатель врачебной деятельности Общины»⁵⁰. Сыновья Сергея Петровича Сергей Сергеевич и Евгений Сергеевич Боткины были руководителями Красного Креста Северовосточного района действующей армии во время Русско-японской войны и главным врачом Общины св. Георгия соответственно⁵¹. Дочери Михаила Петровича Елена Михайловна и Елизавета Михайловна, в замужестве Зеленская, были запасной сестрой милосердия⁵² и сестрой милосердия военного времени⁵³, обе состояли в общине св. Георгия с 1904 года; Мария, дочь С. П. Боткина, также была сестрой милосердия этой общины⁵⁴. Кроме того в больнице общины было шесть кроватей памяти нескольких представителей Боткиных - Анастасии Александровны, Павла Петровича, Сергея Петровича (2 кровати), а также Александры Петровны Визгиной и Александры Никитичны Котельниковой, сестры и племянницы С. П. и М. П. Боткиных⁵⁵.

Как председатель Исполнительной больничной комиссии Михаил Петрович Боткин подписывал финансовые документы, прошения, разбирал сложные случаи. Например, в 1899 году ему было подано обращение с жалобой на непосещения подведомственной Николаевской детской больницы её попечителем П. С. Богачёвым⁵⁶. Если кто-либо из членов Больничной комиссии вынужден был на время сложить с себя обязанности, то они возлагались на председателя (так было с отъездами В. А. Мусина-Пушкина в 1903 году⁵⁷). Как сказано в обращении членов Больничной комиссии в 1905 году, «Помимо председателя М. П. Боткину приходилось разновременно, благодаря отсутствию или выбытию из состава Комиссии того или другого из попечителей, нести их обязанности. М. П. Боткин был, таким образом, в разное время попечителем всех городских больниц и богаделен»⁵⁸. Например, он был вынужден стать попечителем богаделен в 1897 году после сложения полномочий Е. И. Ламанским⁵⁹. У Боткина была репутация ответственного и работящего человека, «М. П. Боткин никогда не отказывался от того или другого труда, который на него возлагали и не всегда по принадлежности этого дела ему, как председателю комиссии и главным образом как человеку, всегда готовому служить общественному делу, умевшему сгруппировать около себя деятельных сотрудников и быстро разрешавшему самое дело», – отзывались о Боткине члены Больничной комиссии⁶⁰.

Ил. 2. Больница Николая Чудотворца. Воспроизведено по: Ордин К. Попечительский совет заведений общественного призрения в С.-Петербурге. Очерк деятельности за пятьдесят лет 1828–1878. – СПб., 1878. – Ил. после текста

Во время эпидемий было особо напряжённое время. Как написали в отчёте о деятельности Боткина в Больничной комиссии, «М. П. Боткину, в новом совсем положении, пришлось сразу вынести большую работу и иметь много различных работ по случаю бывшей в этом году холерной эпидемии в С.-Петербурге, так как Думою ему было дано особое поручение ведать это дело»⁶¹. Сам он писал племяннице в 1894 году: «теперь мне чаще придётся бывать в городе, появилась холера и в различных больницах были случаи смерти, так что надо готовить помещение и быть на страже»⁶². Вообще, письма Боткина родным предоставляют большое количество информации о ведении больничного дела в Петербурге. Так, в них есть сведения о создании детской больницы. В 1896 году Михаил Боткин пишет брату Петру, как после коронации Николая II встречали

его в Петербурге: «Все гласные были на железной дороге и поднесли хлеб-соль, букет и портрет, в котором вписано было постановление Думы об учреждении детской больницы на 400 человек – это, конечно, очень важное пожертвование» 63. Организация этой больницы также связана с деятельностью М. П. Боткина, он был назначен членом подготовительной комиссии для выработки планов больницы 64. Через четыре года в письме брату М. П. Боткин сообщает об открытии больницы, уже гораздо менее торжественном, «На днях у нас было освящение детской больницы, она стоила городу 1 200 000 рублей. Сумму громадна, как бы ты думал, сколько приехало гласных посмотреть её? 9 человек! Вот какой интерес к общественным делам, а кричать любят» 65. Больница была названа «Городская детская больница в память священного коронования Их Императорских Величеств», она располагалась на Большом Сампсониевском проспекте, дом 69.

С 1896 года Городская дума, «ввиду денежного участия в помощи медицинскому институту», поставила условие, согласно которому в Попечительский комитет при Санкт-Петербургском женском медицинском институте были допущены два депутата от города. Такими депутатами стали М. П. Боткин и Н. А. Нечаев⁶⁶.

Михаил Петрович много занимался подведомственными учреждениями, инспектировал их. Так, он сообщал старшему брату Петру: «Поехал на Малую Охту в две больницы сумасшедших женщин и сифилитиков и возвратился домой только в 4 часа. Вот мои дорогие, как идёт у меня время, а вечером пойду на заседание больничной комиссии»⁶⁷.

В 1895 году по предложению думы Больничная комиссия создала особую комиссию для изыскания мер к лучшему призрению душевнобольных под председательством М. П. Боткина, в составе главных врачей: больницы св. Пантелеймона – Н. Н. Баженова, колонии на Новознаменской даче – Н. Н. Реформатского и св. Николая Чудотворца – О. А. Чечотта и приглашённого академика В. М. Бехтерева⁶⁸. Позднее эта комиссия была реорганизована в постоянный орган – Психиатрическое бюро Больничной комиссии Городской думы⁶⁹.

В 1886–1894 годах М. П. Боткин состоял попечителем психиатрической больницы св. Николая Чудотворца⁷⁰. Эта больница была на особом положении среди всех других подведомственных Больничной комиссии больниц. Только в ней для замещения должности старшего ординатора собиралась специальная комиссия, которая с помощью конкурса назначала врача. В 1888 году в эту комиссию входили в том числе братья Сергей и Михаил Боткины, в качестве почётного попечителя городских больниц и богаделен и попечителя больницы св. Николая соответственно⁷¹. Когда в 1901 году исполнялось 35 лет врачебной деятельности О. А. Чечотта, главного врача больницы св. Николая Чудотворца, то М. П. Боткин пред-

ложил ходатайствовать в Городской Управе о денежной награде для него в размере годового оклада (2 460 рублей)⁷².

Также Боткин состоял в комиссии по возведению построек в больнице на Новознаменской даче в течение 1897 года⁷³, в том же году осматривал разрушающийся барак Петропавловской больнице в составе особой комиссии⁷⁴, в 1899 году был в составе особой подкомиссии для ревизии дел больницы св. Пантелеймона⁷⁵.

Краткий отчёт о деятельности Боткина на посту попечителя больниц св. Николая, св. Пантелеймона и Новознаменской дачи был составлен в апреле 1914 года: «На первых порах М. П. Боткину пришлось много потрудиться по обеспечению более свободного доступа в больницу св. Николая Чудотвориа свеже-заболевших больных. Так им был возбуждён вопрос об отсылке иногородних душевнобольных хроников на родину, но, к сожалению, на практике эта мера не дала ожидаемого результата, но зато раскрыла все трудности в борьбе с этим элементом перегрузки психиатрических больниц. В тех же видах Михаилом Петровичем было возбуждено ходатайство о переводе из больницы св. Пантелеймона бывшего арестантского отделения для душевнобольных в числе 30 человек в больницу св. Николая Чудотворца и о передаче городу занимавшихся этим отделением двух павильонов в больнице св. Пантелеймона, в которые можно было разместить до 100 душевнобольных свободных состояний, которые, будучи переведёнными из больницы св. Николая Чудотворца, освободили бы места для новопоступающих. Это ходатайство увенчалось успехом и в начале 1888 года было приведено в исполнение. Рядом с этим, при деятельном участии Михаила Петровича, разрабатывался в особой Комиссии проект постройки новой больницы для душевнобольных и общей организации призрения душевнобольных в столице, который был одобрен Думой в 1889 году и послужил основанием для дальнейшего его развития, по мере оказавшихся средств, как то полагала Дума, вплоть и до настоящего времени. При его просвещённом содействии в 1887 году была задумана и в 1888 году открыта амбулатория для нервных и душевнобольных, что дало возможность чаще и скорее выписывать некоторых душевнобольных из больницы св. Николая Чудотворца не прекращая врачебного надзора за ними и оказания им дальнейшей врачебной помощи.

Далее, на пути указанного развития психиатрического призрения в 1890 году возникло дело о приобретении для этой цели Новознаменской дачи и в следующие ближайшие годы преимущественное внимание Больничной комиссии было поглощено устройством Новознаменской больницы, в ожидании которой больница св. Николая Чудотворца более и более переполнявшейся пришлось, с попечителем её М. П. Боткиным во главе, претерпеть не мало невзгод и затруднений»⁷⁶.

М. П. Боткин принимал близкое участие в работе Алафузовской больницы. Так, он был в особой субкомиссии для разработки предложения о реорганизации больницы в специализированную больницу для мужчин, страдающих сифилисом, венерическими и кожными болезнями⁷⁷, а в 1898 году – в комиссии по перестройке зданий Михайловской мануфактуры под больницу имени статского советника И. И. Алфузова⁷⁸. Через два года, в 1900 году Боткин был среди членов конкурсной комиссии по избранию главного врача этой больницы⁷⁹.

Ещё одним учреждением, работу которого курировал Михаил Петрович Боткин, была Обуховская больница. В 1894 году комиссия под председательством М. П. Боткина провела выборы главного доктора больницы, которым стал А. А. Нечаев⁸⁰. А после «Кровавого воскресенья» Боткин побывал в больнице: «Я в понедельник посетил Обуховскую больницу, было 60 раненых и 35 мёртвых, со многими ранеными я говорил, они с терпением переносят страдания»⁸¹.

Поскольку в других местах и на более низкие должности не нужно было соблюдать конкурсную процедуру, через М. П. Боткина пытались пристроить на работу людей в больницы. Так, М. А. Балакирев обратился к М. П. Боткину: «Убедительно же прошу Вас не отказать в определении в смотрители Обуховской больницы бывшего воспитателя малолетних придворных певчих Павла Григорьевича Григорьева» В Заким образом, Боткин благодаря своему положению мог влиять на назначения или увольнения. Иногда на это влияние были жалобы. В частности, в 1899 году была проведена ревизия дел больницы св. Пантелеймона и уволен её смотритель Н. П. Новицкий, против которого был настроен весь служебный персонал больницы. Уволенный смотритель обратился с жалобой в Городскую думу, считая, что «М. П. Боткин оказал давление на г[оспод] членов Управы, заявив, что он в таком случае должен оставить свой пост [председателя комиссии]» В Заказа в поможеностицем в заказа в поможеностицем в заявив в тородскую думу.

М. П. Боткин отстаивал интересы больничных учреждений, несмотря на противодействие со стороны властей. Так, он пишет брату Петру: «Сейчас иду в Думу – будут очень бранить за перерасход по Больничной комиссии по отоплению»⁸⁴. Периодически обращался он к Городской думе и с просьбами увеличить финансирование больничного дела⁸⁵.

Кроме того, М. П. Боткин, занимая должности заместителя председателя, а затем председателя Исполнительной больничной комиссии в Санкт-Петербурге, способствовал налаживанию поставок чая семейного товарищества «Петра Боткина сыновья», в котором также занимал высокие должности, в подведомственные комиссии больницы. Чай у боткинской фирмы закупался в 1888–1904 годах В 1901 году эти поставки вызвали вопросы со стороны ревизионной комиссии Городской управы, поскольку «служащим запрещается входить в подряды и поставки в тех

местах, где они служат»⁸⁷. В качестве объяснения, представленного больничной комиссией, приводилось несколько аргументов – отсутствие контракта с товариществом «Петра Боткина сыновья», начало закупок с 1888 года, то есть со времени, когда М. П. Боткин не был владельцем фирмы (он стал совладельцем с 1893 года), чай закупался на общих для всех условиях (качества и цены)⁸⁸.

Помимо больниц чай продавался через санитарную комиссию для раздачи у бесплатных кипятильников⁸⁹. Из отчётов больничной комиссии видно, что чай и сахар боткинская фирма не только продавала, но и жертвовала богадельням⁹⁰.

Кроме широкомасштабной деятельности в Исполнительной больничной комиссии Михаил Петрович Боткин работал в 1885 –1897 годах в комиссии, отвечающей за образование. Эта должность была ближе к его основным интересам – службе в Императорской Академии художеств, в Императорском Обществе поощрения художеств⁹¹ и в Центральном училище технического рисования барона Штиглица⁹².

В 1885 –1887 годах, в первые годы работы Боткина в этой комиссии, она называлась «исполнительная комиссия для заведования городскими начальными училищами и учебными мастерскими»⁹³, а после – «Городская комиссия по народному образованию»⁹⁴.

Во время первого срока работы М. П. Боткина в комиссии, в 1885—1889 годах, вместе с ним работали председателем А. А. Краевский (умер в 1889 году), членами – С. П. Беляев (выбыл в 1886 году), Н. А. Варгунин, И. А. Вышеградский (выбыл в 1886 году), И. И. Домонтович, П. В. Жуковский, Е. Ц. Кавос, И. С. Китнер (умер в 1887 году), Х. Х. Крюгер (выдвинут из кандидатов в 1887 году), М. П. Митков (умер в 1889 году), П. А. Потехин, В. А. Ратьков-Рожнов, В. В. Романов (выдвинут из кандидатов в 1887 году), М. И. Семевский (выдвинут из кандидатов в 1887 году), М. И. Семевский (выдвинут из кандидатов в 1887 году), М. М. Стасюлевич и И. И. Суздальцев, кандидатами были А. И. Бландов, А. П. Дельсаль, А. В. Жадовский (быль кандидатами были ещё пять членов – И. С. Аладов, В.Г. Бередников (отказался в 1888 году), А. Р. Гешвенд, Г. Г. Лехре (отказался в 1888 году из-за болезни), К. С. Меняев и А. В. фон-дер-Пален, и кандидаты Е. И. Ламанский, Н. А. Нечаев, И. Ф. Монтандр и Л. С. Сычёв (С. Сычёв) (С. Сычёв

Во время второго срока службы Боткина, в 1890–1894 годах вместе с ним в комиссии трудились председатель – М. М. Стасюлевич, члены комиссии – И. С. Аладов, В. С. Балашёв⁹⁷, Н. П. Басин, В. А. Березовский (отказ), А. Н. Бузов, Н. А. Варгунин, Н. Ф. Гейден, А. Р. Гешвенд, И. И. Домонтович, А. В. Жадовский, Р. В. Колюбакин, Х. Х. Крюгер (отказ), Е. И. Ламанский, С. П. Максимович, К. С. Меняев, Н. А. Нечаев (отказ), П. А. Потехин, В. А. Ратьков-Рожнов, М. И. Семевский, Н. Е. Сиверс, Н. Д. Тяпкин, С. Н. Худеков, Н. М. Цеймерн, Ф. Ф. фон Цур-Милен, Е. Е. Шарон и С. Ф. Юнкер. Позже

их заменили П. П. Жуковский, А. А. Кованько, а также кандидаты в члены К. В. Коростовцев, С. А. Тарасов и С. В. Булацель 98 .

После новых выборов гласных состав комиссии в 1894 году состоял из председателя М. М. Стасюлевича и снова избранных бывшие членов – Н. П. Басина, М. П. Боткина, Н. Ф. Гейдена, А. Р. Гешвенда, А. В. Жадовского, П. П. Жуковского, К. В. Коростовца (отказался через месяц), С. П. Максимовича, Н. А. Нечаева, П. А. Потехина, Н. Д. Тяпкина, Е. Е. Шарона, а также вновь избранных - М. А. Александрова, А. А. Базилевского, А. Н. Брусницына, А. Н. Бузова, К. И. Викторова, В. Г. Дехтерёва, Е. Ц. Кавоса, Е. И. Кедрина, Ф. М. Крузе, П. И. Лелянова (отказ в 1894 году), Н. А. Лейкина, А. Т. Лесникова, И. М. Меншуткина, И. Ф. Оношковича-Яцына, Ф. Н. Орнатского, Д. А. Поливанова, А. Я. Прозорова (отказался через месяц). В. В. Суслова, П. П. Сутугина, А. В. Фёдорова⁹⁹. Кроме того в комиссию по народному образованию было выбрано 10 кандидатов к членам: П. Н. Волков, И. И. Глазунов, А. П. Голицинский, М. М. Клокачев (ставший членом комиссии в 1894 году и сложивший полномочия в 1897 году), А. М. Лоранский, И. П. Медведев, И. Ф. Монтандр, П. Я. Ольсен, И. Ф. Оношкович-Яцын (выбран в члены комиссии в марте 1894 года) и Г. М Петров (отказ в 1895 году)¹⁰⁰.

Было много отказов от постов членов комиссии по народному образованию и кандидатов к ним; в 1897 году в комиссии осталось только 26 человек при необходимых 30, поэтому некоторым гласным пришлось брать заведования двумя соседними школьными участками, а также несколькими учреждениями¹⁰¹.

К 1 ноября 1886 года в ведении комиссии в общей сложности было 230 учебных заведений (128 мужских и 102 женских), 8 воскресных школ (6 мужских и 2 женских), мужские и женские учебные мастерские, частные женские учебные мастерские, имеющие городских стипендиаток, и Ремесленное училище Цесаревича Николая¹⁰². Постепенно количество участков росло: в 1887 году было 240 участков¹⁰³, в 1889 – 250¹⁰⁴. Среди членов комиссии по народному образованию распределяли учреждения образования. Так, в 1887 году М. П. Боткин заведовал 12 учебными заведениями¹⁰⁵, а в 1888–1889 годах – 14¹⁰⁶. В 1895 году у него был один школьный участок, девять училищ, одна воскресная школа.

Кроме того Боткин был членом Совета ремесленного училища Цесаревича Николая¹⁰⁷. Ещё по постановлению общей думы от 21 сентября 1871 года и Городской думы от 25 января 1884 года Городская управа отпускала на содержание 100 городских пенсионеров в ремесленном училище по 250 рублей за каждого ученика, а также на пособие оканчивающих курс городским пенсионерам 300 рублей. В общей сложности город выделял 25 300 рублей в год, а два представителя от управы были членами совета училища¹⁰⁸. С 1886 по 1897 год одним из таких представителей от Городской управы был М. П. Боткин¹⁰⁹.

Ил. 3. Ремесленное училище Цесаревича Николая. Воспроизведено по: Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси.
 Санкт-Петербургская епархия. – СПб., 1909. – VI вып. – С. 71.

Кроме того в 1895 году была образована временная субкомиссия по делу об учреждении ремесленного училища в память бракосочетания их Императорских величеств Николая II и Александры Фёдоровны, состоявшегося 14 ноября 1894 года. Городская дума постановила «ознаменовать день бракосочетания их императорских величеств добрым делом, т. е. учредить ремесленную школу для мужского и женского полов в городском доме, на содержание которой ежегодно отпускать до 30 000 р[ублей]». Членами субкомиссии стали М. П. Боткин, А. Р. Гешвенд, В. Г. Дехтерёв, С. П. Максимович, Е. Ц. Кавос, П. А. Потехин и Д. Д. Семёнов под председательством М. М. Стасюлевича¹¹⁰. Субкомиссия предложила учредить училище, которое «служило бы продолжением начальных городских училищ. <...> четырёхлетний курс <...> давал бы такого рода сведения, которые делают учащихся способными к восприимчивости в каждой ремесленной практике»¹¹¹. Одновременно с этим предложением Городской думы возникла идея в Императорском Обществе поощрения художеств (ИОПХ) устроить практические мастерские при Рисовальной школе в Демидовском переулке. М. П. Боткин, как член комитета ИОПХ,

принимал участие в особом совещании по этому вопросу, на котором присутствовали члены комитета и представители Департамента торговли и мануфактур¹¹². Возникла даже мысль об объединении этих двух начинаний – «соединить в одно проектируемые художественно-ремесленные мастерские [от $\mathit{HO\Pi X}$] и учреждаемое городом ремесленное училище» 113 . Таким образом, Михаил Боткин оказался в обеих субкомиссиях со стороны двух учреждений – Городской управы и ИОПХ. Однако комиссия от Городской управы решила не объединять два училища¹¹⁴. Тем не менее, М. П. Боткин в том же 1895 году вошёл в состав в субкомиссии из четырёх человек от комитета общества ИОПХ для разработки требуемого Думой проекта устава будущего училища в память бракосочетания их Императорских Величеств на 300 учеников и 10 мастерских 115. Что касается ремесленных мастерских, то в 1900 году Городская дума договорилась с Обществом о том, что в городском доме по Демидову переулку, дом 6 на безвозмездной основе помещаются художественно-ремесленные мастерские Общества, причём не менее 100 человек из общего числа (300) учащихся в предполагаемых 10-ти мастерских будут учиться бесплатно в качестве стипендиатов города 116. Таким образом, удалось учредить два ремесленных центра.

Ещё одной должностью М. П. Боткина, связанной с деятельностью комиссии по народному образованию, было назначение в 1891 году членом субкомиссии по постройке городского дома С. П. Боткина для целей начального народного образования и дома М. Г. Петрова¹¹⁷. Продолжая эту работу, впоследствии Михаил Боткин стал попечителем 16-го мужского и 12-го женского васильевских училищ (в доме в память С. П. Боткина)¹¹⁸. Это стало ещё одной ступенькой к поддержанию памяти старшего брата вся семья Боткиных неустанно делала всё для того, чтобы почтить имя своего великого родственника¹¹⁹, а капитал для постройки здания училища собирался доверенным лицом фирмы «Петра Боткина сыновья» в Петербурге А. П. Константиновым¹²⁰.

Стоит отметить, что даже после того, как М. П. Боткин перестал быть членом комиссии по народному образованию (с 1898 года), он остался попечителем васильевских училищ, помещавшихся в городском доме в память С. П. Боткина¹²¹. Как правило, только члены комиссии по народному образованию были попечителями учебных заведений от Городской управы Санкт-Петербурга, но были исключения – «комиссия представляла только в редких случаях лиц, не входящих в состав комиссии, к избранию в должность попечителя, а именно или лиц, принёсших пользу школьному делу своими пожертвованиями, как М. Г. Петров и В. А. Ратьков-Рожнов, или бывших гг.[господ] членов комиссии, кои, выбывая из её состава, выражали желание сохранить связь с школьным делом, как М. П. Боткин, А. Н. Бузов, И. П. Медведев, Г. М. Петров и другие»¹²².

Ил. 4. Городской дом начальных училищ имени С. П. Боткина. (В. О., Большой проспект, д. 69 (ныне 75)) Фотография автора, 2018 год

В 1897 году Михаилу Боткину пришлось стать дополнительно к его нагрузке наблюдателем за городской Школой кройки, шитья платьев и белья А. П. Куличевской, в которой обучались 10 стипендиаток города (по 30 рублей за человека)¹²³.

Уже после смерти М. П. Боткина в 1914 году члены комиссии по народному образованию так говорили о деятельности М. П. Боткина: «Он отдавался с редкой любовью, покойный оставил самые лучшие о себе воспоминания. В качестве попечителя начальных народных училищ г. С.-Петербурга, М. П. Боткин всегда благожелательно и ревностно относился к нуждам училищ, учащих и учащихся»¹²⁴.

Одним из отличий в занятии постов в Больничной комиссии и в Комиссии по народному образованию, была оплата деятельности. Члены Больничной комиссии получали ежемесячно по 50 рублей, которые считались «разъездными деньгами»¹²⁵. Эти деньги были предметом спора среди гласных Петербургской думы¹²⁶. В то же время в Комиссии по народному образованию оговаривалось, что за работу в ней «вознаграждения не положено»¹²⁷.

В Городской управе вне зависимости от работы в комиссиях больничной и по народному образованию, М. П. Боткин занимал ещё несколько постов. В 1891 году он стал членом комиссии по составлению списков кандидатов на выборные должности¹²⁸. В 1897 году Боткин, среди других

«изъявивших желание принять участие в оказании помощи пострадавшим», был назначен членом комиссии в василеостровском отделе по приёму пожертвований для пострадавших в результате наводнения (при комиссии по благотворительности)¹²⁹.

В 1899 году для обсуждения деталей вопроса об участии городского общественного управления в «Пушкинских торжествах» был избран временный комитет, членом которого стал и М. П. Боткин. Кроме него в комитет вошли М. А. Аничков, Н. А. Рыжов, В. С. Петров, В. В. Комаров, Х. Х. Крюгер, А. Н. Никитин, Н. Ф. Сазонов, Н. П. Собко, М. М. Стасюлевич, П. Ф. Пантелеев¹³⁰. Комитет предложил 26 мая провести вечернее богослужение, а 30 мая, совпадающее с днём рождения Петра I, сделать максимально широкое празднование, «праздник русской культуры» – декорировать памятник Пушкину, сквер около него и улицу имени поэта, во все городские сады и парки командировать хоры военной музыки для игры¹³¹.

В преддверии празднования юбилея Санкт-Петербурга, в Городской управе в 1897 году была образована комиссия для обсуждения этого вопроса¹³². М. П. Боткин присоединился к её деятельности после избрания в комиссию 14 октября 1898 года¹³³. Таким образом, в 1898–1902 годах¹³⁴ Михаил Петрович был членом комиссии для обсуждения способов чествования 200-летия основания города Санкт-Петербурга. Вместе с ним в комиссии состояли А. А. Бобринский, А. И. Кабат, С. Н. Худенков, В. К. фон-Анреп, П. П. Дурново, В. В. Муравьёв-Амурский, Н. Н. Брусницын, А. И. Глуховский, М. Н. Бенуа, Е. И. Кедрин, В. В. Комаров, Н. Ф. Гейден, В. Д. Смирнов, Н. А. Лейкин, А. М. Позднеев¹³⁵. Комиссия приняла решение о создании медали, издании сборника видов и истории города¹³⁶. В 1901 году внутри комиссии была создана субкомиссия в составе М. П. Боткина, П. П. Дурново, Е. И. Кедрина, В.Д. Смирнова и С. Н. Худенкова для составления программы 200-летия столицы¹³⁷.

Принимая во внимание большой опыт административной и практической работы в городском управлении, М. П. Боткин в 1900 году был выбран в члены подготовительной комиссии для разработки правил принятия на службу и передвижения по ней в городском общественном управлении. Вместе с ним в комиссию входили П. К. Лонгинов, Н. Н. Брусницын, Н. А. Резцов, Е. В. Остолопов, Л. В. Барсов и В. И. Домонтович¹³⁸.

Кроме того, М. П. Боткин с 28 января 1904 года был членом подготовительной комиссии для выработки соображений о способе и порядке расходования 1.500.000 рублей, ассигнованных на потребности, вызываемые обстоятельствами военного времени¹³⁹.

Кроме обязанностей в различных комиссиях Михаил Петрович Боткин был почётным мировым судьёй в $(1899-1914^{140})$.

Исполнял Михаил Петрович Боткин и представительские функции как член Санкт-Петербургской управы, в частности, он присутствовал

на коронации Николая II в Москве. Санкт-Петербургский городской голова В. А. Ратьков-Рожнов писал в телеграмме: «В среду, 15-го мая [1896 года], имел счастье вместе с ассистентами М. П. Боткиным и В. В. Комаровым принести от имени петербургского городского управления и населения столицы всепреданнейшие поздравления Их Величествам по случаю коронования и поднести складень с изображением покровительницы Петербурга, иконы Казанской Божией Матери и тезоименитых Августейшему дому: святых Николая Чудотворца, царицы Александры и святой княгини Ольги...<...> Государь Император изволил принять складень, перекрестился и приложился к изображению святых. Затем Его Императорское Величество милостиво изволило сказать: "Благодарю вас и население столицы, я с особенным удовольствием принимаю складень"» 141.

Когда было решено увековечить имена барона Виллие, Н. И. Пирогова и С. П. Боткина, назвав в их честь улицы около Военно-медицинской академии, то была создана особая депутация, состоящая из Городского головы, шести врачей (учеников Академии, состоящих гласными – В. Г. Дехтерёва, В. С. Петрова, Н. А. Рыжова, В. К. Анрепа, А. Н. Оппенгейма и И. М. Яковлева), а также председателей больничной и санитарной комиссии, из «которых первый, как известно, родной брат профессора С. П. Боткина». Эта депутация должна была отправиться 18 декабря 1898 года в Академию для поздравления её со 100-летним юбилеем¹⁴².

Как и на других местах службы, М. П. Боткин добросовестно относился к своим обязанностям. Если посмотреть списки членов больничной комиссии, в которых отмечалось количество посещённых ими заседаний, то М. П. Боткин в 1899 году присутствовал на 19 из 20^{143} , а в 1901 году – все 19 раз¹⁴⁴, больше чем кто-либо другой из комиссии. Когда Боткин уезжал за границу, то передавал свои полномочия. Так было в 1893 году, когда он, будучи заместителем председателя Больничной комиссии, не мог выполнять своей работы, находясь за границей с проходившим лечение больным сыном¹⁴⁵. В этих случаях гласные предупреждали заранее о невозможности присутствия, а в «Известиях Санкт-Петербургской городской думы» печатали списки отсутствующих¹⁴⁶. Так же случилось, когда Боткин был выбран членом международного жюри по группе убранства зданий и жилищ и по группе разного рода производства Всемирной Парижской выставке 1900-го года 147 и должен был присутствовать там. Он писал Городскому голове П. И. Лелянову: «Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что я на некоторое время уезжаю из Петербурга за границу и что в исполнение моих обязанностей на время моего отсутствия, вступает первый заместитель председателя больничной комиссии А. И. Кабат» 148. Однако, если Боткин находился в Петербурге, то неизменно присутствовал на заседаниях. Иногда эти заседания продолжались очень долго: «Вчера заседание больничной комиссии продолжилось до $12 \frac{1}{2}$, и я только к часу приехал домой» Такие полуночные заседания не были редкостью в думе; например, 15 апреля 1898 года заседание было закрыто в 12 часов ночи, а 17 апреля – в 12 часов 40 минут.

Как писали в газете про Михаила Петровича Боткина после выборов гласных в 1903 году: «Наибольшее число голосов избирательных, именно 1608 получил гласный нынешнего состава академик М. П. Боткин. Человек, который на думских заседаниях чрезвычайно редко говорит; зато он много работал в качестве председателя больничной комиссии, работал не языком и не из корысти и поэтому крайне приятно отметить его избрание. В лишних сотнях шаров слышится признательность населения» 151.

Иногда Михаил Петрович Боткин заменял городского голову на заседании. Он писал брату Петру: «В среду мне предстоит неприятная вещь, председательствовать в Городской думе вместо Лихачёва. Будет разбираться дело о муке. Доклад комиссии»¹⁵². Через несколько лет речь шла даже о самой должности Городского головы. Как рассказывал М. П. Боткин брату в письме от 27 апреля 1897 года: «Действительно меня уговаривали быть городским головой, но я отказываюсь, ведь это положительно себя уморить. Теперь выборы кассированы и об этом речи нет, но до этого меня со всех сторон тащили в головы. Ну, какой я голова, я скорее думаю о плохом пристанище, и теперь то дел много непосильных! Приятно одно, что хотя имея незапятнанного не кем [имени] и, дай Бог, молодым его не запятнать, мне навалили столько шаров, что едва могли поместиться, я не считаю, что это мне их клали, а клали их также и тебе, говоря: это семья отличная. Кто их не знает! Меня ещё очень тронуло, что я получил много поздравительных писем с самыми тёплыми выражениями» 153. В «Известиях Санкт-Петербургской городской думы» за 1898 год сохранились сведения и о том, что имя М. П. Боткина значилось в списках для выбора «второго кандидата на должность городского головы» 154. Отношение к должности городского головы видится и в письме М. П. Боткина племяннице В. П. Гучковой: «Я бы на месте Николая Ивановича [Гучкова] не пошёл в Городские головы. Он так много трудился, столько отдавал сил и что же, какое за это спасибо говорят? Лучше спокойнее жить в своей семье. Ведь сколько раз он рисковал жизнью!» 155

Кроме отказа от баллотировки на пост Городского головы, в 1895 году М. П. Боткин предпочёл не выбираться в члены подготовительной комиссии по постройке Троицкого моста, хотя кандидатская комиссия предложила его кандидатуру¹⁵⁶.

Когда перед Михаилом Петровичем Боткиным вставал выбор между службой и семьёй, он выбирал последнюю. Так, М. П. Боткин писал М. М. Стасюлевичу, своему начальнику в комиссии по народному образованию: «Вследствие болезни сына мы решили зимовать в Италии, поэтому мне не придётся принимать участие ни в трудах комиссии, ни по шко-

лам. Знаю, что Вы всегда добро относились к отсутствующим и всегда готовы исполнить всё, что нужно. Но этот год будут выборы, Бог знает, придётся ли быть выбранным, да ещё другой вопрос следует ли баллотироваться? Я искренно благодарен, что новую школу имени брата дали в моё заведование, но боюсь, что не придётся быть заведывающим, вероятно к весне всё пойдёт новым порядком лишь бы не испортить то, что так хорошо исправлено. При старом порядке школы, больницы процветали и постоянно улучшались. Ужасно будет жаль, если всё пойдёт иначе» 157.

Члены городского управления высоко оценили деятельность М. П. Боткина. На похоронах Боткина, умершего 22 января 1914 года, присутствовали градоначальник Петербурга Д. В. Драчевский и Городской голова И. И. Толстой 158. Городская дума выразила соболезнования семье покойного 159.

Санкт-Петербургской Городской думой его память было решено увековечить в тех учреждениях, в которых он служил. В частности, по предложению Комиссии по народному образованию, было постановлено учредить три стипендии имени М. П. Боткина: одну в 300 рублей в Императорской Академии художеств и две по 100 рублей каждая в Рисовальной школе Императорского Общества поощрения художеств, а также поместить портрет М. П. Боткина в Городском училишном доме имени С. П. Боткина, где Михаил Боткин состоял попечителем¹⁶⁰. Больничная комиссия предложила «в больнице св. Николая Чудотворца и в помещении Больничной Комиссии, должны быть установлены портреты М. П. Боткина. Было бы также справедливым возданием светлой памяти М. П. Боткина, чтобы какое-нибудь городское больничное учреждение или в целом, или отдельным своим павильоном было бы названо его именем»¹⁶¹. Столичный мировой съезд судей постановил поместить фотографический портрет М. П. Боткина в библиотеке съезда¹⁶². Однако из-за сложной внутренней политической и экономической ситуации в стране во время начавшейся вскоре Первой мировой войны ни одна стипендия не была выдана, ни одно учреждение не было названо именем Михаила Петровича Боткина.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Заметки // Хроника журнала «Мир искусства» 1904. Т. 11. № 5. С. 113.
- ² Там же. С. 114
- 3 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 19. Д. 51. Л. 42 об.
- 4 Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1895. Год 33. Август. Т. 119. – № 15. – С. 296–297.
- ⁵ С.-Петербургское городское общественное управление в 1897 году. СПб., 1898. –
 Ч. 1. С. lii, liv; ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 19. Д. 51. Л. 2.
- ⁶ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 14. Д. 14. Л. 35. В справке неверно указано начало службы 1883 год, правильно –1885 год. См.: С.-Петербургское городское общественное управление в 1889 году. СПб., 1890. С. v.

- ⁷ ИГИА СПб. Ф.513. Оп. 8. Л. 28. Л. 1.
- 8 ЦГИА СПб. Ф.513. Оп. 8. Д. 28. Л. 5 об.
- 9 ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5000. Л. 4.
- 10 ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5981. Л. 13.
- 11 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 8. Д. 28. Л. 7.
- 12 С.-Петербургское городское общественное управление в 1889 году. С. у.
- 13 Мещерский В. П. Письма к императору Александру III, 1881–1894. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 243.
- 14 ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 4261. Л. 10.
- 15 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 14. Д. 14. Л. 35. 1885 год: С.-Петербургское городское общественное управление в 1889 году. С. v.
- 16 С.-Петербург. Городское общественное управление в 1886 г. СПб.: типография Шредера, 1887. Отдел III. С. 61; С.-Петербургское городское общественное управление в 1890 году. СПб.: типография Шредера, 1891. С. хіі; С.-Петербургское городское общественное управление в 1892 году. СПб., 1893. Ч. 2. С. 269; С.-Петербургское городское общественное управление в 1893 году. СПб., 1894. Ч. 1. С. 594.
- 17 С.-Петербургское городское общественное управление в 1894 году. СПб., 1895. Ч. 2. С. 513.
- 18 ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 4261. Л. 6.
- 19 С.-Петербургское городское общественное управление в 1887 году. СПб.: типография Шредера, 1888. Ч. 2. Отдел І. С. 85.
- 20 ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 4261. Л. 11.
- 21 С.-Петербургское городское общественное управление в 1887 году. Ч. 2. Отдел I. С. 87.
- 22 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 8. Д. 28. Л. 1-2.
- 23 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 8. Д. 28. Л. 9 об.
- ²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5940. Л. 53 об.; С.-Петербургское городское общественное управление в 1894 году. Ч. 2. С. 513.
- 25 ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5981. Л. 10, 29.
- 26 ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 7083. Л 3-3 об.
- 27 Там же. Л. 2.
- 28 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 12. Д. 55. Л. 54-55, 58.
- ²⁹ С.-Петербургское городское общественное управление в 1899 году. СПб., 1900. Ч. 2. – С. 1395.
- 30 С.-Петербургское городское общественное управление в 1900 году. СПб., 1901. Ч. 2. – С. 863.
- 31 Отчёт С.-Петербургского городского общественного управления за 1903 г. СПб.: СПб Городская типография, 1904. – Ч. 2. – С. ххх.
- 32 Отчёт С.-Петербургского городского общественного управления за 1904 г. СПб.: СПб Городская типография, 1905. Ч. 2. С. 45.
- ³³ Письмо М. П. Боткина П. П. Боткину от 5 декабря 1903 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 178. Л. 120–120 об.
- 34 Письмо М. П. Боткина П. П. Боткину от
13 апреля 1904 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 179. Л. 28.
- 35 Отчёт С.-Петербургского городского общественного управления за 1905 г. СПб.: СПб Городская типография, 1906. – Ч. 2. – С. 34.

- ³⁶ *Беннигсен Э. П.* Записки (1875 1955). М., 2018. Т. 1. С. 331.
- 37 Ошибочное количество лет, М. П. Боткин был гласным не с 1883 года, а с 1885.
- 38 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 14. Д. 14. Л. 35–35 об.; Ф. 792. Оп. 1. Д. 9319. Л. 1–1 об.
- 39 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 14. Д. 14. Л. 54.
- 40 ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 9351.
- 41 ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5000. Л. 22–22 об.; С.-Петербург. Городское общественное управление в 1886 г. Отдел III. С. 61; С.-Петербургское городское общественное управление в 1888 году. СПб.: типография Шредера, 1889. С. 381; С.-Петербургское городское общественное управление в 1899 году. Ч. 2. –С. 1395; С.-Петербургское городское общественное управление в 1900 году. СПб., 1901. Ч. 2. С. 866.
- 42 С.-Петербургское городское общественное управление за 1902 г. СПб.: СПб Городская типография, 1903. Ч. 7. С. 288–289.
- 43 ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 7082. Л. 33 об.
- 44 С.-Петербургское городское общественное управление в 1888 году. С. 379.
- 45 С.-Петербургское городское общественное управление в 1894 году. Ч. 2. С. 532.
- 46 С.-Петербургское городское общественное управление в 1888 году. С. 379.
- 47 ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5000. Л. 22.
- ⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5981. Л. 24; С.-Петербургское городское общественное управление в 1888 году. – С. 378.
- ⁴⁹ С.-Петербургское городское общественное управление в 1894 году. Ч. 2. С. 516;
 С.-Петербургское городское общественное управление в 1896 году. СПб., 1897. –
 Ч. 2. С. 465; С.-Петербургское городское общественное управление в 1897 году. –
 СПб., 1898. Ч. 2. С. 839; С.-Петербургское городское общественное управление в 1898 году. СПб., 1899. Ч. 1. С. хіі; С.-Петербургское городское общественное управление в 1899 году. Ч. 1. С. хііі. Ч. 2. С. 1395; С.-Петербургское городское общественное управление в 1900 году. Ч. 2. С. 863; Отчёт С.-Петербургского городского общественного управления за 1903 г. Ч. 7. С. 461; Отчёт общины св. Георгия за 1905 год. СПб., 1906. С. 1.
- 50 Отчёт общины св. Георгия за 1878 год. СПб., 1883. С. 10.
- 51 ЦГИА СПб. Ф. 403. Оп. 1. Д. 277.
- 52 РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 140. Л. 59 об.
- 53 ЦГИА СПб. Ф. 403. Оп. 1. Д. 500. Л. 3.
- 54 Список сестёр милосердия Российского общества Красного Креста, назначенных для ухода за ранеными и больными воинами в лечебные учреждения Красного Креста, военного ведомства, общественных организаций и частных лиц. Петроград: Государственная типография, 1915. С. 418.
- 55 Отчёт общины св. Георгия за 1913 год. СПб., 1915. С. 134–138.
- 56 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 12. Д. 55. Л. 28–28 об.
- 57 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 12. Д. 55. Л. 109.
- 58 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 14. Д. 14. Л. 35.
- 59 С.-Петербургское городское общественное управление в 1897 году. Ч. 2. С. 840.
- 60 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 117. Д. 111. Л. 13 об.-14.
- 61 Там же. Л. 13 об.
- ⁶² Письмо М. П. Боткина А. П. Боткиной от 22 июня (или июля) 1894 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 385. Л. 24 об.
- ⁶³ Письмо М. П. Боткина П. П. Боткину от 23 июня 1896 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 176. Л. 112 об.

- ⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 100. Д. 42. Л. 173; Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1900. Год 38. Июнь. Т. 138. № 20. С. 1566; Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1901. Год 39. Октябрь. Т. 144. № 33. С. 80.
- 65 Письмо М. П. Боткина П. П. Боткину от 28 мая 1905 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 180. Л. 45–45 об.
- ⁶⁶ ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5981. Л. 40 об.; С.-Петербургское городское общественное управление в 1896 году. Ч. 1. С. vi.
- ⁶⁷ Письмо М. П. Боткина П. П. Боткину от 16 апреля 1896 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 176. Л. 96.
- 68 *Чечотт* О. А. К развитию призрения душевнобольных С.-Петербургским общественным управлением. 1884–1912 г. СПб., 1914. С. 32.
- ⁶⁹ Санкт-Петербургская психиатрическая больница св. Николая Чудотворца. К 140-летию. В 2-х т. – СПб.: Издательско-полиграфическая компания «КОСТА», 2012. –Т. 1. – С. 57.
- ⁷⁰ ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 4261. Л. 12; С.-Петербург. Городское общественное управление в 1886 г. Отдел III. С. 60; С.-Петербургское городское общественное управление в 1894 году. Ч. 2. С. 513.
- 71 С.-Петербургское городское общественное управление в 1888 году. С. 391.
- ⁷² Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1901. Год 39. Март. Т. 141. № 10. С. 1766; Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1901. Год 39. Апрель. Т. 142. № 12. С. 197.
- 73 Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1899. Июнь. Т. 134. № 19. С. 1984.
- ⁷⁴ Там же. С. 2056.
- 75 Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1901. Год 39. Май. Т. 162. № 15. С. 1080.
- 76 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 117. Д. 111. Л. 13–13 об.
- 77 Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1900. Год. 38. Октябрь. Т. 140. № 30. С. 68.
- ⁷⁸ Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1899. Июнь. Т. 134. № 19. С. 1967; Известия Санкт-Петербургской городской больницы. 1900. Год 38. Октябрь Т. 140. № 30. С. 72.
- 79 С.-Петербургское городское общественное управление в 1900 году. Ч. 2. С. 866–867.
- 80 С.-Петербургское городское общественное управление в 1894 году. Ч. 2. С. 537.
- 81 Письмо М. П. Боткина П. П. Боткину от 13 января 1905 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 180. Л. 180.
- 82 Письмо М. А. Балакирева М. П. Боткину от 3 февраля 1903 года // РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 3. Л. 7.
- 83 Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1901. Год 39. Май. Т. 162. № 15. С. 1080–1083.
- 84 Письмо М. П. Боткина П. П. Боткину от 4 июня 1897 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 177. Л. 29 об.
- 85 Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1901. Год 39. Апрель. Т. 142. № 12. С. 220–224; ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 117. Д. 111. Л. 14 об.
- 86 С.-Петербургское городское общественное управление в 1888 1904 гг. 1889– 1904; Бакалдина Е. В. Фирма «Петра Боткина сыновья» в Санкт-Петербурге

- (Петрограде) // Цыбик чайных историй. Очерки по истории русско-китайской чайной торговли. М., СПб.: ЦГИ Университетская книга, 2017. С. 233–234.
- ⁸⁷ Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1901. Год 39. Май. Т. 162. –
 № 15 С. 964. Кол. 1; Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1901. –
 Год 39. Сентябрь. Т. 143. №32. С. 1447.
- 88 Там же. С. 964–966.
- 89 Отчёт С.-Петербургской городского общественного управления за 1908 год. СПб.: СПб Городская типография, 1909. – Ч. 7 – С. 247.
- 90 Отчёт по С.-Петербургским градским богадельням за 1911 год. СПб., 1913. С. 57.
- 91 *Бакалдина Е. В.* «Обитель Боткина»: деятельность М. П. Боткина в Императорском Обществе поощрения художеств // Исторические Боткинские чтения: Вып. III. СПб.: СПбГМИСР, 2020. С. 137–151.
- 92 Бакалдина Е. В. Деятельность М. П. Боткина в Совете Центрального училища технического рисования барона Штиглица // Месмахеровские чтения 2018: материалы международной научно-практической конференции, 21–22 марта 2018 г. СПб.: СПГХПА им. А. Л. Штиглица, 2018. С. 52–55.
- 93 С.-Петербург. Городское общественное управление в 1886 г. Отдел III. С.97.
- 94 С.-Петербургское городское общественное управление в 1887 году. Ч. 2. Отдел І. С. 131
- 95 С.-Петербург. Городское общественное управление в 1886 г. Отдел III. С. 97.
- 96 С.-Петербургское городское общественное управление в 1887 году. Ч. 2. Отдел І. С. 131; Санкт Петербургское городское общественное управление в 1888 году. С. 453; С.-Петербургское городское общественное управление в 1889 году. С. 457.
- 97 Иногда фамилию пишут через «о» Балашов.
- 98 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 8. Д. 28. Л. 2–2 об.; Ф. 513. Оп. 8. Д. 31. Л. 2–2 об.
- ⁹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 75. Д. 56. Л. 2; ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5940. Л. 35–35 об.,
 42, 48, 58; С.-Петербургское городское общественное управление в 1890 году. С. 435;
 С.-Петербургское городское общественное управление в 1894 году. Ч. 2. С. 8–9;
 С.-Петербургское городское общественное управление в 1897 году. Ч. 2. С. 1.
- 100 ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5940. Л. 48 об., 58; С.-Петербургское городское общественное управление в 1897 году. Ч. 2. С. 1.
- 101 101 С.-Петербургское городское общественное управление в 1897 году. Ч. 2. С. 2.
- 102 102 С.-Петербург. Городское общественное управление в 1886 г. Отдел III. С. 98–99, 101, 103–104.
- 103 С.-Петербургское городское общественное управление в 1887 году. Ч. 2. Отдел І. – С. 131.
- 104 104 С.-Петербургское городское общественное управление в 1889 году. С. 458.
- 105 105 С.-Петербургское городское общественное управление в 1887 году. Ч. 2. Отдел І. – С. 131.
- 106 С.-Петербургское городское общественное управление в 1888 году. С. 453; С.-Петербургское городское общественное управление в 1889 году. С. 457.
- 107 С.-Петербургское городское общественное управление в 1895 году. СПб.,1896. Ч. 2. – С. 4.
- 108 Там же. С. 77.
- 109 С.-Петербург. Городское общественное управление в 1886 г. Отдел III. С. 97; С.-Петербургское городское общественное управление в 1889 году. – С. 457; С.-Пе-

- тербург. Городское общественное управление в 1891 году. СПб.: типография Шредера, 1892. Ч. 1. С. 435; С.-Петербургское городское общественное управление в 1892 году. Ч. 2. С. 449; С.-Петербургское городское общественное управление в 1893 году. Ч. 3. С. 707; С.-Петербургское городское общественное управление в 1894 году. Ч. 2. С. 11; С.-Петербургское городское общественное управление в 1895 году. Ч. 2. С. 4; С.-Петербургское городское общественное управление в 1897 году. Ч. 2. С. 3.
- 110 С.-Петербургское городское общественное управление в 1895 году. Ч. 2. С. 14.
- 111 Там же. С. 15.
- 112 Отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1894 год. СПб., 1895. С. 13.
- 113 С.-Петербургское городское общественное управление в 1895 году. Ч. 2. С. 16.
- 114 Там же.
- 115 Отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1895 год. СПб., 1897. С. 13.
- 116 С.-Петербургское городское общественное управление в 1900 году. Ч. 2. С. 161-162.
- 117 С.-Петербург. Городское общественное управление в 1891 году. Ч. 1. С. 436.
- 118 ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5940. Л. 72 об.; С.-Петербургское городское общественное управление в 1898 году. Ч. 2. С. 8.
- 119 Бакалдина Е. В. Участие семьи Боткиных в обществах имени С. П. Боткина // Добровольные общества Петербурга и Ленинграда. Сборник материалов конференции 22 октября 2018 года. СПб., 2018. С. 28–32.
- 120 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 75. Д. 56. Л. 27.
- 121 С.-Петербургское городское общественное управление в 1898 году. Ч. 2. С. 9, 10.
- 122 С.-Петербургское городское общественное управление за 1901 г. Ч. 3. С. 26.
- 123 С.-Петербургское городское общественное управление в 1897 году. Ч. 2. С. 3, 102.
- 124 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 117. Д. 111. Л. 8.
- 125 ЦГИА СПб. Ф. 211. Оп. 1. Д. 9. Л. 106, 112, 186 и далее; ЦГИА СПб. Ф. 211. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.
- 126 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 12. Д. 55. Л. 1-2.
- 127 ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Л. 5940. Л. 2 об.
- 128 С.-Петербург. Городское общественное управление в 1891 году. Ч. 1. С. xix.
- 129 С.-Петербургское городское общественное управление в 1897 году. Ч. 2. С. 505; Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1899. Год 37. Т. 134. № 12. С. 862.
- 130 С.-Петербургское городское общественное управление в 1899 году. Ч. 1. С. хіх.
- 131 Там же. С. xx-xxii.
- 132 ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5943. Л. 1.
- 133 Там же. Л. 11.
- 134 С.-Петербургское городское общественное управление в 1898 году. Ч. 1. С. хіv; С.-Петербургское городское общественное управление в 1899 году. – Ч. 1. – С. хіі; С.-Петербургское городское общественное управление в 1900 году. – Ч. 1. – С. ххіі; С.-Петербургское городское общественное управление за 1902 г. – Ч. 2. – С. хіх.
- 135 ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5943. Л. 11; Ф. 513. Оп. 12. Д. 89. Л. 3; С.-Петербургское городское общественное управление в 1898 году. Ч. 1. С. xiv–xv.

- 136 ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5943. Л. 61 об.
- 137 Там же. Л. 127 об.
- 138 C.-Петербургское городское общественное управление в 1900 году. Ч. 1. С. xvi.
- 139 Отчёт С.-Петербургского городского общественного управления за 1904 г. Ч. 2. С. 46.
- 140 С.-Петербургское городское общественное управление в 1899 году. Ч. 1. С. хl;
 Ч. 2. Отд. II. С. 43; Отчёт С.-Петербургского городского общественного управления за 1908 г. СПб.: СПб Городская типография, 1909. Ч. 2. С. 24; ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 117. Д. 111. Л. 9 об; Петроградский мировой суд за пятьдесят лет. 1866–1916. Пг: тип. М.М. Стасюлевича, 1916. Т. 1. С. 190.
- 141 Петербургский листок. 1896. 17 (29) мая; С.-Петербургское городское общественное управление в 1896 году. Ч. 1. C. і.
- ¹⁴² Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1898. Год 36. Декабрь. Т. 132. № 30. С. 1461.
- 143 ЦГИА СПб. Ф. 211. Оп. 6. Д. 2. Л. 1 об. –2.
- 144 Там же. Л. 3 об. -4.
- 145 С.-Петербургское городское общественное управление в 1893 году. Ч. 1. С. 594.
- ¹⁴⁶ Известия Санкт-Петербургской городской думы. -1893. Год 31. Август. Т. 111. № 25. С. 481; Известия Санкт-Петербургской городской думы. -1895. Год 33. Ноябрь. Т 120. № 21. С. 494.
- 147 Участие России на Всемирной Парижской выставке 1900 г.: Отчёт генерального комиссара Русского отдела. СПб., 1901. С. 105–106.
- 148 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 12. Д. 55. Л. 74.
- ¹⁴⁹ Письмо М. П. Боткина П. П. Боткину от 18 декабря1902 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 178. Л. 63 об. –64.
- 150 Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1898. Год 36. Июнь. Т. 130. № 13. С. 1761.
- 151 Петербургский листок. 1897. 3 апреля. № 91. (РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 136. Л. 1).
- 152 Письмо М. П. Боткина П. П. Боткину от 9 марта 1892 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 174. Л. 98.
- 153 Письмо М. П. Боткина П. П. Боткину от 27 апреля 1897 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 177. Л. 7–7 об.
- 154 Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1898. Год 36. Апрель. Т. 130. № 6. С. 20—21.
- 155 Письмо М. П. Боткина В. П. Гучковой от 16 декабря 1908 года // ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 606. Л. 100.
- 156 Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1895. Год 33. Апрель. Т. 118. – № 8. – С. 125.
- 157 Письмо М. П. Боткина М. М. Стасюлевичу от 11 октября (29 сентября) 1892 года // РО ИРЛИ РАН. Ф. 293. Оп. 1. № 259. Л. 1 об. –2.
- 158 Речь. 1914. 26 января (8 февраля). № 25. Воскресенье. С. 5.
- 159 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 117. Д. 111. Л. 1.
- 160 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 117. Д. 111. Л. 8; Хроника // Архитектурно-художественный еженедельник. 1916. № 12. С. 159.
- 161 ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 117. Д. 111. Л. 15.
- 162 Там же. Л. 11.

О. К. МЕНТЮКОВА

(Государственная Третьяковская галерея; Москва)

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ А. С. И М. П. БОТКИНЫХ 1900-1901 ГОДОВ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ, ПОСТУПИВШИМ В ОР ГТГ В 2019 ГОДУ)

Аннотация. Статья посвящена кругосветному путешествию Александра Сергеевича Боткина (военно-морского врача, гидрографа, изобретателя, лейтенанта российского флота, сына С. П. Боткина) и Марии Павловны Боткиной (урождённой Третьяковой, младшей дочери основателя Третьяковской галереи), совершённому в 1900–1901 годах. По архивным материалам (фотографиям, стеклянным слайдам) восстановлен примерный маршрут путешествия (супругами были посещены Франция, Тунис, Алжир, США, Гавайи, Цейлон и другие места и страны), проанализированы интересы супругов в поездке.

Ключевые слова: кругосветное путешествие, Всемирная выставка 1900 года, Александр Сергеевич Боткин, Мария Павловна Боткина.

O. K. MENTIUKOVA

(The State Tretyakov gallery; Moscow)

ALEXANDER AND MARIA BOTKINS' ROUND-THE-WORLD VOYAGE MADE IN 1900–1901 (BASED ON ARCHIVAL MATERIALS RECEIVED BY THE STATE TRETYAKOV GALLERY IN 2019)

Abstract. The article is devoted to the round-the-world voyage of Alexander Botkin (military doctor, hydrograph, inventor, lieutenant of the Russian fleet, son of Sergey Botkin) and Maria Botkina (nee Tretyakova, the youngest daughter of the founder of the State Tretyakov Gallery), made in 1900–1901. The study, based on archival materials (photographs, glass slides), gives an approximate travel route (Botkins visited France, Tunisia, Algeria, the USA, Hawaii, Ceylon and other places and countries), the interests of the spouses in the trip were analyzed.

Keywords: round-the-world voyage, the World's Fair of 1900, Alexander Botkin, Maria Botkina.

Настоящее исследование связано с биографиями Александра Сергеевича Боткина, военно-морского врача, гидрографа, изобретателя, лейтенанта российского флота, путешественника, сына С. П. Боткина, и его верной спутницы, супруги Марии Павловны Боткиной (урождённой Третьяковой), младшей дочери П. М. Третьякова – основателя Третьяковской галереи. Обвенчавшись в 1898 году, два представителя неординарных московских династий стали друг для друга достойной партией. У супругов было много общих интересов, в том числе – к научным экспедициям. Даже путешествия, в которые они направлялись в качестве туристов, а не в составе научно-исследовательской группы, были в меньшей степени связаны для них с развлечением и в большей – с изучением мира. Именно такой поездкой было и кругосветное путешествие, совершённое супругами в 1900–1901 годах. Восстановить примерный маршрут путешествия стало возможно благодаря архивным материалам, хранящимся в отделе рукописей Третьяковской галереи.

В коллекцию документов Третьяковской галереи, наряду с фондами важнейших художников и искусствоведов XIX–XX веков, входят фонды Павла Михайловича Третьякова и членов его семьи. Материалы семьи Третьяковых неразрывно переплетены с материалами семьи Боткиных. Это связано как с вовлечённостью обеих семей в художественную жизнь Москвы, так и с родственными связями между ними. В 1890 году, за несколько лет до венчания М. П. и А. С. Боткиных, состоялась свадьба Александры Павловны (старшей сестры Марии Павловны) и Сергея Сергеевича Боткиных. В ОР ГТГ хранится фонд № 48 А. П. Боткиной, включающий переписку с С. С. Боткиным, а также более 70 писем М. П. Боткиной к сестре, в том числе два письма из кругосветного путешествия 1900–1901 годов, и фотографии супругов. Фотографии 1920-х годов, связанные с жизнью А. С. и М. П. Боткиных в Италии, можно найти также в фонде № 126 А. Л. Бакста – сына Л. П. Гриценко-Бакст, третьей дочери П. М. Третьякова, в эмиграции жившей вместе с героями данной статьи.

Тем не менее, эти материалы очень отрывочны и скудны, и вплоть до недавнего времени ветвь младшей дочери Третьякова и её супруга была меньше всего исследована. Заполнить эти лакуны помогла покупка Третьяковской галереей архива А. С. и М. П. Боткиных, сделанная в Лондоне в 2019 году. Этот архив прежде принадлежал семье Заоли (наследникам Боткиных) и хранился в Италии. Переговоры о его покупке велись Третьяковской галереей ещё с 2006 года, но только в 2019 году они увенчались успехом.

Семейный архив Александра Сергеевича Боткина и Марии Павловны Боткиной насчитывает более 2500 единиц архивных документов и представляет собой комплекс материалов, собранный в течение 1900-х – 1930-х годов, с включением отдельных документов более ранне-

го и более позднего периода. В его составе – переписка супругов, личные документы, любительские фотографии и даже фотопроектор с коллекцией из почти 300 стеклянных слайдов и негативов¹.

Материалом для настоящего исследования послужил главным образом один из фотоальбомов, где сохранилось множество фотографий из различных путешествий супругов, а также коллекция стеклянных слайдов, вероятно, использовавшихся для просмотра через проектор («волшебный фонарь»). Письменных источников, связанных с этим путешествием, почти не сохранилось. Фотоотпечатки и слайды частично, но не полностью дублируют друг друга. Все кадры в альбомах были, по всей видимости, сделаны самими Боткиными, тогда как среди слайдов попадаются купленные снимки других фотографов (вероятно, в качестве сувенира или же для лекционной деятельности А. С. Боткина в эмиграции)2. На изображениях в разные годы были запечатлены Франция, Италия; пейзажи, архитектура, флора и фауна, коренные жители таких стран, как Тунис, Египет, Алжир, Китай, Вьетнам, США, Канада, Цейлон, Сингапур и др. С зимней экспедицией в Сибирь 1898-1899 годов, где Александра Сергеевича впервые сопровождала его молодая супруга, связана часть слайдов (отпечатков не сохранилось), однако этот материал нуждается в дальнейшей атрибуции.

Молодая женщина не случайно отважилась зимой сопровождать мужа в Сибирь, не испугавшись ни морозов, ни возможных бытовых неудобств, ни отсутствия привычного круга общения, а спустя год – отправиться с ним в кругосветное путешествие. Так же, как и моряк Александр Сергеевич, она была приучена к поездкам, больше напоминавшим экспедиции, – благодаря своему отцу, Павлу Михайловичу Третьякову.

П. М. Третьяков за жизнь совершил более 30 поездок только в европейские страны, посетил около 20 государств и 250 больших и малых городов. Сроки многих поездок (за исключением чисто деловых) были весьма длительными – от 3 до 8 недель. За каждое такое путешествие он осматривал 30-40 городов³. Часто Третьяков путешествовал с женой и дочерьми, сначала со старшими – Александрой и Верой, а после замужества старших брал с собой младших – Любовь и Марию. Об этих путешествиях сохранились воспоминания и записные книжки дочерей, письма. Из них мы знаем, что быт семьи Третьяковых в путешествиях был достаточно аскетичен. Так, на жену Третьякова и двух его старших дочерей-подростков полагался всего один небольшой ручной чемодан вещей (лишь обуви у каждой было по запасной паре и по две смены белья)⁴. Интересно, что Павел Михайлович, по воспоминаниям старшей дочери, нередко ездил с семьей в вагонах 4-го класса, а на ночь порой сознательно брал не спальные места, а сидячие плацкартные, на возражения супруги отвечая:

«А как же другие ездят?» С точки зрения старшей дочери В. П. Зилоти, это делалось в педагогических целях 5 .

Таким образом, дочери Павла Михайловича вовсе не были избалованы роскошью и комфортом.

Сохранились и письма самой Марии Павловны, написанные ей во время одного из путешествий с отцом в 1895 году. Некоторые свидетельствуют о естественнонаучном уклоне её интересов, физической выносливости. В одном из них она сообщала сестре А. П. Боткиной о посещении Швейцарии и водопада Гаварни: «Теперь я поняла, что за удовольствие ходить пешком по Швейцарии! За эти два дня я хотя и совсем разбилась ногами, страшно вся изломана, но удовольствия получила много. Третьего дня мы с папой ходили 6 ч., сделали вёрст 16. <...> Жара была ужасная, пришлось лезть по отвесным тропинкам. Но труды наши были вознаграждены картиной, которую мы увидали. Высочайшая гора <...> стоит правильным полукругом. Вся долина внизу представляет из себя ледник. Сверху горы обрывается водопад, один из самых высоких на земном шаре <...> Какое странное чувство в такую жару ходить по снегу. Я сняла там несколько видов, чтобы потом не казалось, что это было во сне»⁶.

Об интересе Александра Сергеевича к путешествиям сохранилось ещё больше свидетельств. В частности, его племянница Т. Е. Боткина отмечала, что он отказался от карьеры врача-практика и стал морским врачом, гидрографом именно из-за страсти к путешествиям⁷. В некрологе

Ил. 1. М. П. Боткина, А. С. Боткин. Франция, [зима] 1901 года. Подпись под фотографиями: «1901 г. Париж. Конец кругосветного путешествия». Серебряножелатиновые отпечатки, вклеенные в альбом. Собрание ОР ГТГ

В. Корсака на смерть А. С. Боткина есть такие строки: «Не один раз объехал вокруг света, около трёх лет провел в Северной Америке, был в Китае, в Японии, Индии; плавал по Амазонке, Миссисипи... Великая Китайская стена, острова Таити⁸, великие озёра Америки, Сибирь, Байкал, Ледовитый океан – чего он только не видел, где только не был»⁹.

Помимо любви к путешествиям, супругов объединял интерес к фотографии – судя по 5 –ми альбомам в собрании ОР ГТГ, заполненным любительскими фотографиями. Из кругосветного путешествия было привезено не меньше 276 фотоотпечатков, из них 103 было сделано во Франции (в основном на Лазурном берегу), 113 – в Африке и 60 – во время продолжения путешествия в США, на Гавайи, Цейлон и в Сингапур. Можно предположить, что небольшое количество кадров из Азии и Океании связано со сложностями с заменой или покупкой специальных лент, намотанных на катушки – прообраза современной фотоплёнки (одна такая лента для портативной камеры марки «Kodak» была рассчитана на 100 кадров).

Фотоальбомы, судя по всему, составляла именно Мария Павловна, она же делала подписи под фотографиями. Хронологический порядок соблюдался не всегда. Похоже, для Марии Павловны важнее было создать гармоничную композицию на развороте альбома. В композиции и самих кадров, и их расположения в альбомах чувствуется художественный вкус. В то же время для исследователя отсутствие строгого хронологического порядка создаёт сложности в датировке фотографий и определении точного маршрута больших путешествий.

Кругосветное путешествие было начато супругами во Франции. Одна из фотографий, сделанная в саду Тюильри, подписана Марией Павловной «Париж (1900, перед кругосветным путешествием)»; на ней она запечатлена со своими племянницами, Александрой и Анастасией Боткиными (дочерьми А. П. и С. С. Боткиных). Париж в конце XIX –начале XX века часто оказывался удобной отправной точкой для путешествий из России по Европе, так как между Россией и Парижем в то время курсировал поезд «Норд-Экспресс»¹⁰. Однако можно предположить, что Париж стал отправной точкой поездки не только поэтому.

В Париже в 1900 году, с 15 апреля по 12 ноября, проходила Всемирная выставка. На ней золотой медалью были отмечены работы Гидрографической экспедиции Байкальского озера Ф. К. Дриженко, в рамках которой Боткин занимался изучением льда озера Байкал зимой 1899–1900 года. На выставке, в павильоне русских окраин, были представлены в том числе исследовательские работы самого А. С. Боткина: карты озера Байкал и северного водного пути в Сибирь, фотографии и научные коллекции.

Фотографий из европейской столицы, где оба супруга прежде бывали, почти не сохранилось. Вероятно, несколько парижских снимков было сделано для альбома только чтобы обозначить «старт» и «финиш» путе-

шествия. Однако среди стеклянных слайдов есть кадр со Всемирной выставки в Париже.

Но возможно, что во Францию супруги приехали ещё раньше, в феврале, и жили на юге Франции, в Каннах и Ницце. Сохранились фотографии набережной Круазетт в Каннах, пустынной из-за низкого сезона, лесопарка Круа-де-Гард, маяка в порту города. На многих снимках запечатлена Мария Павловна, неизменно элегантная, в тёмном платье и шляпе, отороченной тальмой, с зонтиком в руках. Также в альбоме сохранились фотографии ежегодного карнавала в Ницце, традиционно проводящегося в феврале. Хотя в наши дни более известен Венецианский карнавал, в начале XX века карнавалы в Венеции и Ницце успешно соперничали. На 5 отпечатках отражены события театрализованного представления на площади.

Ил. 2. Мусульмане. Алжир, [1 мая 1900 года]. Подпись под фотографиями: «Новогодняя молитва на рассвете в сторону Мекки». Серебряно-желатиновые отпечатки, вклеенные в альбом. Собрание ОР ГТГ

Кругосветное путешествие А. С. и М. П. Боткиных 1900–1901 годов (по архивным материалам, поступившим в ОР ГТГ в 2019 году)

Однако фотографии в целом указывают на то, что, находясь на фешенебельном Лазурном берегу, который к этому времени уже получил своё поэтичное название, супруги стремились к уединению. Гуляли по паркам, набережным, посещали замки и острова поблизости: остров Сент-Маргерит, остров Сент-Онора... Судя по архивным документам, и Мария Павловна, и Александр Сергеевич светскому обществу предпочитали отдых на природе. Неслучайными кажутся строки одного из писем М. П. Боткиной к сестре Александре, отправленном ей из Сибири 30 апреля 1899 года: «Как свободная минута, так бежим в горы, <...> так чудно хорошо гулять! Все склоны розовые в дикой азалии. Анемонов, тюльпанов масса. Мы возвращаемся с живыми букетами. Вся комната наша в цветах. Какие места! <...> А сам Байкал! Лодка сколько удовольствия доставляет. Нет, ещё много хорошего на свете, только поменьше с людьми возиться. А наша жизнь именно так и складывается...» 11

Из Европы Боткины отправились в Африку. Сохранились фотографии М. П. Боткиной на палубе судна во время морского перехода в Тунис.

В Африке Боткины посетили Тунис, Алжир и, вероятно, Египет (фотоотпечатков из Египта не сохранилось, но он запечатлён на нескольких стеклянных слайдах; возможно, впрочем, что Египет был посещён Боткиными в другую поездку). Не сохранилось информации, спланировали ли супруги эту часть маршрута самостоятельно, либо воспользовались услугами туристической компании Томаса Кука, как это делали многие путешественники по Африке в начале XX века¹².

Среди запечатлённых памятников архитектуры – мечеть Аз-Зайтуна, древние Французские (Морские) ворота, развалины Карфагена в Тунисе, руины древнеримского города Тимгад со знаменитой аркой Траяна (Алжир), цитадель в Каире, пирамиды и большой сфинкс (Египет).

Фотографии из Африки не в меньшей степени отражают этнографический интерес Боткиных к иному укладу жизни, арабскому населению. Внимание супругов привлекли жилища арабов в римских цистернах в Тунисе (М. П. Боткина на фоне жилищ, местные на осликах, дети, весело позирующие для фотографий, старики в традиционной одежде), палатки кочевников, их верблюды в оазисе Бискра, школа под открытым небом (Алжир). Примечательна серия фотографий, подписанных «Новогодняя молитва на рассвете в сторону Мекки», где запечатлены мусульмане, ритмично склонившиеся в молитве под открытым небом [ил. 2]. Эти снимки позволяют определить примерные даты путешествия Боткиных по Африке: в 1900 году новый год начался для мусульман 1 мая.

Посетили Боткины и пустыню Сахару – вероятно, она была им интересна в первую очередь как уникальная природная зона.

Кроме того, на фотографиях сохранились переезды Боткиных на поездах. Интерес к средствам передвижения, железным дорогам и кора-

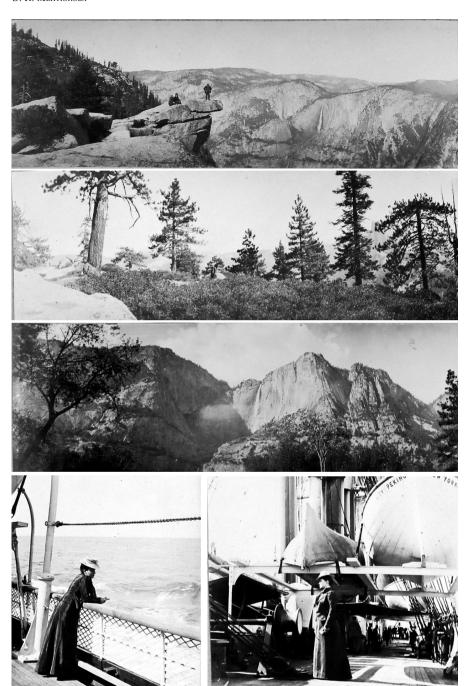
блям, отразившийся на многих кадрах в альбоме, был характерен для супружеской четы. Возможно, это связано с профессиональными интересами А. С. Боткина, а также со строительством Транссибирской магистрали, свидетелями которой были супруги, с идеей освоения земель с помощью транспортных маршрутов.

Судя по архивным источникам, после посещения Африки лето Боткины провели в Европе, однако направления их поездок там неизвестны. В конце лета Боткины направились в Северную Америку, о чём говорят строки из письма М. П. Боткиной к сестре Александре, написанные 27 сентября 1900 года из Сан-Франциско (всего сохранилось два её письма из Америки): «Вот месяц, что мы выехали из Европы...» В Америке Боткины посетили Нью-Йорк, Сан-Франциско, совершили поездки на Ниагарский водопад и в национальный парк Йосемити.

Переезд супругов на другое полушарие сопровождается появлением в альбоме панорамных изображений – по всей видимости, ими был куплен новый фотоаппарат в дополнение к имеющемуся. В письме к сестре Мария Павловна упоминает, что проявкой снимков она занималась самостоятельно: «Буду сейчас проявлять. Хотелось бы прислать тебе что-нибудь, да особенно ничего нет, разве для примера показать, какой у нас есть аппарат занятный» 14.

Фотографий американских городов почти нет. В альбоме только один панорамный снимок набережной Нью-Йорка, хотя по письмам известно, что Боткины останавливались в городе на какое-то время. Возможно, он был для них в первую очередь отправной точкой для посещения Ниагарского водопада: сохранилось 3 фотографии и не менее 1 стеклянного слайда оттуда, передающие размах водной стихи.

На нескольких фотографиях запечатлён переезд из Нью-Йорка в Сан-Франциско на поезде. По всей видимости, это первая трансконтинентальная дорога США, которая строилась в 1860-х годах и связала между собой центральные и западные штаты страны с калифорнийским побережьем Тихого океана. По значению её можно отчасти сравнить с Транссибирской железной дорогой в России. В письме к сестре сохранились впечатления Марии Павловны от этой поездки: «Опять новый мир, новые люди, новая природа. Ехали пять дней по интереснейшей дороге, за сутки бывало столько перемен, что не поверишь, если рассказать. В Чикаго мы умирали от жары, в центральной Америке на плоскогорье не знали, как согреться: мороз, лёд и снег. Картины в Сьерра-Невада такие, что я подавлена была. И потом очутились в Калифорнии, утопающей в богатствах золотых копей без конца (всё вспоминалась книга детская, кажется, Твен, помнишь, золотоискатели?) <...> пальмы, эвкалипты, апельсины <...> Фрукты брызжут соком, и какие же размеры, одну виноградину в рот не уложишь» 15 .

Ил. 3. Йосемитский национальный парк в США и переход через Тихий океан. [Октябрь 1900 года]. Подписи под фотографиями: «Yosemity Valley», «Переход из С[ан]-Франциско на Сандвичевы остр[ова]. City of Peking». Серебряножелатиновые отпечатки, вклеенные в альбом. Собрание ОР ГТГ

Немного рассказывает она и о самом Сан-Франциско: «San Francisco не похож на Америку, здесь провинция своеобразная с примесью всех наций, много [сложного] в типах. Оказывается, тут масса духоборов наших. <...> Иду посмотреть город, очень красива бухта. Пришлось опять завести массу знакомств, очень много узнаёшь про жизнь из разговоров» 16. Через неделю в другом письме: «Я всё не могу вдоволь насытиться фруктами, такая их масса здесь и так они вкусны. А цветов на улицах продают сколько! За десять сентов ты [нрзб] можешь купить гвоздик, фиалок и роз, что не донесёшь. Я так полюбила наш Frisco, как его мужики зовут, что не хочу думать об отъезде. Воздух здесь такой здоровый, что я не запомню, где мы были так бодры и веселы. Всё точно море по колено. У нас есть здесь знакомые, очень мило проводим время. Вчера ездили на целый день в одно

uydechoe место на горе, вид на Тихий океан изумительный» 17 . Ни одной фотографии Сан-Франциско, где супруги провели около двух недель, нет.

Города, по всей видимости, интересовали Боткиных меньше, чем природа. Поэтому из Сан-Франциско они совершают недельную поездку в Йосемитский национальный парк [ил. 3]. На память об этой поездке сохранилось 11 фотоотпечатков, не меньше 3 стеклянных слайдов и рассказ Марии Павловны о поездке в письме к сестре: «Вчера вечером мы вернулись из нашей поездки в Josemite Valley, которая взяла шесть целых дней. <...> Все шесть дней мы как угорелые вставали в 5 ч. утра и до заката всё ездили. Поднимались на мулах верхом (по-мужски) на горы. Сказочное впечатление осталось от девственных лесов с исполинами деревьями. Мы пошлём на днях шишки по почте на ваше имя. Сохрани их, пожалуйста. Я всё вспоминала иллюстрации Доре "Мальчик-с-пальчик", так эта темнота лесная таинственна. <...> А ночи здесь чудные. В долинах жара стоит, ночи душные, масса сверчков трещит, аромат от цветов и кустов, тишина удивительная» 18.

Надо сказать, что в начале прошлого века совершение кругосветного путешествия говорило не только об авантюризме, но и о храбрости его участников. Не всегда они были безопасны. Мария Павловна после поездки в Йосемитский национальный парк сообщала сестре: «Здесь в Калифорнии страшная дичь, хуже Сибири, если чуть от городов отделиться. Здесь места такие, что два человека останавливают поезда express и ограбливают. Убийства дело обыкновенное. Наша шестидневная прогулка вглубь страны, на почтовых, на всю жизнь останется у меня в памяти. Конец кончился трагично с кровопролитием. Писать об этом боюсь, расскажу при свиданье. Всё обошлось страшным испугом с моей стороны, от которого не отошла ещё и сегодня. Мы были ближайшими свидетелями» 19.

Подобные ситуации – не самые большие неприятности, в которых могли оказаться путешественники. В мире в начале XX века было немало горячих точек, при этом международные конвенции, которые сегодня защищают гражданское население от военных преступлений, ещё не были приняты. Согласно письмам Марии Павловны, после Америки Боткины собирались посетить Японию (в том числе, видимо, по делам супруга), однако препятствием этому стала филиппино-американская война: «Настроение наше очень испорчено газетными известиями, здесь страшно против русских настроены, вообще боюсь, что поедем в Японию в дурной момент и что придётся проскочить там мимо. Возможно, что мы сократим наше путешествие на огромное время, во всяком случае меня Саша из Японии отправит в Европу скорее, сам со мной уедет, если не застрянет на эскадре. Американские планы тоже сокращаются до минимума»²⁰. «Видела много военных, прибывавших с Филиппин, все больные, ужасно смотреть. Последний транспорт пришёл вчера, за переход 12 человек умерло у них. [нрзб] офицеры привезли мальчиков пленных. Жалко их, точно дикие зверята смотрят они испуганно»²¹.

Рядом, в Китае (который Боткины, судя по письмам, посещали годом раньше, во время экспедиции на Байкал), в 1900 году произошло ихэтуаньское (Боксёрское) восстание против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь страны, в ходе которого европейское население с особой жестокостью вырезалось. В августе 1900 года Пекин был захвачен союзными войсками нескольких государств, включая Россию, однако полностью восстание было подавлено лишь в 1901 году.

При этом пароход City of Peking²², на котором Боткины переплыли Тихий океан согласно подписям под фотографиями в альбоме, мог доставить их или в Японию, или в Китай.

Ил. 4. Буддистский храм Зуба Будды в Канди. Цейлон, [осень-зима 1900 года]. Стеклянный слайд (гиалотип) для «волшебного фонаря». Собрание ОР ГТГ

Какой маршрут в итоге выбрали супруги, неизвестно, однако по фотографиям в альбоме понятно, что по пути Боткины посетили Гавайские острова (до конца XIX века именовавшиеся Сандвичевыми – в альбоме использованы оба названия). Там Боткины осмотрели плантации бананов, ананасов, увидели девственные леса с древовидными папоротниками. Особенный интерес путешественников привлёк вулканический конус Даймонд-Хед, которому приблизительно 200 тысяч лет. В альбом вклее-

ны фотографии кратера вулкана, застывшей лавы и трещины в ней с перекинутым через неё мостиком.

Посетив Гавайи, Боткины переплыли Тихий океан, по всей видимости, воздержавшись от осмотра Японии (ни одного кадра оттуда нет). Зато сохранились немногочисленные изображения Сингапура и Цейлона: З фотоотпечатка озёр Сингапура, а также 1 фотоотпечаток морского побережья Цейлона и не меньше 3 стеклянных слайдов оттуда же, на которых запечатлены буддистский храм Зуба Будды в Канди [ил. 4], индуистский храм в Коломбо и местная аристократическая семья. Письменных источников, рассказывающих о посещении Боткиными этих мест, не сохранилось.

Затем, вероятно, Боткины через Суэцкий канал попали в Средиземное море и вернулись в Европу. Кругосветное путешествие должно быть завершено в исходной точке, потому окончилось оно, согласно подписи к одной из фотографий, в Париже зимой 1901 года.

Мария Павловна Боткина, для которой кругосветное путешествие 1900–1901 годов стало первым, восторженно писала сестре: «...иногда кажется, что мы на другой планете. Когда видишь столько нового, когда открываются такие горизонты во всех смыслах этого слова, что боишься, чтоб голова не закружилась, тогда успокоительно и так уютно прочесть, что у близких людей, где-то до ужаса далеко, всё идет своим чередом, не спеша»²³.

О неизменно романтическом отношении А. С. Боткина к путешествиям, связанным с морем, можно судить по его словам, записанным им позже, в 1920-х годах, на одной из отправленных супруге открыток (на ней изображен штормовой всплеск волн на озере Леман): «Не могу не послать второй экземпляр этого чудного всплеска, ведь тут зафиксирована вся суть моря, т. е. жизни – из гладкого, пенообразного, ленивого создаются смерчи, ураганы, водовороты, потом, после всесокрушающих всплесков, выворачивающих борта у кораблей и целые молы, – опять всё делается гладким и спокойным»²⁴.

Впоследствии Боткины ещё много путешествовали; снимки из этих поездок сохранились и в альбомах, и среди стеклянных слайдов (на время жизнь четы стала более оседлой только после рождения дочери Марианны в 1905 году). В страсти супругов к путешествиям отразились их глубокий интерес к миру, смелость и способность преодолевать бытовые неудобства ради нового опыта.

ПРИМЕЧАНИЯ

Фонду А. С. и М. П. Боткиных присвоен номер 278. Материалы фонда в настоящее время находятся в процессе подготовки к инвентаризации и не имеют номеров. В переговорах о приобретении архива и его подготовке к перевозу со стороны

- ГТГ в 2006 году принимали участие Е.А. Теркель, Г.С. Чурак, Т.В. Юденкова и др.; в 2019 году О.С. Драничкина, О.К. Ментюкова, Е.С. Павлова, Е.А. Теркель, Т.В. Юденкова и др. (при содействии Ольги Мазур). Обработкой фонда А.С. и М.П. Боткиных в настоящее время занимаются Н.В. Ильина, О.К. Ментюкова, А.Ю. Несмеянова. Стеклянные слайды и негативы оцифрованы Н.И. Митраковым.
- ² Некоторые из таких слайдов имеют подписи на эмульсии, обозначающие запечатлённое место; другие имеют аналоги среди оцифрованных и выложенных во всемирную сеть изображений, где их авторы порой атрибутированы.
- ³ Европейские путешествия П. М. Третьякова. М.: ГТГ, 2016.
- ⁴ *Зилоти В. П.* В доме Третьякова. М.: ГТГ, 2016. С. 361.
- ⁵ Там же. С. 381.
- 6 М. П. Третьякова А. П. Боткиной. 16 сентября 1895, Котре // ОР ГТГ. Ф. 48. Ед. хр. 3866. Л. 1–2.
- ⁷ Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской Семье // Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина. СПб.: Царское дело, 2010. С. 127.
- 8 Вероятно, имеются в виду Гавайские острова.
- ⁹ Егоров Б. Ф. Боткины. СПб.: Наука, 2004. С. 268.
- Это не было прямым железнодорожным сообщением, поскольку из-за различия в ширине колеи беспересадочное сообщение между Российской империей и Западной Европой было невозможно. Поэтому пассажиры из России на границе, буквально на той же платформе, пересаживались в другой поезд в направлении Парижа, составленный из аналогичных вагонов.
- ¹¹ М. П. Боткина А.П. Боткиной. 30 апреля 1899, Лиственничное // ОР ГТГ. Ф. 48. Ед. хр. 3936. Л. 2 об.
- ¹² *Беляева А. М., Зиничева Е. А.* Окно в прошлое. Доктор Живаго и его фотоархив в ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 2015. С. 40.
- 13 М. П. Боткина А.П. Боткиной. 27 сентября/ 10 октября 1900, Сан-Франциско // ОР ГТГ. Ф. 48. Ед. хр. 3938. Л. 2.
- 14 М. П. Боткина А. П. Боткиной. 6/19 октября 1900, Сан-Франциско // ОР ГТГ. Ф. 48. Ед. хр. 3939. Л. 3 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 1-1 об.
- 16 Там же. Л. 1 об.–2 об.
- ¹⁷ М. П. Боткина А. П. Боткиной. 6/19 октября 1900, Сан-Франциско // ОР ГТГ. Ф. 48. Ед. хр. 3939. Л. 3–3 об.
- 18 Там же. Л. 1-3.
- 19 Там же. Л. 2 −2 об.
- ²⁰ М. П. Боткина А. П. Боткиной. 27 сентября/ 10 октября 1900, Сан-Франциско // ОР ГТГ. Ф. 48. Ед. хр. 3938. Л. 1об.–2.
- ²¹ М. П. Боткина А. П. Боткиной. 6/19 октября 1900, Сан-Франциско // ОР ГТГ. Ф. 48. Ед. хр. 3939. Л. 3 об.
- ²² Пароход был оборудован для размещения около 1400 пассажиров 120 первого класса, 250 второго класса и 1000 третьего класса. Стоимость проезда составляла 150 долларов между Сан-Франциско и Иокогамой или 200 долларов между Сан-Франциско и Гонконгом.
- ²³ М. П. Боткина А. П. Боткиной. 6/19 октября 1900, Сан-Франциско // ОР ГТГ. Ф. 48. Ед. хр. 3939. Л. 1 об.
- ²⁴ А. С. Боткин [М. П. Боткиной] // ОР ГТГ. Ф. 278. Б. н.

Т. И. ГАНФ

(Санкт-Петербург)

ВРАЧЕБНАЯ ДИНАСТИЯ СЕМЬИ БУЛАХ. ПЕРЕСЕЧЕНИЯ С БОТКИНЫМИ

Аннотация. Статья посвящена памяти Андрея Глебовича Булаха, доктора геолого-минералогических наук и подвижника, занимавшегося историей особняка С. С. Боткина на Потёмкинской улице. Некоторые предки и родственники А. Г. Булаха были медиками, выпускниками Военно-Медицинской академии, продолжателями традиций боткинской терапевтической школы. В приложении к статье опубликовано письмо Д. Г. Булаха Е. С. Боткину.

Ключевые слова. Булах, Боткин, медицина, Военно-медицинская академия, генеалогия.

T. I. GANF

(Saint Petersburg)

MEDICAL DYNASTY OF THE BULAKH FAMILY. INTERSECTION WITH BOTKINS

Abstract. The article is dedicated to the memory of Andrei Glebovich Bulakh, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences and an ascetic who studied the history of S. S. Botkin's house on Potemkinskaya Street. Some ancestors and relatives of A. G. Bulakh were medicines, graduates of the Military Medical Academy, continuers of the traditions of the Botkin therapeutic school. D. G. Bulakh's letter to E. S. Botkin is attached to this article.

Keywords. Bulakh, Botkin, medicine, Military Medical Academy, genealogy.

Традиции многих семей складываются не всегда из увлечений, пристрастий, а очень часто исходя из внешних обстоятельств. Однако врачебная деятельность, особенно, если она относится к практической медицине, должна основываться на многих тонких, но обязательных личностных качествах. Проницательность, интуиция, общительность, контактность и, в то же время, чувство собственного достоинства, умение держать дистанцию, ощущать возможную и полезную степень соприкосновения с окружающими. Всеми этими «врачебными» качествами обладал выдающийся учёный, просветитель, популяризатор науки Андрей Глебович Булах. Очевидно, эти качества были присущи и многим его предкам. Моя

статья основана на документах архивов, библиотек, а также сведениях из бесед с Андреем Глебовичем: фактов, легенд, догадок. Как пример, происхождение рода Булах из татар, принявших православие при царе Алексее Михайловиче. Или, как Андрей Глебович сам сформулировал, - «сухая голова», присущая многим его предкам, анатомическая особенность – признак определённого типа интеллектуальной деятельности. Эти темы никак не затрагиваются в моей статье, как и иные, интересные, но невозможно объять необъятное. Сожалею, что не пришлось из-за постоянных эпидемических ограничений 2020 года поработать в фонде Булах-Гардин, находящемся в Рукописном Отделе РНБ, а также в фонде В. Р. Гардина в ЦГАЛИ с документами Галебских. Фотографии из семейного альбома, подписанные Кириллом Булахом¹ и любезно предоставленные нам Викторией Викторовной Кондратьевой, вдовой Андрея Глебовича, оживят сухие факты формулярных списков и адресных книг.

Первый врач из этого рода – личный дворянин Смоленской губернии, врач Ржевского уезда Тверской губернии *Булах Степан Андреевич (Яковлевич?)* (1805—1872), из обер-офицерских детей, выпускник Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии 1831 года². Отслужив, как казённокоштный, положенный срок военным врачом, он не мог получить место, но, заказав панихиду на могиле блаженной Ксении и горячо помолившись, на следующий день получил назначение в Ржев уездным врачом. С 1856 года он – старший врач Тверской губернии, служил в Духовном ведомстве, был автором ряда медицинских статей, в том числе «Опыт разрешения вопроса о способе устройства сельской медицины в России»³. Имея ответ на практическое решение этого насущнейшего в крестьянской России вопроса, он осмелился опубликовать статью вызвавшую отклики. Андрей Глебович поминал его как своего предка, выслужившего дворянство, вписанное в формулярные списки его потомков: «из дворян Смоленской губернии».

Из шестерых его детей самым успешным был *Юрий Степанович Булах* (12.06.1840, Ржев – 1907, Санкт-Петербург, Смоленское православное кладбище), тайный советник, сенатор, в 1900 году служил в Гражданском Кассационном департаменте Сената, проживал в Петербурге по Озёрному переулку, д. 3–9.

Булах Егор Степанович – врач в Смоленске, где и скончался в 1846 году. Числится в Российском медицинском списке, но подробности биографии и медицинской деятельности пока не установлены⁴.

Булах Георгий Георгиевич (18.04.1845 – 1902), сын врача, из дворян Смоленской губернии, окончил Московский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1864) и артиллерийскую академию (1879), генерал-майор с 1895 года. Исполнительный труженик, учёный, посвятивший жизнь прикладной военной науке, в 1893 году полковник,

помощник начальника Санкт-Петербургского Арсенала. Вышел в отставку в чине генерал-майора, но продолжал трудиться. В год своей кончины, 1902, занимал пост начальника Технической артиллерийской школы (полевая пешая артиллерия). Был неоднократно отмечен и награждён, в том числе орденами Св. Станислава 2-й степени и Св. Анны 2-й и 3-й степеней. В браке с Варварой Ивановной, урождённой Дыховой, был отцом пятерых детей: Егора (Георгия) (27.10.1868 – погиб в 1918), Николая (27.03.1870 – 1940)⁵, Ивана (5.04.1884 – ?)⁶, Наталии (19.05.1882 –)⁷ и Димитрия (13.07.1872 – 11.04.1922) – деда Андрея Глебовича⁸.

Судя по метрическим записям церквей Спасо-Бочаринской, Артиллерийской и Медицинской академий, слушатели, курсанты, преподаватели и служители охотно роднились с соседями. Привязанность к Выборгской стороне, где многие члены этих родственных семей учились и росли, сказалась в том, что крещение детей, браки, свидетельства об их смерти с большой долей вероятности можно найти в документах Спасо-Бочаринской приходской церкви. Даже в 1884 году семья полковника Г. Г. Булаха, служившего на Путиловском заводе и проживавшего на Петергофском шоссе, в доме 67, крестила в Спасо-Бочаринской церкви новорождённого сына Ивана Булаха. На семейные праздники приглашались друзья, сослуживцы.

Семья Акимовых - отходники-крестьяне из села Глазово Козельского уезда Калужской губернии. Яков Иванович Акимов подростком был отдан в услужение Перетцу, богатому, но бездетному Петербургскому купцу. Тот, видя его усердие и честность, назначил Якова своим наследником с условием прибавления к его фамилии своей. Яков Иванович оправдал доверие хозяина, став петербургским купцом 2-ой гильдии, владея гастрономами, бакалейными лавками, несколькими домами⁹. Сын этого купца и внук ямщика-гужевика Константин Яковлевич Акимов-Перетц (1869— 1921), выпускник ИВМА (1893), доктор медицины, врач по внутренним болезням. Развивая, в традициях боткинской терапевтической традиции, границы диагностических исследований, К. Я. Акимов-Перетц подготовил докторскую диссертацию на материале мужской городской Обуховской больницы¹⁰. Получив разносторонний практический опыт, а также опыт научно-исследовательской работы, результаты которой он ежегодно докладывал на совещаниях врачей больницы, был назначен Главным врачом Общины св. Евгении, врачом Амбулатории Попечительного комитета о сёстрах милосердия и Сестрорецкой санатории. Публикация «Записок по внутренним болезням доктора медицины» 11 относится ко времени его преподавания на Подготовительных курсах сестёр милосердия, в ИВМА в качестве приват-доцента. Константин Яковлевич - автор многочисленных научных публикаций¹², достойный представитель боткинской терапевтической школы. К сожалению, опытнейший терапевт, эпидемиолог, администратор, педагог, он умер в 1921 году от острого заболевания почек, из-за неоказания необходимой ему медицинской помощи, поскольку в его квартире ЧК [чрезвычайная комиссия] устроила длительную засаду на его сына, рассчитывая, что сын обязательно придёт к умирающему отцу.

Ил. 1. Г. Д. Булах с кузенами и кузинами. Фотография 1910 года. Слева направо сидят – Глеб Булах, Дмитрий Акимов-Перетц, Вадим Сидоренко, Кирилл Туманов (Гордон), Андрей Галебский; стоят Зинаида и Мария Акимовы-Перетц. Архив А. Г. Булаха

Молодёжное общение включало студентов университета, курсантов кадетских корпусов, художников и академистов духовной, артиллерийской и военно-медицинской академии. На фотографии [ил. 1], сохранившейся в семейном архиве А. Г. Булаха, потомок Акимовых-Перетц (по матери) Кирилл Туманов – на диване, в галстуке. Его судьба сложилась счастливо: после гибели отца овдовевшую Марию Яковлевну спас врач Аркадий Львович Гордон (климатолог), вывезя из Ленинграда. Выйдя за него замуж, она сменила фамилию, а отчим усыновил Кирилла, дав этим возможность получить образование, воспитал его. Гордон Кирилл стал выдающимся врачом, хирургом, скончался 95-ти лет от роду, оставив о себе благодарную память среди потомков, послужив обществу в традициях русской врачебной школы.

Эту молодую компанию ждали трагические испытания. Барышни Зинаида и Мария дожили до старости, как и Кирилл. Младшие – крайний слева *Димитрий Акимов-Перетц* расстрелян в 1917 году, рядом с ним – склонивший голову мальчик – *Вадим Сидоренко* – утоплен в барже в 1918 году. Ещё один юноша, крайний справа первом ряду – *Андрей Галебский*, о нём речь впереди.

Дмитрий Георгиевич Булах [ил. 2] (13.07.1872 - 11.04.1922) - дед Андрея Глебовича Булаха, сын генерала-артиллериста, закончив гимназию, поступил Санкт-Петербургский университет. Как и сыновья Сергея Петровича Боткина, на 3-м курсе перешёл в ИВМА, которую закончил в 1898 году со званием лекарь¹³, заняв должность директора Лавальского приюта на 160 детей. В 1899 году Дмитрий женился на дочери купца Акимова-Перетиа Ольге Яковлевне и до 1904 года в должности младшего врача 98-го Юрьевского пехотного полка служил в Даугавпилсе (Двинск). Участие в русско-японской войне сблизило его с Евгением Сергеевичем Боткиным, ставшим руководителем его докторской диссертации, библиографический список которой, с литературой о лейкоцитолизе, во многом совпадает

Ил. 2. Дмитрий Георгиевич Булах. Фотография 1898 года. Архив А. Г. Булаха

с кругом литературы, цитируемой Е. С. Боткиным в своих статьях по этой теме¹⁴. В диссертации Д. Булаха встречаются многочисленные ссылки на труды Е. С. Боткина¹⁵, а также слова благодарности – «Во время работы я неоднократно пользовался советами многоуважаемого Евгения Сергеевича Боткина»¹⁶. К моей статье приложено письмо Д. Булаха с просьбой о помощи сестре милосердия. Евгений Сергеевич Боткин как член Военно-санитарного учёного комитета, способствовал назначению ей пенси.

В 1906 году в Российском Медицинском списке Д. Г. Булах числится лекарем в армии в чине коллежского асессора. Защитив докторскую диссертацию, он не оставил научно-исследовательской работы¹⁷, сочетая её с большой практикой. В 1912 году Дмитрий Булах директор Сухаревской школы Женского Патриотического общества, врач амбулатории Санкт-Петербургского Попечительства о сёстрах милосердия, школьный и практикующий врач по внутренним болезням. В Первую Мировую войну формировал и отправлял на фронт разнообразные санитарные отряды, эвакуационные поезда, питательные пункты, госпитали тыловые, госпитали для легкораненых, хирургические. Фотография из журнала Нива [ил. 3] сделана в момент проводов госпиталя под патронажем и при участии великой княгини Марии Павловны, где сёстрами милосердия трудились великая княгиня Ольга Александровна, Елена Петровна, королевна Сербская. На групповом снимке госпиталь великой княгини Марии Пав-

ловны (младшей). В гражданской одежде в первом ряду главный врач Общины св. Евгении *Константин Яковлевич Акимов-Петертц*.

Ил. 3. Госпиталь общины св. Евгении № 3 (на 200 кроватей). Группа врачебного, санитарного и служебного персонала. Фрагмент фотографии. В 1-м ряду, третий слева К. Я. Акимов-Перетц, третья справа великая княгиня Мария Павловна Младшая. *Воспроизведено по:* Нива. – 1914. – 27 сентября. – № 39. – С. 749

Наряду с лечебной, терапевтической работой, Булах проявил себя организатором, с января 1915 года он председатель военно-эвакуационной комиссии при Николаевском военном госпитале. Первого января 1916 года Д. Г. Булах был награждён Знаком Красного Креста как сверхштатный врач больницы общины сестер св. Евгении. После революции он служил в Военном госпитале для заразных больных, где в отдельном деревянном здании проживала и его семья. Госпиталь располагался напротив Смольного, ныне на этом месте большое здание Дома Политпросвета. Огромный потенциал учёного, исследователя, который проявлялся даже в голодные, холодные послереволюционные годы публикацией научных работ, сотрудничеством с Петроградским государственным физиотерапевтическим институтом (Таврическая улица, д. 45) не был реализован. Этот институт, в создание которого было вложено немало сил доктора Булаха, члена Общества помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, имел стационар на 75 коек, 2 амбулатории, кабинеты для физио-электро-светолечения, массажа, механотерапии. Всё это было создано, оборудовано для восстановления здоровья раненых воинов, которыми Дмитрий Булах занимался ещё с русско-японской войны. Во время его ареста, в 1918 году, раненые красноармейцы заступились за врача и смогли его спасти. Его гуманизм простирался так далеко, что он, опекая раненых, покупал им лекарства, вёл приёмы изувеченных воинов в своём доме, подвергая опасности заражения семью. Скончался он безвременно, выполняя свой врачебный долг, заразившись от больных тифом, который для ослабленного социальными катаклизмами и переутомлением организма стал смертельным. Своей сердечностью и отзывчивостью он во многом напоминает своего учителя Евгения Сергеевича Боткина.

В книге сына Дмитрия Булаха Глеба¹⁸ описаны эти трагические годы, крайняя усталость отца, его появившаяся голодная привычка собирать хлебные крошечки со стола, редкие моменты участия отца, ранее весёлого и галантного в развлечениях молодёжи. Но он оставался таким же внимательным профессионалом, когда дело касалось его долга врача. В эти годы, оборвавшие жизни многих людей, резко изменившие течение жизни других, превративших успешных, состоявшихся профессионалов в изгоев, выдвинулся в управленческие структуры государства, всех областей науки, образования - новый тип людей, целью жизни которых стало устройство «счастья всех людей». Интересно, что социальными утопическими идеями, которыми были отравлены ещё деды, «болело» не одно поколение. Глеб Булах жалел, что мать умерла в «первый день перестройки», не успев насладиться свободой, равенством и демократией. Правдивость, искренность всех опубликованных воспоминаний членов этой семьи, их желание сохранить не почётные грамоты, а реальную память, вызывает глубочайшее уважение, признательность.

Ил. 4. Борис Эмильевич Родэ (второй справа) на австрийском фронте. Фотография 1916 года. Архив А. Г. Булаха

Кирилл и Андрей Глебовичи продолжили дело отца, собирая новые свидетельства о дедушке - замечательном враче, продолжателе традиций боткинской школы, традиций русского интеллигента, учёного. христианина. Похоронен Дмитрий Булах на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры, на дорожке, которая ведёт к часовне блаженного Матфея Татомира. По окончании следующей мировой войны, в день памяти дедушки, в канун Благовещения, Андрей прошёл с тётей Татьяной Булах к часовне, как когда-то его прадед приходил к месту упокоения святой блаженной Ксении. Татьяна помогала ему заглянуть в окно часовни, поскольку войти туда в то время было невозможно. И хотя не известна могила умершей в блокаду от голода жены врача, бабушки Андрея Булаха - **Ольги Яковлевны Булах.** (урождённой Акимовой-Перетц. 1879—1942), её имя есть на кресте. Кстати, Андрей Глебович был против изменения, улучшения вида этой скромной могилы. Бетонная раковина, как он заметил, была сделана из цементного раствора и обломков мраморных крестов и плит с соседних могил, ранее тесно окружавших могилу его деда. Она представляет собой совокупный памятник многим покоящимся здесь же православным, но забытым, лишённым крестов, скромного могильного холмика.

Две сестры милосердия трудились в действующей армии: *Наталья Егоровна Булах* – в русско-японскую войну, её племянница *Зинаида Георгиевна Булах* (11.01.1897 –?)¹⁹ – в Первую мировую войну в Подвижном лазарете Иверской общины. В формулярном списке есть её фотография в сестринской форме. В семейном архиве А. Г. Булаха сохранилась фотография, на которой запечатлена ещё одна сестра милосердия: *Надежда Николаевна Роде* (скончалась в 1932 году в Одессе), её дочь, Любовь Эмильевна Роде, выйдя замуж за Глеба Булаха, соединила два рода.

Ещё один выдающийся врач, служение которого страждущему человечеству состоялось благодаря помощи подчинённых-солдат, предупредивших, что его собираются арестовать и расстрелять. На фото [ил. 4] изображена группа военных, в чёрной одежде – **Борис Эмильевич Родэ**, он придерживает под уздцы лошадь, на которой очень скоро пересечёт линию фронта, прикрываемый боевыми товарищами, помогающими ему бежать. Борис Родэ был искустным хирургом (операции челюстно-лицевые, голосовых связок и дыхательных путей, пластические операции лица), имел широкую практику и состоятельных пациентов. Скоропостижно скончался в 1961 году²⁰.

Выдающимся отоларингологом, учеником Н. П. Симановского был *Алексей Яковлевич Галебский* (1877—1936), носивший фамилию отца – Якова Галебского. Родная сестра приват-доцента ИВМА Константина Яковлевича Акимова-Перетца Антонина Яковлевна Акимова-Перетц (1878—1942) вышла замуж за А. Я. Галебского, проживавшего с родите-

лями и братьями на Фурштадтской улице, в доме 60. Этот дом – соседний с домом, в котором жили сначала Сергей Сергеевич Боткин, затем -В. Р. Гардин с женой, а затем – семья Булах, А. Я. Галебский – автор десятков статей по весьма современно звучащим темам²¹. Докторская диссертация была защищена им в Военно-медицинской академии на кафедре ученика С. П. Боткина профессора Н. П. Кравкова в 1906–1907 годах²². Новая отиар-клиника, построенная профессором, учеником С. П. Боткина Н. П. Симановским в 1902 году, приняла в свои стены молодых учёных, которые разрабатывали не только терапевтические, в продолжение первоначально организованной С. П. Боткиным кафедры, но хирургические способы лечения заболеваний уха, горла, носа. Н. Симановский смело приступал к разработке хирургии туберкулеза, рака горла, применения новых технических средств диагностики и при операциях. А. Я. Галебский был в числе самых перспективных его учеников-хирургов, одним из основателей детской отоларинорингалогии²³. Проживая с женой в ссылке в Куйбышеве и Оренбурге, семья Галебских переписывалась с В. Р. Гардиным, сохранившим письма, находящихся в настоящее время в ЦГАЛИ в фонде Гардина, есть и иные архивные фонды²⁴.

Выжившие в годы революции, войн, эпидемий, в ссылках и заключениях члены этой семьи снова сплачивались, поддерживали друг друга, помогали прописаться, устроиться на работу, принимали скитальцев под свой кров, делились последним. Каждый из них в меру своих сил сумел противостоять всем испытаниям, состояться в профессии и сохранить память о своих предках в книгах, написанных и изданных ими, в сохранённых и аттрибутированных семейных фотографиях, в заботе об их могилах: на Никольском, Большеохтинском и Богословском кладбищах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо доктора Булаха Е. С. Боткину²⁵

Глубокоуважаемый Евгений Сергеевич! Зная Вашу всегдашнюю отзывчивость и доброту, обращаюсь к Вам с просьбой оказать возможное содействие бывшей сестре милосердия Александре Инаевой. Вы её, может быть, помните, так как она участвовала в проводах Вас с войны. Дело её состоит в следующем. Во время отступления от Мукдена она упала вместе с лазаретной линейкой с моста и сильно разбилась. Сейчас же после ушиба она не догадалась исправить себе удостоверение о повреждениях, полученных ею вследствие падения. С театра войны она уехала по болезни. Но свидетельствовалась [как пострадавшая – Т. Г.] для причисления к Комитету о раненых уже после и была причислена к 3-му классу.

Здоровье её, со временем, стало значительно ухудшаться, она лишилась вполне трудоспособности и принуждена была просить о причис-

лении её ко 2-му классу раненых. Тут пошли для неё разные невзгоды: в нескольких военных госпиталях её признавали подлежащей причислению ко 2-му классу, и болезнь её (травматический невроз и смещение женских органов) ставилась в прямую связь с ушибом, но каждый раз на Учёном комитете этой связи не усматривали, и просьбы её не удовлетворяли. Бумаги её попали ко мне и ещё одной особе, работающей в Обществе повсеместной помощи, весной прошлого года, и мы принялись за её дело. Таким образом, я познакомился с самой Инаевой, и неоднократно мне приходилось оказывать ей медицинскую помощь, так как она жила рядом со мной.

На Пасхе генерал Каульбарс (бывший командующий 2-ой армией), лично знавший Инаеву, был у неё в [гостях – Т. Г.] и при нём с ней случился тяжёлый припадок, который я видел, так как случайно зашёл её навестить. Генерал Каульбарс выдал ей удостоверение о том, что она, действительно, была расшиблена при падении в реку с моста во время Мукденского отступления. С другой стороны врач, у которого она работала на войне, удостоверил, что она, до падения, была совершенно здорова. Тогда, собрав эти документы, она вновь подала прошение об освидетельствовании в Николаевский госпиталь. Там её положили на испытание и, наконец, составили свидетельство во вполне благополучном для неё смысле.

Теперь свидетельство её скоро должно будет попасть на рассмотрение Учёного комитета. Вот просьба моя и состоит в том, чтобы Вы замолвили словечко в Комитете, и вообще, поддержали бы её просьбу в нём. Извините, пожалуйста, за то, что я беспокою Вас, но нужно видеть эту несчастную женщину, чтобы понять, что не оказать ей посильной помощи нельзя. Искренне преданный Вам доктор Булах. 1913.12.04. Греческий, 11.

На заседаниях Военно-Медицинского Учёного комитета (ВМУК), членом которого был Е. С. Боткин, от 27 мая, 29 мая, 3 июня 1909 года был рассмотрен вопрос о пенсиях нижних чинов, потерявших здоровье на действительной службе. Решено: 1. По болезни – финансировать из Государственного Казначейства. 2. По ранениям и увечьям – из Государственного Казначейства и Инвалидной комиссии. На заседаниях 1909 года Инаева получила отказ в причислении её ко 2-му классу пострадавших.

В Военно-Медицинском журнале за 1913 год²⁶ был опубликован отчёт 51-го заседания ВМУК по назначению пенсий за 1911 год, в том числе 11.163 дел о раненых нижних чинах и их семьях, потерявших кормильцев и 1.046 дел о раненых офицерах. Вопрос, очевидно, решился в пользу Александры Инаевой, так как в журналах «Вестник РОКК» за 1913 год она числится в списках сестёр милосердия, получавших пенсию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Булах Кирилл Глебович (1929—1999) капитан 1-го ранга, профессор, автор нескольких учебных пособий по специальности и ряда повестей, воспоминаний. Похоронен на Большеохтинском кладбище Санкт-Петербурга.
- ² Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели. СПб., 1882. Тетрадь 4. С. 42; «Булах Степан. Окончил МХА (1826) со званием Лекарь по 1 разряду и ветеринарное (1839), по 2-му отделению. Выпущен в Выборгский пех[отный] полк. С 1835 в 7-й Батальон Финляндской линии, Штаб-лекарь, доктор медицины, в СПб Медико-Хирургической академии (1837). Далее служил в гражданском ведомстве врачом Ржевского уезда (с 1838). Там же в учреждениях Духовного ведомства. Автор публикаций. Награждён орденами Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 3-й степени, знаком отличия за 25 лет беспорочной службы, тёмно-бронзой медалью в память войны 1853 1854 годов. Его сын был тоже врач в Смоленске: Булах Егор Степанович».
- 3 Российская Медицинская газета. 1863. № 21.
- 4 Российский Медицинский список за 1845 год. СПб., [б. д.]. С. 43. Булах Егор штаб-лекарь, надворный советник.
- 5 Николай Георгиевич Булах горный инженер, работал на Путиловском заводе, в Баку. Усыновил детей брата, пропавшего (погибшего?) в революцию: Леонида, Елену, Георгия. Булах Николай Егорович, горный инженер, преподаватель Азербайджанского политехнического института: металлургия стали, термическая обработка, лабораторные исследования сплавов. Проживает в Баку, ул. 28 апреля, д. 13, кв. 31.– в кн.: Наука и научные работники СССР. Ч. 6. Л., 1928. С. 49.
- 6 Иван Георгиевич Булах инженер, работал в Иране, в революцию связь с ним была потеряна, его детей усыновил брат Николай. В его деле студента Электротехнического института Александра III есть копия формулярного списка отца Г. Г. Булаха. ЦГИА СПб. Ф. 990. Оп. 2. Д. 180 (1902 г.). В генеральном каталоге РНБ несколько изданий, статей, посвященных производству и обработке стали, сплавов, подписанные «Студент горного института Иван Булах».
- ⁷ Наталия Егоровна Булах (19.05.1882 ?) старшая сестра милосердия в русскояпонскую войну, служила на поезде № 2, в Харбине, на поезде № 10; награждена в 1907 году. ЦГИА СПб. Ф. 202. Оп. 2. Д. 1070. После революции с мужем и детьми уехала в Гонконг, затем в США. По свидетельству А. Г. Булаха, связь с ними потеряна.
- ⁸ Даты рождения детей даны по копии формулярного списка Г. Г. Булаха. См.: ЦГИА СПб. Ф. 990. Оп. 2. Д. 180. Л. 6.
- 9 В том числе дом, фланкирующий вход на Сенной рынок с Московского проспекта д. 1. Этот участок принадлежал князьям Вяземским, от фамилии которого местные трущобы именовали «Вяземская лавра». По семейным преданиям, рассказанным А. Г. Булахом, какие-то внебрачные связи сближали Вяземских с Акимовыми-Перетц.
- 10 Акимов-Перетц К. Я. Клинические материалы к вопросу о влиянии жира на сокоотделительную деятельность желудка. Из мужской городской Обуховской больницы. – СПб., 1897. Серия диссертаций ИВМА в 1896–1897 г. – № 84.
- 11 Акимов-Перетц К. Я. Записки по внутренним болезням доктора медицины. СПб., 1904.

- 12 Акимов-Перети К. Я. К вопросу о смешанной инфекции при холере. Оттиск из Больничной газеты Боткина. СПб., 1895; Акимов-Перети К. Я. Случай слипчивого перитонита в области привратника желудка. Доложено на совещании врачей Обуховской больницы 12.04.1896. Оттиск из Больничной газеты Боткина. СПб., 1896; Акимов-Перети К. Я. Случай совместного течения брюшного тифа и острого суставного ревматизма. Оттиск из Больничной газеты Боткина. СПб., 1898.
- 13 РГВИА. Ф. 316. Оп. 63. Д. 315. Личное дело кончившего ИВМА Булаха Дмитрия.
- ¹⁴ Булах Д. Г. О лейкоцитолизе при брюшном тифе у детей и соотношении его с появлением реакции Widal"я и дизореакции. Из детской больницы принца Петра Ольденбургского. Диссертация на степень доктора медицины / Серия диссертаций ИВМА, 1909–1910. № 45. СПб., 1910.
- 15 Там же. С. 10–12, 14–15, 19, 55.
- ¹⁶ Там же. С. 57.
- 17 Булах Д. Г. Случай врождённого порока сердца // Врачебная газета. 1911.
- 18 Булах Г. Д. Молодость, ты прекрасна. (Записки инженера). СПб., 2008.
- 19 ЦГИА СПб. Ф. 202. Оп. 2. Д. 2162. Формулярный список сестры милосердия военного времени Булах 3. Г., окончившей Симбирскую гимназию (1914), 4-х месячные курсы сестер, курсы чертежницы при Главном Штабе. Приложены 2 фото.
- ²⁰ Булах А. Г. Модель художника Константина Сомова и французский импрессионизм в Нельсоне (Канаде). Судьба и ветви семьи Эмиля Павловича Роде. СПб.: изд. дом «Коло», 2005. С. 40.
- ²¹ Галебский А. Я. О какоинизации спинного мозга. Доклад в обществе русских врачей 23.03.1900. Эксперим. исследования из Фармакол. лаборатории проф. Н. П. Кравкова. Оттиск из газеты «Больничная газета Боткина». СПб., 1900; Галебский А. Я. Об операциях под непосредственной проверкой лучами Рентгена. Сообщение в Русском Хирургическом обществе Пирогова 29.10.1903. Оттиск из газеты «Русский врач». 1904. № 12.
- ²² Глебский А. Я. К вопросу о методе лечения при помощи интратрахеальных вливаний per vias naturales (Экспериментально-патологоанатомические исследование и наблюдение над клиническим применением этого у легочных больных). Пропедевческая терапевтическая клиника профессора А. П. Фавицкого. СПб., 1907.
- ²³ Галебский А. Я. Об операциях под непосредственной проверкой лучами Рентгена. Сообщено в Русском хирургическом обществе Пирогова 29.10.1903 г. Оттиск из Русского врача – 1904. – № 12.
- ²⁴ Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 873. Оп. 4. Ед. хр. 42. А. Я. Галебский; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 114. Д. 1120 (1901). Метрические свидетельства Галебского.
- 25 ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 29.
- 26 Военно-медицинский журнал. 1913. № 1. С. 164–170.

Н. В. БЛАГОВО

(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

М. Т. ВАЛИЕВ

(Общество друзей школы К. Мая; Санкт-Петербург)

СУДЬБЫ ОДНОКЛАССНИКОВ С. М. БОТКИНА

Аннотация. В статье рассматриваются биографии четырнадцати из девятнадцати одноклассников Сергея Михайловича Боткина, совместно с ним обучавшихся в гимназии и реальном училище К. И. Мая в д. 13 на 10-ой линии Васильевского острова Санкт-Петербурга.

Ключевые слова. Образование, гимназия и реальное училище К. Мая, Императорский Санкт-Петербургский университет.

N. V. BLAGOVO

(The Saint Petersburg Roerich family Museum; Saint Petersburg)

M. T. VALIEV

(Society of Karl May School Friends; Saint Petersburg)

THE FATES OF SCHOOLFELLOWS OF S. M. BOTKIN

Abstract. The article examines the biographies of fourteen from nineteen schoolfellows of Sergei Mikhailovich Botkin, who studied together with him at Gymnasium of K. May on Vasilievsky Island, 10th line, no. 13.

Keywords. Education, gymnasium and real school K. May, St. Petersburg Imperial University.

Предлагаемая вниманию читателей статья является дополнением к публикации «Майские потомки М. П. Боткина» и посвящена судьбам тех юношей, с которыми будущий филолог учился в школе К. Мая. Порог нового для него среднего учебного заведения Сергей впервые переступил осенью 1903 года, когда был принят в V класс Гимназии. Его одноклассниками оказались 19 юношей: Густав Банг (V²–VII³), Василий Бородин (V–VIII), Август Вальдштейн (V–VIII), Иван Веймарн (V–VIII), Владимир Гартман(V), барон Иосиф Гинцбург (V–VIII), Георг Громме (V–VII), Александр Камкин (V–VIII), Николай Кистер (V–VIII), Константин Лудзский (V), Александр Лялин (V), барон Николай Мейндорф (V–VIII), Георг (Георгий) Петри (V–VIII), Николай Соколов (V–VIII), Владимир Таганцев (V–VIII), Эдгар Фишер (V–VIII), Сергей Ходошин-Крыницкий (V-VIII), Георгий Шварц

(V–VIII), Владимир Эссаулов (V)⁴. Четверо из них, В. Гартман, К. Лудзский, А. Лялин и В. Эссаулов после окончания пятого класса покинули школу, но приходило и пополнение – в VI классе присоединились Фёдор Кемпе и барон Александр Корф, только в VII классе посещал занятия Вильгельм Визинг, лишь курс выпускного VIII класса проходил Павел Райский. Благодаря выполненным исследованиям в настоящее время известны многие факты биографий двенадцати из вышеназванных соучеников сына академика Императорской Академии художеств М. П. Боткина, которые приводятся ниже.

Густав Роберт (Романович) Банг родился в Петербурге 23 марта 1889 года в семье предпринимателя Роберта Александровича Банга (16.09.1846 – 13.03.1916) и Эмилии Паулины Васильевны Брандт (17.09.1850 –25.04.1905), проживавшей в то время в доме № 13 по Кадетской линии Васильевского острова. Его прадед Иоганн Вильгельм Банг (1765—1808) приехал в Россию из Германии в зрелом возрасте и владел в столице небольшим сахарным заводом, заслужив звание купца первой гильдии. В соответствии с традициями рода, пятеро старших представителей которой получали школьное образование «у Мая», Густав поступил в 1898 году в І класс гимназии, располагавшейся тогда в доме № 13 на 10-ой линии. Особыми успехами в учёбе не отличался, его средний балл

колебался в пределах 3.36–4.11. Получив знания в объёме семи классов, он оставил учёбу в гимназии. В это время семья проживала в доме № 4 по Тучкову переулку, рядом с которым, в соседнем доме № 2, располагалась контора «Бангъ и К. (импорт кофе, чая и колониальных товаров. Тучкова набережная, 2, телефон 51078. Владелец Банг Макс. Ром.)». Умер в возрасте 23 лет 17 декабря 1911 года в Петербурге⁵.

Василий Николаевич Бородин [ил. 1] родился 16 марта 1890 года в городе Уральске, Оренбургской губернии в семье Николая Андреевича Бородина (23.11.1861, Уральск — 22.12.1937, Кембридж) и его жены Лидии Сергеевны. Отец, потомственный дворянин, титулярный советник, был известным учёным-ихтиологом, политическим деятелем и журналистом, депутатом Государственной думы І-го созыва от Ураль-

Ил. 1. Василий Бородин. Фотография 1907 года. Собрание ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 48807. Л. 8

ской области, членом конституционно-демократической фракции. Не позднее 1898 года семья переехала в Санкт-Петербург, и Василий поступил в старший приготовительный класс. С самого начала учился очень хорошо, четыре раза заканчивал очередной учебный год первым, его среднегодовой балл находился в пределах 4.0-4.89, итоговый балл 4.9 позволил ему заслужить серебряную медаль, в аттестате была единственная оценка 4 по законоведению. В аттестате отмечено, что «поведение его вообще было отличное, исправность в посещении и приготовление уроков отличная, прилежание отличное и любознательность по всем предметам весьма живая, особенно к естественным наукам». Высшее образование получил на естественном отделении физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета⁶, который окончил в 1912 году и вернулся в Уральск, где занимался ихтиологией. Когда началась война с Германией, он поступил в юнкерское училище. По неподтверждённым сведениям, после 1918 года В. Н. Бородин сражался в Белой армии и погиб в годы Гражданской войны⁷.

Август Августович Вальдштейн родился в 1889 году в Санкт-Петербурге в семье купца I гильдии Августа Николая Августовича Вальдштейна католического вероисповедания и Софии Анны, урождённой Кинд, лютеранского вероисповедания. Крещён 2 февраля 1890 года по католическому обряду в церкви Во имя Посещения Пресвятой Девой Марией Св. Елисаветы. Семью Вальдштейн связывали тесные дружеские и родственные отношения с семьёй Бенуа. При крещении Августа его восприемниками записаны Иван Августович Вальдштейн – дядя Августа, и Мария Карловна Бенуа, урождённая Кинд (1861—1909), жена Альберта Николаевича Бенуа (24.3.1852 — 16.05.1936) – тётя Августа. Семья Вальдштейн неоднократно упоминается в мемуарах А. Н. Бенуа⁸, который был женат на Анне Карловне Кинд (9.08.1869 — 30.03.1952), родной сестре Софии Карловны.

Отец Августа служил в Русском для внешней торговли банке, на Фондовой бирже, в Первом Российском страховом от огня обществе. Семья жила далеко от школы К. Мая, на Почтамтской и Торговой улицах. Несмотря на это, он осенью 1900 года поступил во 2-й класс реального училища К. Мая, после 3-го класса перешёл в гимназию, учился все годы посредственно, и окончил со средним баллом 3.67. Войну с Германией он начал в чине прапорщика Лейб-гвардии мортирного артиллерийского дивизиона, с октября 1914 года – подпоручик, с ноября 1916 года – поручик. Доблестно сражавшийся офицер заслужил пять орденов: Св. Анны II, III IV степени, Св. Станислава II, III степени. После демобилизации в 1918 году подал документы в Петроградский университет⁹. Его дальнейшая судьба неизвестна¹⁰.

Иван Иванович Веймарн родился 21 мая 1888 году в Санкт-Петербурге в дворянской семье участника Русско-турецкой войны

1877-1878 годов, начальника штаба Отдельного корпуса пограничной стражи, генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Веймарна (08.03.1852 — 1915)11, которого после окончания Русско-турецкой войны назначили товарищем военного министра Болгарии (1884); позднее он исполнял обязанности военного министра Болгарии. Вышел в отставку в 1908 году с производством в генералы от кавалерии. Начальное образование Иван получил в Пятой Санкт-Петербургской гимназии. В 1903 году поступил в V класс гимназии К. Мая, успехами в учёбе не отличался, среднегодовой балл находился в пределах 3.33-3.88, выпускной класс окончил в 1908 году. В том же году его приняли в Императорский Санкт-Петербургский университет¹². После октябрьского переворота остался в России, жил в Ленинграде. В 1941 году, 11 мая его необоснованно арестовали и 6 июля по постановлению Ленинградского городского суда приговорили по статье 58-10 ч. 1. к 10 годам лишения свободы и 5 годам поражения в правах. Умер в исправительно-трудовом лагере. Реабилитирован 28 декабря 1992 года¹³.

Осип (Иосиф-Евзель) Давидович Гинцбург родился в Санкт-Петербурге 27 января 1887 года в семье титулярного советника, купца, барона Давида Горациевича Гинцбурга и Матильды Юрьевны, урождённой Гинцбург¹⁴. В V класс гимназии принят осенью 1903 года, все годы учился прекрасно, его среднегодовой бал 4.5–4.8, что принесло ему заслуженную золотую медаль. Продолжил образование на естественном отделении физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. В это время он и его семья проживали по адресу: Васильевский Остров, 1-я линия, дом № 4. После окончания первого семестра в 1908 году его, согласно прошению, перевели на факультет восточных языков по японо-китайскому разряду, который он и окончил в 1912 году¹⁵. После октябрьского переворота эмигрировал во Францию. Скончался 12 ноября 1930 года во французском Бьерке¹⁶.

Фёдор (Теодор) Борисович (Бернгардович) Кемпе родился 5 июня 1888 года в Санкт-Петербурге в семье потомка Альбрехта Кемпе, выходца из померанского города Штральзунд. Его отец, Бернгард Альбертович Кемпе (25.11.1850 — 27.10.1902), горный инженер, сотрудник Российско-американской резиновой мануфактуры «Треугольник», с 1898 года занимал пост её директора. Он являлся родным братом Агнессы Альбертовны Кемпе (10.01.1845 — 27.07.1928), второй жены К. И. Мая, чья дочь от первого брака Анна Карловна Май (17.06.1863 — 22.09.1922) вышла замуж за Петра Альбертовича Кемпе (10.10.1852–20.01.1921), в последствии тайного советника. Таким образом, Фёдор Кемпе одновременно являлся племянником основателя школы и его дочери. Осенью 1899 года он поступил во II класс гимназии, несмотря на то, что в это время семья квартировала по адресу: Петергофский проспект, дом № 4, достаточно да-

леко от школы. В первые годы учился не очень хорошо, его среднегодовой балл находился в пределах 3.1–3.8, однако в старших классах серьёзно повысил успеваемость, что позволило ему заслужить серебряную медаль по окончании учёбы в 1907 году. В дальнейшем он получил инженерное образование и, продолжая фамильные традиции, служил инженером-химиком на Российско-Американской резиновой мануфактуре «Треугольник». После октябрьского переворота 1917 года вместе с матерью потомственный почётный гражданин Ф. Б. Кемпе эмигрировал в Швецию, где в Стокгольме 19 января 1928 года сочетался браком с Дагмарой фон Барклай де Толли (08.02.1903 — ?)¹⁷.

Николай-Владимир фон Кистер родился в Санкт-Петербурге 28 сентября 1888 года в немецкой семье служащего страхового общества потомственного дворянина Вильгельма Эдуарда Александра (Василия) Николаевича фон Кистера (1862—1923) и дочери врача Аделаиды Львовны Вильцер, проживавшей в квартире № 7 дома № 6 по 7-й линии Васильевского острова. Вместе с ним также росли младший брат Василий и сёстры Вера и Тамара. В 1897 году Николай поступил в приготовительный класс школы К. Мая, где в 1871–1877 годах учился его отец. Успехи в учёбе на протяжении всех девяти лет были довольно скромными, среднегодовой балл в основных классах гимназии находился в пределах 3.11-3.78. В 1907 году, 31 мая он получил аттестат зрелости № 209 следующего содержания, подписанный директором А. Л. Липовским: «Дан сей дворянину Николаю Владимиру (фон) Кистеру, реформатского вероисповедания, родившемуся в С.-Петербурге 28 сентября 1888 г., в том, что он обучался с августа 1898 г. в С.-Петербургской гимназии К. Мая и кончил полный 8-классный её курс. Отличного поведения. Любознательность – достаточная. Обнаружил следующие познания: Закон Божий – 5; русский язык – 3; философская пропедевтика – 4; латинский язык – 3; математика – 3; физика – 3; история – 5; матем<атическая> география – 5; география – 3; законоведение – 4; немецкий язык – 5; французский язык – 4». В том же году его приняли на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, где он учился до 1913 года с перерывом на исполнение воинской повинности в качестве младшего унтер-офицера Лейб-гвардии Преображенского полка с 1 октября 1911 года по 1 августа 1912 года. С 19 января 1913 года Николай продолжил учёбу уже на юридическом факультете Императорского Юрьевского университета, из которого выбыл 17 мая 1914 года в связи с поступлением на воинскую службу в Лейб-гвардии Преображенский полк. К глубокому сожалению, вскоре после начала войны с Германией, молодой защитник Отечества умер от ран, полученных в бою 11 сентября 1914 года. Об этом печальном событии сообщила одна из столичных газет в публикации «Жертвы войны Н. В. Кистер»: «Скончавшийся от ран, полученных в бою, прапорщик Николай Владимир фон Кистер, уроженец Петрограда. По окончании гимназии К. Мая, покойный поступил в Петроградский Университет, который окончил по юридическому факультету. Покойному было 25 лет от роду. Сегодня в 6 часов вечера гроб с останками Николая Владимира фон Кистера будет привезён в Петроград» 18. Похоронили героя на Смоленском лютеранском кладбище, где в 1923 году нашёл свой последний приют и его отец.

Представляет интерес сохранившееся письмо декана юридического факультета на имя ректора Петроградского Университета Э. Д. Гримма¹⁹ от 6 февраля 1915 года: «Честь имею препроводить Вашему Превосходительству 50 руб., присланные на моё имя Василием Николаевичем Кистером для внесения за учение какого-либо из неимущих студентов-юристов по усмотрению юридического факультета. Вместе с деньгами В. Н. Кистер прислал книги юридического содержания для распределения их по Кабинетам или научным студенческим кружкам. То и другое пожертвование делается Василием Николаевичем Кистером в память сына его, бывшего питомца нашего университета, Николая Васильевича Кистера, павшего в бою 11 сентября 1914 года». Резолюция – «сообщение о смерти сына г-на Кистера включить в список павших»²⁰.

Барон Александр Николаевич фон Корф родился в Санкт-Петербурге 5 ноября 1889 года в семье почётного мирового судьи, дворянина Курляндской губернии, барона Николая Николаевича фон Корфа, принадлежавшего к древнему роду, известному в Лифляндии с XV века, и его жены Софьи Борисовны, урождённой Миллер. Поступил в VI класс гимназии осенью 1904 года, проявил хорошие способности ко всем предметам и окончил с серебряной медалью и следующими оценками в аттестате: Закон Божий – 5, русский язык – 4, философская пропедевтика – 5, латинский язык – 5, математика – 4, география – 4, физика – 4, законоведение – 4, история – 5, математическая география – 5, география – 5, немецкий язык –5, французский язык – 5. Там же отмечено, что «поведение его было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков – отличная, прилежание – отличное и любознательность по всем предметам живая». Следует отметить, что в школе К. Мая учились пять представителей семьи Корф, в том числе, отец Александра, Николай Николаевич Корф (окончил полный курс гимназии в 1873 году), и два его дяди – Борис Николаевич Корф (учился в гимназии в 1869-1872 годах) и Семён Николаевич Корф (окончил полный курс гимназии в 1873 году). После окончания гимназии Александр продолжил образование на юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского Университета, учёбу в котором завершил в 1911 году²¹. В 1917 году Александр венчался в Петрограде с Татьяной Евгеньевной Утиной (12.12.1891 — 04.04.1961). После октябрьского переворота семья Корфов эмигрировала в Латвию, а затем переехала в Германию, где барон А. Н. фон Корф скончался 25 сентября 1946 года в местечке Ноттенсдорф близ Горнебурга²².

Константин Маркович Лудзский родился 10 декабря 1887 года в Санкт-Петербурге в семье инженера-технолога Марка Львовича Лудзского (1854—1929), редактора журнала «Фотографический Листок» и представителя петербургского отделения компании «Іохим и Ко», принадлежавшей к петербургской немецкой интеллигенции. В приготовительный класс школы он поступил осенью 1897 года, в основных классах гимназии учился весьма посредственно, дважды оставался на второй год, его среднегодовой балл находился в пределах 2.77–3.3, после окончания VI класса в 1906 году он выбыл из школы. С 1901 года вместе с ним посещал школу его младший брат Станислав. Впоследствии Константин Маркович работал учителем немецкого языка в одной из ленинградских школ и умер от голода в 1941 году, после того как у него украли продуктовые карточки. В том же году Станислава расстреляли фашисты в городе Пушкине, где он жил²³.

Барон Николай Феофилович (Богданович) фон Мейендорф

[ил. 2], младший сын генерала от кагенерал-адъютанта валерии. барона Феофила (Богдана) Егоровича фон Мейендорфа (1838—1919) и Елены Павловны, урождённой графини Шуваловой (1857—1943), дочери графа П. А. Шувалова (1830—1908), русского посла в Берлине и варшавского генерал-губернатора, родился в Вильне 10 декабря 1887 года. Осенью 1901 года поступил в III класс гимназии. Все годы учёбы в школе не блистал высокими отметками, его среднегодовой балл находился в пределах 3.09-3.73. В аттестате были зафиксированы следующие оценки: Закон Божий - 3, русский язык - 3, философская пропедевтика - 4, латинский язык - 3, математика - 3, физика - 3, законоведение - 3, история - 3, матем<атическая> география - 5, география – 5, французский язык – 4. Кроме того, было отмечено, что «поведение

Ил. 2. Николай фон Мейендорф. Фотография 1907 года. Собрание ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 50069. Л. 1

его вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков достаточная, прилежание достаточное и любознательность по всем предметм средняя»²⁴.

После окончания школы в 1907 году он продолжил образование в Императорском Санкт-Петербургском университете на факульте-

те Восточных языков по санскрито-персидско-армянскому разряду, но курс учёбы в Университете не завершил и в 1911 году был отчислены за невзнос платы²⁵.

После отчисления из Университета вступил в военную службу вольноопределяющимся. В 1913 году выдержал экзамен в Михайловском артиллерийском училище и произведён поручиком в Лейб-гвардии Конной артиллерии полк, участвовал в Первой мировой войне, ранен, награждён орденом Св. Анны 4-й степени. В Гражданскую войну сражался в гвардейской артиллерии в составе Вооруженных сил Юга России, в 1919 году имел чин полковника²⁶. В 1920 году он вместе с мамой эвакуировался через Константинополь в Вену, где оставил маму у двоюродной сестры, жены австрийского графа, а сам уехал в Париж и окончил там Академию художеств. Получив новую профессию, Николай Феофилович в письме к королю Сербии предложил свои услуги в качестве художника. Глава сербской династии Александр I ещё во время своего обучения в Пажеском корпусе в Санкт-Петербурге опекался семьёй Мейендорфов и поэтому в ответном письме пригласил его на работу в Белград в качестве дворцового художника-мозаиста. В 1920-е – 1930-е годы он участвовал в групповых выставках русских художников, в том числе в Белградском университете (1924) и Большой выставке русского искусства (1930). В 1920-е годы в составе группы русских художников снимал копии фресок древних сербских храмов и участвовал вместе с Иваном Мельниковым в реставрационных работах в монастыре Жича. Расписывал православные храмы, писал иконы. Им были созданы мозаичные образы Владимирской Божией Матери на фронтоне церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Зальцбурге и Феодоровской Божией Матери над входом в храм-памятник Николая II во имя Святого праведного Иова Многострадального в Брюсселе (1968). Его творчество позволило ему состоять членом общества «Икона» в Париже.

Дочь Николая Феофиловича, баронесса Елена Николаевна, в одном из интервью вспоминала: «Он впоследствии стал знаменитым художником – представителем православной живописи и расписал 23 церкви, работал для 3-х королевских дворов, написал минимум 40 икон. Одна из его последних работ – роспись русского православного храма в Гамбурге. А главный труд – усыпальница королевской династии в местечке Топола, находящаяся в соборе на вершине зелёной горы. Там внутри, на стенах и куполах, 3600 метров квадратных заполнены мозаикой, эскизы к которой делал мой папа. Впоследствии он сам научился изготовлять мозаики, например, делал мозаичный иконостас для русской церкви Святой Троицы в Бостоне. К сожалению, он не успел его завершить, и пришлось работу доделывать мне по его эскизам»²⁷.

В годы второй мировой войны барон Н. Ф. Мейендорф служил в Русском корпусе, сформированном в Югославии. С октября 1941 по январь

1942 года – казначей 2-го полка, с января 1942 года – командир транспортной роты при штабе Корпуса²⁸. После окончания войны художник жил в Зальцбурге, где скончался 17 марта 1969 года и был похоронен там же. В счастливом браке Николая Богдановича с Ниной Александровной Мейендорф, урождённой Асеевой (18.08.1896 — 13.08.1971), родилась единственная дочь, баронесса Елена Николаевна фон Мейендорф (15.04.1923 — 5.03.2014), сохранившая память о своём отце и ставшая основательницей «Центра русской культуры в Зальцбурге²⁹.

Георгий (Карл-Юлий) Эдуардович фон Петри [ил. 3] родился

26 ноября 1888 года в Санкт-Петербурге семье учёных этнографов, ординарного профессора Императорского Санкт-Петербургского университета Эдуарда Юльевича Петри (1854—1899) и его жены Евгении Львовны, урождённой Гринберг, научной сотрудницы Музея антропологии и этнографии. Он был младшим братом Бернгарда Эдуардовича Петри (1884—1938), будущего этнолога, профессора. В І класс гимназии поступил в 1899 году, уже с III класса выдвинулся в число лучших учеников, его среднегодовой балл находился в пределах 4.0-4.92, и блестяще окончил полный курс в 1907 году, заслужив золотую медаль. В том же году продолжил образование на историческом отделении историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, во время учёбы занимался на семинаре профессора И. М. Грев-

Ил. 3. Георг Петри. Фотография 1907 года. Собрание ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51131. Л. 1

са, увлекался историей итальянского средневековья, особенно учением св. Франциска Ассизского. После окончания университета в 1912 году был оставлен на кафедре всеобщей истории, где в 1913–1916 годах под руководством профессора И. М. Гревса изучал историю политической борьбы в средневековой Италии. С 1913 года преподавал историю в старших классах Коммерческого училища Э. Ф. Мурашкинцевой, где с сентября 1917 года до закрытия училища в декабре 1918 года занимал должность директора. Параллельно вёл уроки в гимназии Г. К. Штемберга (1914–1918), в Коммерческом училище М. А. Шидловской (1917–1918), в 6-й городской гимназии, преобразованной при новой власти в 21-ю Со-

ветскую Единую Трудовую школу Куйбышевского района, директором которой состоял в 1920–1929 годах.

В 1923 году Г. Э. Петри был избран членом Петроградского Совета. В 1920-е годы являлся сотрудником Экскурсионного института и Государственного института научной педагогики, преподавал экскурсионное дело в Петроградском университете на факультете языка и мышления, летом вёл семинары экскурсоводов в пригородах, вместе с Н. П. Анциферовым руководил Павловским семинаром. Серьёзно занимался историей искусства, изучал историю Петербурга и его окрестностей. Опубликовал несколько работ по методике экскурсий³⁰.

В июле 1929 года его уволили из университета за то, что «ведя курс экскурсионного дела, совершенно не в состоянии построить его на основах марксистского метода». Летом 1930 года талантливого учёного арестовали по делу «Академии наук». Он провёл год в карцерах и одиночках дома предварительного заключения на Шпалерной улице и печально знаменитой тюрьмы «Кресты», затем был по приговору Коллегии Объединённого государственного политического управления (ОГПУ) по статье 58, пункт 1 осуждён на три года ссылки в Северный край. Энциклопедически образованный специалист, владевший немецким, французским, английским, итальянским и латинским языками, служил простым плановиком-экономистом в Лесхимсоюзе Архангельска. После возвращения из ссылки с ноября 1933 года он работал в Музее истории религии и атеизма, находившемся в Казанском соборе, участвовал в работе отдела «История францисканства». В 1935-1939 годах параллельно, на полставки, работал главным библиотекарем антирелигиозного отдела в Публичной библиотеке.

После начала войны занимался подготовкой фондов Музея к эвакуации. В феврале 1942 года вместе с женой, Марией Александровной, урождённой Миляевой (1892—1942), библиотекарем, и дочерью Натальей Георгиевной Петри (1923—2007), будущей учительницей математики, получил разрешение на эвакуацию. Выехать смог лишь 8 марта, а 11 марта 1942 года умер в поезде, не доезжая Тихвина. Вслед за ним, тоже в дороге, умерла и жена. Сын, Алексей Георгиевич Петри (1919—1942), геолог, воевал минометчиком и пропал без вести на фронте в том же роковом 1942 году³¹.

Владимир Николаевич Таганцев [ил. 4] родился в Санкт-Петербурге 2 октября 1889 года в семье известного юриста и государственного деятеля, будущего академика и действительного тайного советника, сенатора Николая Степановича Таганцева (1843—1923) и его жены Евгении Александровны Таганцевой, урождённой Кадьян. Начальное школьное образование он получил в пятой гимназии, но с осени 1903 года четыре последних учебных года учился «у Мая», с самого начала он отличался очень высокой

успеваемостью, став лучшим учеником класса, его среднегодовой балл находился в пределах 4.55–4.9, что принесло ему заслуженную золотую медаль

В том же году Владимир продолжил образование на естественном отделении физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, основной курс которого окончил в 1912 году. Следующий, 1912-1913 учебный год он продолжил занятия в группе географии. Был оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию, но впоследствии занимал только должность доцента. Изучал ледники Азии, пустынное выветривание, составлял карту почвенных зон Кокандского уезда Ферганской области. За исследования в Туркестанском хребте в 1915 году награждён малой серебряной медалью Географического общества.

Ил. 4. Владимир Таганцев. Фотография 1903 года. Собрание ЦГИА СПб. Ф. 144. Оп. 2. Д. 140. Л. 8

Во время войны с Германией В. Н. Таганцев служил начальником вьючного транспорта на Кавказском фронте. В сентябре 1917 года вернулся в университет и в апреле 1919 года был избран преподавателем на кафедре географии родного вуза. Он был инициатором создания в Залучье, бывшем имении Таганцевых под Вышним Волочком, Опытной станции для исследования озёрного ила (сапропеля), что дало основания для избрания его учёным секретарём Сапропелевого комитета РАН. В первый раз его арестовали в 1919 году за попытку послать из Залучья картофель голодающим коллегам в Петроград под видом сапропеля. Второй арест произошёл 31 мая 1921 года прямо на Опытной станции. Арестовали и её сотрудников, а также его вторую жену, Надежду Феликсовну, урождённую Марцинкевич (1895—1921)³². Было сфабриковано дело о так называемой «Петроградской боевой организации», возглавляемой В. Н. Таганцевым. Несмотря на обращение к В. И. Ленину академика А. П. Карпинского, в конце августа 1921 года без суда было расстреляно 107 человек, в их числе В. Н. Таганцев, его жена (женщины составляли более четверти невинно убитых), профессора Г. Г. Максимов, Н. И. Лазаревский, а также известный поэт Николай Гумилёв. Точная дата гибели учёного (предположительно в районе Бернгардовки) неизвестна и, по разным источникам, находится в интервале 25–29 августа 1921 года. В процессе проведённой в 1992 году Прокуратурой РФ и Следственным управлением Министерства безопасности России дополнительной проверки материалов уголовного дела «Петроградской боевой организации (ПБО)» установлено, что «ПБО, ставившей целью свержение советской власти, как таковой не существовало, она была создана искусственно следственными органами из отдельных групп спекулянтов и контрабандистов, занимавшихся перепродажей денег и ценностей за границей и переправкой людей, желавших эмигрировать из России, а уголовное дело в отношении участников организации, получившей своё название только в процессе расследования, было полностью сфальсифицировано». Владимир Николаевич Таганцев реабилитирован 27 апреля 1992 года. Его внук, Дмитрий Кириллович Таганцев, – профессор Высшей школы физики и технологии металлов, входящей в систему Политехнического университета им. Петра Великого³³.

Эдгар (Карл) Артурович Фишер родился в Санкт-Петербурге 8 августа 1889 года в семье железнодорожного служащего Артура Фёдоровича (Артура Филиппа Леопольда) и его первой жены Амалии Елизаветы Фишер. Вероятно, она вскоре умерла, потому что в следующем, 1890 году отец женился вторично на Берте Амалии Джон. Осенью 1899 года мальчика приняли в I класс гимназии, все годы отличался хорошей успеваемостью, его среднегодовой балл в шести случаях из восьми превышал 4.0, что позволило ему заслужить серебряную медаль. После окончания школы в 1907 году он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, учёбу в котором завершил в 1912 году, представив дипломную работу «Новый метод монтирования нормального скелета кисти» с отзывом приват-доцента Санкт-Петербургского университета Д. Третьякова: «Работу считаю весьма удовлетворительной. Приготовленный Эдгаром Артуровичем Фишером препарат передан в коллекцию Анатомического кабинета. 4 июня 1912 года». Однако приобретённых знаний ему показалось недостаточно, и в том же году Эдуард продолжил учёбу уже в качестве студента Военно-Медицинской академии, откуда 30 марта следующего, 1913 года перешёл на медицинский факультет Императорского Юрьевского университета. Но через полгода, 28 октября 1913 года, он неожиданно прекратил учёбу в этом вузе. Дальнейшая судьба его неизвестна³⁴.

Георгий Генрихович Шварц родился в деревне Шувалово Санкт-Петербургской губернии 1 июля 1889 года в семье купца 1-й гильдии, потомственного почётного гражданина Генриха Теодора Шварца и Клары Шварц, урождённой Мейер. Семья жила в собственном доме по адресу: Английская набережная, дом 30. Георгий поступил в I класс гимназии в 1899 году, все годы отличался очень хорошей успеваемостью, его среднегодовой балл находился в пределах 4.27-4.55, в аттестате была единственная оценка в 4 балла по законоведению, что заслуженно принесло

ему серебряную медаль. Поступил на естественное отделение физико-математического факультета Императорского университета, а с апреля 1908 года продолжил образование в Академии Художеств. Дальнейшая судьба неизвестна³⁵.

Как видим, судьбы одноклассников Сергея Михайловича Боткина, как и его самого, оказались чаще всего трагическими, хотя, конечно, разными, и в них отразились все особенности мятежного времени, в котором им пришлось жить, учиться, работать, умирать. Один, Н. В. Кистер, в раннем возрасте убит в сражении с германцами, один, В. Н Бородин, погиб в годы Гражданской войны, четверо – И. Д. Гинцбург, Ф. Б. Кемпе, А. Н. Корф и Н. Ф. Мейендорф эмигрировали, трое подверглись необоснованным репрессиям, причём И. И. Веймарн умер в лагере, а В. Н. Таганцева расстреляли, двое – К. М. Лудзский и Г. Э. Петри, умерли от голода в блокадном Ленинграде. Вполне вероятно, что их жизнь могла бы сложиться иначе, если бы пришлась в другие годы. Ведь тому были очень хорошие предпосылки, о чём свидетельствует ниже приводимый список выпуска 1907 года с указанием итогового балла и заслуженных медалей.

XLIV выпуск гимназии К. Мая. 1907 год.

Nº	Фамилия и имя	Средний бал	Медаль	
1	Бородин Василий	4.55	Серебряная медаль	
2	Боткин Сергей	4.8	Золотая медаль	
3	Вальдштейн Август	3.67		
4	Гинцбург Иосиф, барон	4.8	Золотая медаль	
5	Камкин Александр	4.22		
6	Кемпе Фёдор	4.45	Серебряная медаль	
7	Кистер Николай	3.78		
8	Корф Александр, барон	4.45	Серебряная медаль	
9	Мейендорф Николай, барон	3.2		
10	Петри Георг	4.92	Золотая медаль	
11	Райский Павел			
12	Соколов Николай	4.4		
13	Таганцев Владимир	4.9	Золотая медаль	
14	Фишер Эдгар	4.45	Серебряная медаль	
15	Ходошин-Крыницкий Сергей	4.23	Серебряная медаль	
16	Шварц Георг	4.55	Серебряная медаль	

Таким образом, из 16 юношей, окончивших школу в том году, четверо были удостоены золотой медали и шестеро – серебряной! Превосходный результат последовательной и кропотливой работы педагогов Гимназии К. Мая, среди которых стоит упомянуть протоиерея Д. К. Падалку (преподавал Закон Божий), В. Н. Кораблёва (русский язык), С. М. Введенского (латынь), Э. Э. Лямбека (немецкий язык), А. И. Альбера (французский язык), Д. Б. Ройтмана (алгебра и геометрия), Ф. И. Индриксона (физика), А. И. Солнцева (история). И, конечно, в этом достижении важную роль сыграли директоры, Василий Иванович Кракау и сменивший его на этом посту в 1906 году Александр Лаврентьевич Липовский. Не менее интересным и значимым является тот факт, что 14 выпускников затем были приняты в Императорский Санкт-Петербургский университет, один продолжил учёбу в Институте путей сообщения и ещё один – в Военно-медицинской академии³⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Благово Н. В. «Майские» потомки М. П. Боткина // Исторические Боткинские чтения. Вып. 1. СПб.: СПбГМИСР, 2017. С. 174–180.
- 2 Для нумерации классов в гимназии использовались римские цифры, а для классов реального училища арабские.
- 3 Классы совместной учёбы с Сергеем Михайловичем Боткиным.
- 4 ЦГИА СПб. Ф. 144. Оп. 1. Д. 29.
- ⁵ Лейнонен И. Л., Валиев М. Т., Валиева Н. Б. Биографическая страничка Густава Романовича Банга [Электронный ресурс]. Сайт «Школа Карла Мая. Общество друзей школы К. Мая "Майский жук"». Режим доступа: http://www.kmay.ru/sample_ pers.phtml?n=142 (Дата обращения 1 января 2021).
- 6 ЦГИА СПб. Оп. 14. Оп. 3. Д. 48807. Л. 2.
- ⁷ Валиев М. Т. Биографическая страничка Василия Николаевича Бородина [Электронный ресурс]. Сайт «Школа Карла Мая. Общество друзей школы К. Мая "Майский жук"». Режим доступа: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=336 (Дата обращения 14 января 2021).
- 8 Бенуа А. Н. Мои воспоминания в пяти книгах. Изд. 2, доп. М.: Наука, 1900. Т. 1. С. 472, 568, 668, 700.
- 9 ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 520.
- 10 Валиев М. Т. Биографическая страничка Августа Августовича Вальдштейна [Электронный ресурс]. Сайт «Школа Карла Мая. Общество друзей школы К. Мая "Майский жук"». Режим доступа: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=469 (Дата обращения 11 января 2021).
- 11 ЦГИА СПб. Ф. 144. Оп. 2. Д. 129. Л. 56.
- 12 ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51996.
- ¹³ Валиев М. Т. Биографическая страничка Ивана Ивановича Веймарна. [Электронный ресурс]. Сайт «Школа Карла Мая. Общество друзей школы К. Мая "Майский жук"». Режим доступа: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=514 (Дата обращения 2 января 2021).

- 14 ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 50997. Л. 36.
- ¹⁵ Там же. Л. 19.
- Валиев М. Т. Биографическая страничка Осипа Давидовича Гинцбурга. [Электронный ресурс]. Сайт «Школа Карла Мая. Общество друзей школы К. Мая "Майский жук"». Режим доступа: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=789 (Дата обращения 11 января 2021).
- 17 Валиев М. Т. Биографическая страничка Фёдора Борисовича Кемпе [Электронный ресурс]. Сайт «Школа Карла Мая. Общество друзей школы К. Мая "Майский жук"». Режим доступа: http://kmay.ru/sample_pers.phtml?n=1424 (Дата обращения 2 января 2021).
- 18 Жертвы войны. Н. В. Кистер // Вечернее время. 1914. 13 (26) сентября. № 876.
- 19 Эрвин Давидович Гримм (1870—1940) выпускник гимназии К. Мая 1887 года, ректор Императорского Санкт-Петербургского университета в 1911—1918 годах.
- ²⁰ Лейнонен И. Л., Валиев М. Т. Биографическая страничка Николая Васильевича Кистера [Электронный ресурс]. Сайт «Школа Карла Мая. Общество друзей школы К. Мая "Майский жук"». Режим доступа: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtm-1?n=1480 (Дата обращения 2 января 2021).
- 21 ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 49855.
- 22 Валиев М. Т. Биографическая страничка барона Александра Николаевича Корфа. [Электронный ресурс]. Сайт «Школа Карла Мая. Общество друзей школы К. Мая "Майский жук"». Режим доступа: http://kmay.ru/sample_pers.phtml?n=1592 (Дата обращения 14 января 2021).
- 23 Валиев М. Т. Биографическая страничка Константина Марковича Лудзского. [Электронный ресурс]. Сайт «Школа Карла Мая. Общество друзей школы К. Мая "Майский жук"». Режим доступа: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=1880 (Дата обращения 2 января 2021).
- 24 ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 50069. Л. 4.
- ²⁵ Там же. Л. 6.
- ²⁶ Мейендорфы // Большая российская энциклопедия / Ред. С. Л. Кравец. М: БРЭ, 2012. Т. 19. С. 597.
- ²⁷ Баронесса с чувством юмора // Новый венский журнал. Публикация 19.10.2010. [Электронный ресурс]. Сайт «Новый венский журнал». Режим доступа: https://www.russianvienna.com/sootechestvenniki-v-avstrii/994-2010-10-19-21-01-08. (Дата обращения 02.01.2021).
- ²⁸ Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 в шести томах / Сост. В. Н. Чуваков. М., 1999. Т. 4. С. 481.
- 29 Валиев М. Т. Мир искусства школы Карла Мая // На службе Отечеству. Вып. 2. (сборник подготовлен к печати).
- 30 *Петри Г.* Э. Опыт систематизации гуманитарных экскурсий // Вопросы экскурсионного дела. Л., 1923; *Петри Г.* Э. Вопросы экскурсионного дела по данным Петроградской экскурсионной конференции 10 12 марта 1923 г. Пг., 1923; *Петри Г.* Э. Исторические экскурсии по Эрмитажу. Л., 1924.
- ³¹ *Ершова М. Е., Валиев М. Т.* Биографическая страничка Георгия Эдуардовича Петри. [Электронный ресурс]. Сайт «Школа Карла Мая. Общество друзей школы К. Мая "Майский жук"». Режим доступа: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=2430 (Дата обращения 3 января 2021).
- 32 Первая жена Агния Ефимовна Бузолина умерла при рождении сына Кирилла.

- 33 Валиев М. Т. Биографическая страничка Владимира Николаевича Таганцева [Электронный ресурс]. Сайт «Школа Карла Мая. Общество друзей школы К. Мая "Майский жук"». Режим доступа: http://kmay.ru/sample_pers.phtml?n=3031 (Дата обращения 4 января 2021).
- ³⁴ Лейнонен И. Л., Валиев М. Т. Биографическая страничка Эдгара Артуровича Фишера. [Электронный ресурс]. Сайт «Школа Карла Мая. Общество друзей школы К. Мая "Майский жук"». Режим доступа: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=3213(Дата обращения 3 января 2021).
- 35 Валиев М. Т. Биографическая страничка Георгия Генриховича Шварца. [Электронный ресурс]. Сайт «Школа Карла Мая. Общество друзей школы К. Мая "Майский жук"». Режим доступа: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=3409 (Дата обращения 3 января 2021).
- ³⁶ Отчёт о состоянии гимназии и реального училища К. Мая в 1906–1907 году. СПб.,1908. – С. 42.

т. ю. бровкина

(Музей Императорской Николаевской Царскосельской гимназии; Санкт-Петербург)

ЦАРСКОСЕЛЬСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ БОТКИНЫХ. ТЕВЯШОВЫ – УШАКОВЫ

Аннотация. В статье прослеживаются связи семьи Боткиных с Царским Селом и Императорской Николаевской Царскосельской гимназией, в которой учились сыновья Лейб-медика Е. С. Боткина, а он сам состоял Председателем Родительского комитета.

Ключевые слова. Боткины, Царское Село, Николаевская гимназия

T. Y. BROVKINA

(Museum of Imperial Nikolas Gymnasium in Tsarskoye Selo; Saint Petersburg)

TSARSKOE SURROUNDING OF BOTKINS. TEVYASHOV – USHAKOV

Abstract. The article traces the relations of the Botkin family with Tsarskoye Selo and Imperial Nikolas Gymnasium in Tsarskoye Selo. The sons of the Leib Medic E. S. Botkin graduated from the gymnasium and he himself was a Chairman of the Parents' Committee.

Keywords. Botkin, Tsarskoye Selo, Nikolas gymnasium

Продолжая тему царскосельского окружения семьи Е. С. Боткина¹, расскажем о двух семьях потомственных военных, которых его дочь Татьяна Мельник-Боткина в своих воспоминаниях² называет близкими друзьями. Это семья Устиньи Александровны Тевяшовой и её дочери Устиньи Николаевны Тевяшовой, в замужестве Ушаковой.

Фамилия Тевяшовы пишется в разных документах как Тевяшевы, Тевяшёвы, Тевяшовы. В воспоминаниях Т. Боткиной фамилия пишется через 'о'. Это дворянский род, происходящий от выехавшего из Золотой Орды к Дмитрию Донскому татарина Хозя, в крещении Азария. Его внук Вавило Гаврилович Тевяш был родоначальником Тевяшевых, род которых внесён в VI часть родовой книги Воронежской и Харьковской губерний. Есть ещё род Тевяшовых, внесённый в VI и II части родовой книги Новгородской губернии³.

Упоминание фамилии Тевяшовых встречается в истории Царского Села ещё во времена Екатериной Великой. И что, особенно примеча-

тельно, это упоминание связано с началом организации в нашей стране противоэпидемических мер, которым так много посвятили своей жизни медики семьи Боткиных. Речь идёт об одной из эпидемий чумы во времена Екатерины II. Тогда для охранения Царского Села – резиденции Императрицы – были приняты особо строгие меры. Две ведущие Славянские дороги велено было перекопать широким рвом, перекинуть через него мостки из досок и загородить их рогатками, приставив стражу, которая не пропускала бы «из застав Тоснинских и Ижорских» никого, кто не имел свидетельства от заставных офицеров в том, что он и вещи его выдержали предписанный карантин. Таким же образом велено было загородить все деревни «Царскосельского ведомства». Ни во дворец, ни в дворцовую церковь никого не впускать. Обывателям Царского Села и соседних деревень запрещалось под строжайшим наказанием покупать у проезжих торговцев мануфактурные товары, впускать в свои дома чужих проезжих людей, торговцев и т. п. Для их ночлега должна была быть отведена особая изба, в которой, однако, разрешалось ночевать только тем, «которые признаны будут, что из здоровых мест». Обывательские и казённые дома велено «содержать в крайней чистоте, ежедневно окуривать их троекратно можжевельником или ельником» и часто проветривать. В случае

появления болезни в Селе, старосты обязаны были вести именные списки больных «горячкой с пятнами», а также скоропостижно умерших, которых запрещалось хоронить без осмотра врача. Для таких больных велено было устроить особый лазарет и при нём магазин крестьянского платья для выдачи нового платья выздоровевшим больным, старые же платья и бельё больных сжигать. За соблюдением всех этих правил должны были следить старосты и, кроме того, особые комиссары, а главное наблюдение над Царским Селом и всеми селами Царскосельского ведомства поручалось капитану Тевяшову4.

Главе семьи «наших» Тевяшовых в Царском Селе, возможно, пожить не удалось – семья, предположительно, переехала сюда уже после его смерти. Это генерал-адъ-

Ил. 1. Николай Николаевич Тевяшов. Фотография около 1904 года. Воспроизведено по: Разведчик. – 1904. – 14 сентября. – № 725

ютант Николай Николаевич Тевяшов (1841—1905) [ил. 1], представитель древнего дворянского рода Тевяшовых⁵. Николай Николаевич родился 31 июня 1841 года в слободе Колыбелка Острогожского уезда. Военный и административный деятель, генерал от кавалерии, флигель-адъютант (1881). Брат Владимира Николаевича и Евгения Николаевича Тевяшовых - выпускников Александровского Лицея. Н. Н. Тевяшов окончил школу Гвардии подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. На военной службе с 1859 года в Лейб-гвардейском Кирасирском полку. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Командир 12-го Гусарского Ахтырского полка (1876–1879), Лейб-гвардейского Конно-гренадерского полка (1879-1881). Командир 1-й бригады 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии (1881-1886). Чиновник особых поручений при военном министре (1886-1890). В течение пяти лет был Астраханским губернатором и наказным атаманом Астраханского казачьего войска (1890-1895). Начальник Главного интендантского управления и Главный интендант военного ведомства (1895–1904). В 1900 году Император пожаловал ему золотую украшенную бриллиантами табакерку с вензелевым изображением Высочайшего Имени, а в 1901 году ему был пожалован Бриллиантовый знак Ордена Св. Благоверного великого князя Александра Невского. Генерал-губернатор Туркестанского края (с июня 1904 года).

Скончался Николай Николаевич Тевяшов 24 ноября 1905 года в городе Ташкенте. Сначала он был похоронен в Царском Селе, через год перезахоронен в родной слободе Колыбелька. Похороны генерала в Царском Селе в 1905 году – первое упоминание об этой семье в нашем городе, установленное документально. В Царском Селе скончался и его младший брат Евгений Николаевич, но в 1914 году его похоронили на кладбище Александро-Невской Лавры.

В воспоминаниях Татьяны Боткиной фигурирует, прежде всего, супруга Николая Николаевича, дворянка Устинья Александровна Тевяшова, урождённая Козлова (1843—1918(?)). Она носила родовое наследуемое имя, в каждом поколении обязательно появлялась дочь с именем Устинья (Юстина, Иустинья). Происходила из очень древнего и интересного рода. Её отец, Александр Павлович Козлов (1802—1857) – из дворян Московской губернии, генерал-лейтенант, участник русско-персидской и русско-турецкой войн. Мама – Устинья Васильевна Зиновьева (1808—1897), внучка первой начальницы Екатерининского института в Санкт-Петербурге; одна из дочерей многодетного сенатора Василия Николаевича Зиновьева (1755—1827), от его второго брака с Устиньей Фёдоровной Брейткопф (1782—1820). По словам Витте, «семейство Козловых было очень почтенное, дворянское». Устинья Васильевна вместе с мужем была дружна с братьями Кюхельбекерами и Глинкой. Александр Павлович приходился четвероюродным братом поэту М. Ю. Лермонтову. Оба супруга похоронены в Петербурге.

Но наиболее примечательной фигурой был дед Устиньи Александровны по материнской линии - сенатор Василий Николаевич Зиновьев. Вельможа екатерининских, павловских и александровских времён, сенатор, тайный советник, камергер, президент Медицинской коллегии, он начал с учёбы в Лейпцигском университете, куда был направлен в 1766 году Екатериной II в числе 12 дворян для завершения образования «дабы употребить их было возможно с наибольшим проектом на пользу отечества». По возвращении в Россию в 1773 году Василий Николаевич становится флигель-адъютантом Г. Г. Орлова, своего двоюродного брата. Четыре года (1774–1778) Зиновьев ездит с поручениями в Европу, а унаследовав от отца огромное состояние, уезжает за границу на шесть лет. Василий Николаевич вернулся в Россию за год до Великой французской революции. Первым браком он был женат на внучке духовника Императрицы Елизаветы Петровны Ф. Я. Дубянского Варваре Михайловне Дубянской. Родив пятерых детей, она умерла в 1803 году. Находясь за границей, Зиновьев сблизился с масонами, был принят в ложу «вольных каменщиков». Его интересовала духовно-нравственная сфера, в частности, воспитание и образование девиц благородного происхождения. Провдовев год, Зиновьев женился на Юстине Фёдоровне Брейткопф, дочери начальницы Екатерининского института благородных девиц Анны Ивановны Брейткопф. Вторая жена Зиновьева была моложе его на 27 лет и родила 10 детей, среди которых и была мама Устиньи Александровны Устинья Васильевна. Воспитанница Екатерининского института Александра Осиповна Смирнова-Россет вспоминала: «Василий Николаевич был человеком очень благочестивым и больших достоинств. Он каждое воскресенье приходил в нашу церковь и помещал впереди себя своё многочисленное семейство. Зиновьев вовсе не жил как русские господа, спустя рукава, он жил очень скромно, всегда откладывал часть денег детям и держал их строго, кутежа и карт они не знали»⁶. Его внуки вели такой же благочестивый и бережливый образ жизни, как их дед.

Тевяшовы всю свою жизнь были активными благотворителями. Из пяти лет правления Н. Н. Тевяшова в Астрахани, на долю губернии выпали два особенно тяжёлых года: голодный 1891 и холерный 1892. Благодаря его ходатайству в это время была выделена значительная сумма денег на покупку хлеба для горожан и для поддержки станичных хозяйств. Устинья Александровна долгие годы была Председателем местного Благотворительного общества, собрав в 1890–1896 годах среди сограждан на цели милосердия сотни тысяч рублей, на которые было начато строительство инфекционной больницы для детей. 17 октября 1895 года, напутствуемые сердечными пожеланиями горожан, Тевяшовы покинули Астрахань, а 20 октября члены Астраханской городской Думы, проведя чрезвычайное заседание, единогласно постановили: «Поднести их превосходительствам

Николаю Николаевичу и Устинье Александровне Тевяшовым звания Почётных граждан города Астрахани с изготовлением Диплома архитектором Малаховским. Учредить стипендии их имени в Мариинской гимназии. Назвать улицу против городского ночлежного дома Тевяшовскою». Позднее, к сожалению, улицу переименовали, ныне это улица М. Максаковой⁷.

Опекала Устинья Александровна и детские приюты Ведомства Императрицы Марии в Санкт-Петербурге⁸. После смерти супруга она стала владелицей слободы Колыбелька и значительной недвижимости в Санкт-Петербурге. Продолжала активно поддерживать свою слободу и в годы Первой мировой войны. В частности, в пожертвованиях Колыбельскому комитету, по сообщению местной газеты, приняли участие Владимир Николаевич Тевяшов, Устинья Николаевна Ушакова, генеральша Устинья Александровна Тевяшова⁹.

Упомянутая Устинья Николаевна Ушакова, урождённая Тевяшова единственная дочь Николая Николаевича и Устиньи Александровны. Она была замужем (с 1890) за генерал-лейтенантом Ушаковым Михаилом Ивановичем (1857—1917 (?)). Его мать, Елизавета Александровна Ушакова (1836—1885), была княжной из рода Голицыных. Отец - Иван Михайлович Ушаков (1830—1875)10. В службу Михаил Иванович вступил в 1875 году, окончив Николаевское кавалерийское училище. В 1877 году выпущен прапорщиком в Лейб-гвардии Конно-Гренадерский полк. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Обер-офицер для поручений при Командующем войсками Закаспийского края (1880-1881). Участник кампаний 1880-1881 годов, во время которых был ранен и контужен. Состоял адъютантом Великого Князя Михаила Николаевича (1893–1904), затем состоял в его распоряжении (1904-1910) до выхода в отставку (1910). В том же году получил звание генерал-лейтенанта (за отличие) 11. Почётный опекун Опекунского Совета Учреждений Ведомства Императрицы Марии по Петербургскому присутствию с 5 июня 1910 года¹². Был награждён десятком орденов и Золотым оружием (1882)13. Владел имениями в Витебской, Курляндской и Орловской губерниях¹⁴.

У Ушаковых было двое сыновей, Николай и Михаил. Развелись родители около 1908 года. Предположительно, после развода дочери, но, возможно, и ранее, Устинья Александровна, забрав дочь и внуков с собой, переехала в Царское Село¹⁵. Здесь они ещё более сблизились с семьей лейб-медика Е. С. Боткина, внуки Устиньи Александровны поступили вместе с мальчиками Боткиными в Императорскую Николаевскую Царскосельскую гимназию, где Устинья Александровна, ожидаемо, стала членом Общества вспомоществования нуждающимся ученикам гимназии¹⁶, вместе с Ушаковым Иваном Филипповичем¹⁷.

По воспоминаниям Т. Боткиной, Устинья Александровна была достойным, образованным, благородным человеком: «Госпожа Тевяшова излуча-

ла благородство. Высокая и стройная, она очень прямо держалась, у неё были красивые, слегка вьющиеся белые волосы. Зимой она носила скромный чёрный, летом серый костюм, который ещё больше подчеркивал её обаяние и породу. Присутствие молодёжи ей было приятно, и я чувствовала себя в её обществе очень уютно. Ей было, по крайней мере, столько же лет, сколько моей бабушке, но это мне не мешало. Она умела разговаривать со мной как с подругой, и я восхищалась ею. Я часто думала, что когда мне будет за пятьдесят, я бы хотела на неё походить. Когда она узнала о разводе моих родителей [в 1910], она пригласила нас на Святки. Дмитрий и Юрий были очень дружны с её внуками Николаем и Микой Ушаковыми, у которых гувернёром был мистер Бойль, брат нашей гувернантки» 18.

Старший сын, Ушаков Николай Михайлович (1892—1973), родился 26 июля (ст. ст.) 1892 года в Санкт-Петербурге. В Николаевскую гимназию поступил в августе 1909 года в VII класс, окончил гимназию в 1911 году¹⁹. Затем, весной 1914 года, окончил курс Александровского Лицея. Служил прапорщиком в Лейб-гвардии Конном полку. Участвовал в Первой мировой войне в 5-м эскадроне Лейб-Гвардии Конного полка (1916–1917). И в Гражданской войне, с 1919 года, в Добровольческой армии в дивизионе Конной гвардии 1-го Гвардейского Сводно-Кирасирского полка²⁰.

Николай был женат (с 1914 года) на Ольге Николаевне, урождённой Вуич (1895—1980)²¹, дочери Николая Ивановича Вуича (1863—1917) и Елизаветы Вячеславовны Плеве, внучке Министра внутренних дел В. К. Плеве. Николай с супругой эвакуировался из Крыма в Константинополь в 1920 году. Жил в эмиграции в США, где преподавал русский язык в школе Морского министерства в Вашингтоне. Скончался 16 января 1973 года, в 1980 году умерла его супруга²².

Его младший брат, Ушаков Михаил Михайлович (1893—1978), родился 7 (ст. ст.) декабря 1893 года тоже в Санкт-Петербурге. В августе 1908 года поступил в Николаевскую гимназию в V класс, окончив её в 1912 году²³. Его одноклассником был Дмитрий Боткин, дети Ушаковых и Боткиных много времени проводили вместе. Татьяна вспоминает: «... Вечером, накануне Крещенья, 5 января [1914 года], я впервые надела на бал к Георгиевским новое шёлковое платье цвета слоновой кости, которое мне подарила моя тётя к Новому Году. Мои братья и я были приглашены на бридж к Путятиным²⁴, и Мика Ушаков предложил свои услуги в качестве "блюстителя моей добродетели". Отец согласился, наверное, потому, что Мика был внуком нашей уважаемой мадам Тевяшевой»²⁵.

После гимназии Михаил дополнительно окончил Высшие коммерческие счетоводные и железнодорожные курсы М. В. Побединского в Петербурге 26 .

В Царском Селе Тевяшова и Ушаковы жили в районе София, рядом с казармами, в которых были расквартированы царскосельские полки,

на Захаржевской улице, дом 12. С началом Первой мировой войны в её доме так же, как и в нескольких десятках других домов и квартир горожан, был открыт лазарет для выздоравливающих раненых. О нём писала местная газета: «Закрытие лазарета генеральши Тевяшовой на 10 нижних чинов на углу Захаржевской и Велиовской²⁷, собственный дом. Закрыт в конце января 1916 из-за уменьшения кол[ичест]ва больных, привозимых с фронта в Царское Село»²⁸.

Самыми страшными днями, пережитыми Боткиными в Царском Селе, были дни Февральской революции 1917 года. Старший сын Дмитрий погиб в первые месяцы войны. Юрий, тоже воевавший, но в это время находившийся в Царском Селе на излечении, жил с семьёй своей супруги, ожидавшей рождения их первенца. Евгений Сергеевич неотлучно находился рядом с заболевшими корью детьми Императора Николая II в Александровском дворце. В их доме на Садовой улице оставались только младшие Глеб и Татьяна. Понимая, какая опасность их ожидает в дни восстания в непосредственной близости от царского дворца, отец перевёз их в Софию, в дом Ульяны Александровны²⁹: «Папино лицо делалось всё серьёзнее и серьёзнее: "Сегодня после полудня восстание началось в Царском Селе. Немедленно пакуйте чемоданы – Садовая улица будет первой целью революционеров. Берите только самое необходимое. <...> Я сам отвезу Глеба и Татьяну к нашему другу госпоже Тевяшовой". <...> Наша приятельница встретила нас с большим радушием, а папа сразу же уехал во дворец. Вдалеке раздавалась стрельба. Мы не спали всю ночь. Старый слуга (Иван Капитонович) и его сын выходили время от времени и приносили известия с улицы. Солдаты были ещё относительно спокойны, но они болтались повсюду и стреляли ради потехи в воздух. <...> Мы были угнетены и глубоко потрясены. На улицах хотя и было полно солдат, но дворец ещё не был взят. <...> 2 марта папа приехал в гости <...> в своей генеральской шинели с красными отворотами и даже в собственном придворном экипаже с кучером на козлах. Тот был в пелерине с двуглавым орлом и в треуголке. <...> Через несколько минут мы обнаружили, что экипаж папы возбудил интерес группы вооружённых солдат, красные банты и мрачные лица которых не обещали ничего хорошего. В дверь позвонили. Госпожа Тевяшова, бесстрашная, как всегда, несмотря на свой возраст, сама открыла дверь. Офицерский денщик в сопровождении группы вооружённых солдат спросил угрожающим тоном: "Генерал Боткин у вас?"30 "Он врач, - ответила госпожа Тевяшова храбро, – и приехал к больному брату". В первом варианте воспоминаний, изданных ещё в 1921 году в Белграде, в этом месте у Татьяны (в скобках) была существенная сноска: «Это был факт, так как брат Устиньи Александровны лежал больной, а мой отец его лечил»³¹. О каком брате шла речь, Татьяна не уточняет. «"Это нас не интересует, ответил денщик. – У нас приказ арестовывать всех генералов". Госпожа Тевяшова повысила голос: "А меня не интересует, кого вы должны арестовывать и почему. Я – вдова генерал-адъютанта, и думаю, прежде всего вы должны соблюдать порядок; а теперь можете покинуть мой дом!" Новые герои ещё плохо были подготовлены к революционным подвигам и без дальнейших слов удалились»³².

«З марта вечером Устинья Александровна встревоженная вошла в мою комнату, где мы с братом пробовали развлечься чтением какойто книги: "Сын Ивана только что вернулся из Петрограда и говорит, что офицеры и солдаты ездят в автомобиле и разбрасывают бюллетени, в которых сказано, что Государь отрёкся за себя и за Наследника в пользу Михаила Александровича, а Михаил Александрович предоставил всё народному собранию". Мы не поверили, как не верили с первого слуха ни одному дурному известию, но на следующий день появился в газетах манифест об отречении, изложенный теми простыми и великими словами, которыми умел говорить один Государь... <...> Всё было кончено»³³.

«5 марта. <...> Когда я вернулась к госпоже Тевяшовой, то увидела её внука Мику Ушакова, только что вернувшегося с фронта. Временное правительство решило отложить наступление, так тщательно продуманное Царём и генералом Алексеевым. Дни проходили печально. Я играла на рояле. Мика молча слушал меня, держа руки в карманах. Однажды, когда Мики не было дома, госпожа Тевяшова провела меня по всем комнатам и показала все накопленные сокровища: мебель, фарфор, картины, драгоценности, повторяя каждый раз: "Это всё будет принадлежать Мике, когда он женится!" Милая, достойная почтения госпожа Тевяшова! Я легко догадалась, что её самым большим желанием было видеть Мику женатым. Если б мы поженились, то могли бы бежать со всеми деньгами, что у неё ещё были. Покинуть Россию и остаться за границей... Но как я могла оставить моего отца пленником в Александровском дворце?!»³⁴

Татьяна Боткина со своим младшим братом Глебом, как известно, отправились из Царского Села в 1917 году в Тобольск, к отцу, куда тот уехал, сопровождая семью сосланного туда новой властью отрекшегося от престола Николая II: «Мне предстояло приниматься за неблагодарную работу – убрать всё, что нам принадлежало, из нашего любимого дома на Садовой улице. «...» В ожидании скорого отъезда я заполнила папиными и своими вещами большой сундук и один чемодан и поставила их в подвал к госпоже Тевяшовой³⁵. «...» Моё прощание с госпожой было тоже очень грустным. Она отказывалась покинуть Петроград по причине, которую не хотела мне объяснить. У неё были деньги, и, как многие семьи, она могла бежать за границу и на Юг, куда ещё не проникла революционная агитация»³⁶.

Уже из Тобольска Татьяна послала мадам Тевяшовой немного муки, на что та ответила ей: «Твой мешочек с мукой я прижала к груди и пла-

кала от радости»³⁷. Татьяна пишет, что Устинью Александровну расстреляли чекисты (в 1918(?) году), по обвинению в контрреволюционной деятельности: «Мы жили скорее плохо, чем хорошо, но получали известия почти от всех старых знакомых. Бедная госпожа Тевяшова погибла в петроградской тюрьме ужасной смертью. Её арестовали как жену генерала по доносу их слуги, почтенного старца, которого все считали преданным и который в начале революции держал нас в курсе текущих событий»³⁸.

дочери, Устинье Николаевне, удалось эмигрировать в Польбыла учительнишу, гле году³⁹. цей скончалась В 1939 Трагично сложилась и судьба младшего внука Устиньи Александровны Михаила. Михаил Михайлович Ушаков [ил. 2] воевал на Первой мировой войне и окон-

Ил. 2. Михаил Михайлович Ушаков. Фотография 1952 года. Архив семьи Ушаковых

чил войну в чине поручика царской армии при Управлении Красным Крестом на Румынском фронте в г. Яссы. После революции стал управляющим Банка Бессарабии (ныне Молдова). Здесь он женился в 1931 году⁴⁰. Его супруга – Ксения Николаевна, урождённая Болотова (1901—1987) [ил. 3], родилась в городе Бендеры (Бессарабия), в семье поручика 56-го пехотного Житомирского полка Николая Васильевича Болотова и Марии Александровны, урождённой Подгурской⁴¹. Ксения была замужем дважды. Первый раз она вышла замуж в 1920 году за Дмитрия Фёдоровича Францисти из Костромы. У супругов родились двое сыновей: Сергей (1921) и Владимир (1924). В 1931 году Ксения вышла замуж второй раз, за Михаила Ушакова. Своих детей ни у Михаила, ни у Николая не было, род по этой линии прервался.

Бессарабия, где жили Ушаковы, находилась в составе Румынии в течение 22 лет, с апреля 1918 года, когда Совет Края Молдавской Демократической Республики проголосовал за объединение Бессарабии с Румынией, до июня 1940 года, когда согласно секретному протоколу советско-германского пакта 1939 года и после ультимативных нот Советского правительства Бессарабия была передана Советскому Союзу. С приходом в Бессарабию Советской власти банк ликвидировали, и Михаил Михайлович перешёл на работу бухгалтером в Молдавский инженерно-строительный Трест, где и работал до дня ареста. Его арестовали

через год после объединения, 13 июня 1941 года, по обвинению в контрреволюционной деятельности. В его деле отложилась «Справка на подлежащего аресту. Ушаков М. М. белогвардееи. поручик царской армии, женат на дочери белогвардейца полковника Болотова, бывший директор Банка Бессарабии. В 1920-1921 году бежал как белогвардееи от преследования Красной Армии в Румынию, где от румынского правительства пользовался привилегиями. т. е. занимал крупные посты, как директор Банка»42. Читая протоколы допросов Михаила Михайловича в его следственном деле⁴³, можно с уверенностью констатировать, что признательные показания о его принадлежности к «фашисткой королевской партии "Фронт национального возрождения"», за что он был осуждён, из него просто выбили.

 Ил. 3. Ксения Николаевна Ушакова, урождённая Болотова.
 Фотография около 1930 года.
 Архив семьи Ушаковых

8 июля 1942 года Михаила осудили к пяти годам исправительно-трудовых лагерей, и он был отправлен в Ивдельлаг в Свердловскую область. Супруга с сыновьями были сосланы в Козловский район Омской области, а через год – на север Тюменской области в село Кондинское Микояновского района. Михаила Михайловича освободили в октябре 1946 года, по отбытию срока заключения, и он приехал к сосланной семье. Органами Народного комиссариата внутренних дел СССР (НКВД) у него были отобраны документы, он жил как спецпоселенец до 1958 года, когда был реабилитирован Верховным судом Молдавской ССР⁴⁴. Семья переехала в Омскую область. По воспоминаниям его внука, дед «хорошо рисовал, научил меня играть в шахматы, помогал делать уроки, знал много языков. Был культурным и грамотным человеком. Но никогда не рассказывал о своём прошлом». Скончался Михаил Михайлович в 1978 году, Ксения Николаевна – в 1987 году.

Мы благодарим их внука, Ушакова Владимира Сергеевича (Омск), за предоставленные сведения и документы семейного архива.

ПРИМЕЧАНИЯ

Бровкина Т. Ю. Сыновья доктора Е. С. Боткина – гимназисты Императорской Николаевской Царскосельской гимназии // Исторические Боткинские чтения: Вып. 1. – СПб.: СПбГМИСР, 2017. – С. 210–221; Бровкина Т. Ю., Ганф Т. И. Адреса Боткиных

- в Царском Селе // Исторические Боткинские чтения: Вып. 2. СПб.: СПбГМИСР, 2019. С. 210–226; *Бровкина Т. Ю*. Царское Село и Николаевская гимназия в жизни семьи Боткиных // Исторические Боткинские чтения: Вып. 3. СПб.: СПбГМИСР, 2020. С. 160–168.
- ² Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской семье // Царский Лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина / Ред. К. Мельник, Е. Мельник. СПб.: Изд-во Царское дело, 2010. С. 116, 118 и далее.
- ³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1890–1907. Словник. Т. XXXII а. – 1901. – Тай – Термиты. – С. 756; доп. Т. II а. –1907. – Пруссия – Фома. – С. 742.
- 4 Супотницкий М. В., Супотницкая Н. С. Очерки истории чумы. В 2-х кн. М.: Вузовская книга, 2006. Кн. І. Чума добактериологического периода. С. 271–272.
- 5 Альманах современных русских государственных деятелей. СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1897. – С. 1218.
- 6 Мурашова Н. В., Мыслина Л. П. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Ломоносовский район. СПб.: Балтийская звезда: Алаборг, 2015. Фрагмент опубликован в газете «Балтийский луч». 2019. 23 августа. № 34.
- 7 Дикина Н. А. Спешите делать добро [Электронный ресурс]. Сайт Астраханского государственного объединённого историко-архитектурного музея-заповедника. Режим доступа: https://clck.ru/ShLEs (Дата обращения 03.01.2021).
- 8 ЦГИА СПб. Ф. 411. Оп. 3. Д. 3621. 1883. Попечительница У. А. Тевяшова.
- 9 Красюков Д. Г. Жители Острогожского уезда в Первой мировой войне. Воронежский вестник архивиста: научно-информационный ежегодник. Вып. 13. Воронеж: ВГПУ, 2015. С. 111.
- 10 Михаил Иванович Ушаков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://clck.ru/ SieA2. (Дата обращения 03.01.2021)
- ¹¹ Псковская губерния в период Первой мировой войны по архивным документам. Сборник документов. СПб., 2014. С. 807; Адресные книги «Весь Петербург».
- 12 РГИА. Ф. 759. Оп. 46. Д. 958.
- 13 «Русская армия в первой мировой войне». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://clck.ru/ShM7P. (Дата обращения 03.01.2021).
- 14 РГИА. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 859. 1868–1913. Имущественные документы генерал-лейтенанта М. И. Ушакова.
- 15 В это время в гимназию в Царском Селе поступили их сыновья.
- 16 Отчёт о деятельности Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Императорской Николаевской Царскосельской гимназии за 1910 г. СПб., 1911.
- 17 Сведения о нём не выявлены.
- 18 Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской семье // Царский Лейб-медик... С. 116.
- 19 ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 12689. Л.47 об.
- 20 Бюллетень Конногвардейского объединения. 1972–1973. № 19–20.
- ²¹ О помолвке было напечатано в газете: Вечернее Время. 1914. 15 (28) декабря.
- 22 Бюллетень Конногвардейского объединения. 1972–1973. № 19–20.
- 23 ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 13222. Л. 76-85.
- ²⁴ Путятин Михаил Сергеевич (1861—1938) князь, генерал-майор, военный моряк, последний начальник Царскосельского Дворцового Правления, эмигрант, иконописец, генеалог. Его сын Александр (1897—1954) учился вместе с Боткиными и Ушаковыми в Николаевской гимназии.

- 25 Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской семье // Царский Лейб-медик... С. 188.
- ²⁶ Архив УНКВД по Свердловской области Д. 02530 (0163178, 25652, 06457). По обвинению Ушакова М. М. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 4 УК РСФСР. (13.02.1941 28.03.1942). Л. 237. Автобиография Ушакова М. М.
- 27 Ныне улица Радищева.
- 28 Царскосельское Дело. 1916. 19 февраля. № 7. С. 3.
- ²⁹ *Боткина Т. Е.* Воспоминания о Царской семье // Царский Лейб-медик... С. 311.
- ³⁰ *Боткина Т. Е.* Воспоминания о Царской семье // Царский Лейб-медик... С. 313.
- 31 Мельник-Боткина Т. Воспоминания о Царской семье и её жизни до и после революции. Белград: ВКМ, 1921. С. 30.
- ³² *Боткина Т. Е.* Воспоминания о Царской семье // Царский Лейб-медик... С. 313.
- 33 Мельник-Боткина Т. Воспоминания о Царской семье и её жизни до и после революции. С. 30.
- ³⁴ *Боткина Т. Е.* Воспоминания о Царской семье // Царский Лейб-медик... С. 316.
- 35 Там же. С. 321.
- 36 Там же. С. 340.
- 37 Там же. С. 361.
- 38 Там же. С. 431.
- ³⁹ Архив УНКВД по Свердловской области Д. 02530 (0163178, 25652, 06457). По обвинению Ушакова М. М. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 4 УК РСФСР. (13.02.1941 28.03.1942). Л. 237. Автобиография Ушакова М. М.
- 40 Копия свидетельства о браке № 71 от 27 сентября 1931 года, выданное председателем Кондинского (б. Атлымского) сельсовета. Архив семьи Ушаковых.
- 41 Метрическая выпись. Архив семьи Ушаковых.
- ⁴² Архив МВД МССР. Ф. R-3397. Оп. 7. Д. 785. Vol. I. Дело о выселении № 3419/41 на семью Ушакова М. М.
- ⁴³ Архив УНКВД по Свердловской области. Д. 02530 (0163178, 25652, 06457). Л. 232–252.
- 44 Там же. Л. 284. Справка о реабилитации от 7 апреля 1958 года.

III БОТКИНСКИЕ АДРЕСА

О. О. ПРУДНИКОВА

(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

«БОТКИНСКАЯ» ТОПОНИМИКА ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА

Аннотация. На основании архивных материалов и крымских путеводителей XIX века автор впервые предпринимает попытку проследить влияние имени доктора С. П. Боткина на топонимику Южного берега Крыма, выделить основные топонимические названия, связанные с именем С. П. Боткина, а также раскрыть некоторые исторические факты пребывания доктора на Южном берегу Крыма.

Ключевые слова. С. П. Боткин, Южный берег Крыма, Ялта, Эриклик, Боткинская тропа, гостиница «Россия», улица Боткинская, Боткинская аптека.

O. O. PRUDNIKOVA

(The Saint Petersburg Roerich family Museum; Saint Petersburg)

"BOTKIN'S" TOPONYMICS OF THE SOUTH COAST OF THE CRIMEA

Abstract. On the basis of archival materials and Crimean guidebooks of the 19th century, the author for the first time makes an attempt to trace the influence of the name of Dr. Botkin on the toponymy of the southern coast of Crimea, to highlight the main toponymic names associated with the name of S. P. Botkin, and also reveal the historical facts associated with each of them.

Keywords. S. P. Botkin, Southern coast of Crimea, Yalta, Eriklik, Botkin trail, hotel "Russia", Botkinskaya street, Botkinskaya pharmac.

Судьба выдающегося медика, основоположника клинической медицины Сергея Петровича Боткина была неразрывно связана с Южным берегом Крыма. По сей день в Ялте и её окрестностях существует немало мест, связанных с доктором С. П. Боткиным.

Высочайшим приказом 22 ноября 1870 года С. П. Боткин получил назначение на должность лейб-медика Двора Его Величества, которую занимал на протяжении 17 лет. Его пациентами были семьи двух русских императоров – Александра II и Александра III. Небезызвестный факт, что супруга императора Александра II Мария Александровна была больна лёгочным туберкулёзом, и Боткин, начиная с 1872 года, наблюдал за состоянием здоровья императрицы, ведя дневник с записями течения болезни 2.

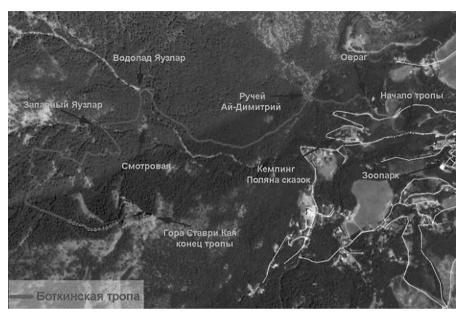
По мнению Боткина, наиболее действенной терапией туберкулёза было климатическое лечение и, начиная с 1873 года, Мария Александровна выезжала на популярные в то время климатические курорты с мягким морским климатом. Южный берег Крыма августейшая особа посещала четырежды – в 1872, 1876, 1878, 1879 годах и в этих поездках её сопровождал С. П. Боткин.

Ил. 1. Дом доктора Боткина. Современное состояние. Посёлок Горный. Фотография Ю. О. Дьяковой, 2020 год

По рекомендации лейб-медика, в предгорной части Южного берега Крыма строилось имение Эриклик. Это третье имение императорской семьи в Крыму, которое было построено в течение одного года, строительство велось в 1872–1873 годах. Имение занимало предгорную территорию между императорским имением в Ливадии и водопадом Учан-Су. Проект резиденции создавал видный архитектор А. И. Резанов, а с 1873 года руководил работами главный архитектор имения в Ливадии А. Г. Венсан³. Дворец был построен на открытом участке долины. По приказу императрицы были созданы открытые обзорные площадки, с которых открывался живописный вид на город и окрестности. Этот вид был запечатлён художником Ф. А. Васильевым, приехавшим в имение по приглашению великого князя Владимира Александровича в год постройки дворца. В состав имения Эриклик входила тропа для прогулок

и парк. В западной части парка, в стороне от царского дворца были построены отдельные здания для кухни и дома для прислуги. Дворец и два дома были соединены между собой крытыми переходами в виде галерей на колоннах с деревянными тротуарами⁴.

Ил. 2. Маршрут тропы для терренкура «Боткинская тропа». Сайт ФГБУ «Заповедный Крым», 2020 год

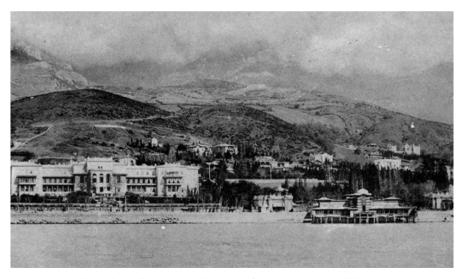
В советское время Эриклик был переименован в посёлок Горный, где была устроена здравница для рабочих. Удачное месторасположение в предгорной части обусловило получение особого статуса этих земель – территории бывшего императорского имения отнесли к Ялтинскому горно-лесному заповеднику.

Судьба главного здания печальна: дворец был утрачен в XX веке во время пожара. До наших дней сохранился лишь свитский дом или «дом доктора Боткина» [ил. 1], в котором, во время пребывания Марии Александровны в Крыму, предположительно останавливался лейб-медик С. П. Боткин.

Известно, что С. П. Боткин любил пешие прогулки и тяжело больной императрице рекомендовал чаще гулять по извилистым горным тропам. Среди местных жителей до сих пор пользуется популярностью тропа, находящаяся на территории бывшего императорского имения Эриклик, проложенная специально для прогулок Её Величества.

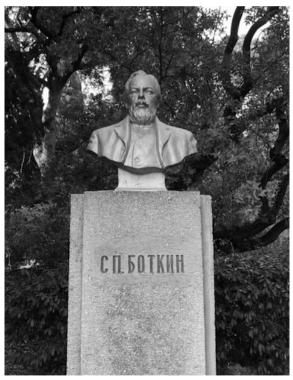
По территории Ялтинского горно-лесного заповедника пролегает ещё один популярный маршрут для пеших прогулок, названный «Боткинская тропа». В 1901 году по решению Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба, тропа для терренкура, соединяющая предгорную часть Ставри-Кая и долину водопада Учан-Су, была названа в честь С. П. Боткина. Протяжённость тропы – 4,6 км. Отправной точкой маршрута является Ялта. Тропа берёт начало на территории музея под открытым небом «Поляна сказок» [ил. 2]. Гуляя по Боткинской тропе, взору путешественника открываются природные достопримечательности – водопад и купели на реке Яузлар. Путь пролегает среди крымских сосен и видовых площадок, с которых открывается впечатляющий вид на море и город.

Ялта – в прошлом рыбацкая деревня, в 1837 году получает статус города и, спустя несколько десятилетий, становится популярным климатическим курортом для «слабогрудых» больных. В биографическом очерке доктора Н. А. Белоголового, друга С. П. Боткина, встречаем такое высказывание Сергея Петровича: «Но живописность Крыма, прелестный его климат стоят в неимоверном контрасте с отсутствием всего похожего на комфорт для злополучного путешественника. Как больничная станция, он, по моему мнению, имеет большую будущность, лишь бы появились те необходимые удобства, без которых сюда невозможно посылать больных с кошельком среднего размера. Пока же он доступен или очень богатым или людям, не отравленным европейским комфортом, но со временем займёт своё место значительно выше Монтрё, хотя никогда не перегонит Ментоны»⁵.

Ил. З. Ялта. Гостиница «Россия». Открытка конца XIX века. Частное собрание

Говоря о становлении инфраструктуры климатического курорта, стоит упомянуть роль Сергея Петровича Боткина, который неустанно твердил о целебных свойствах воздуха Южного берега Крыма и о пользе морских процедур. После назначения лейб-медиком императорской семьи Сергей Петрович стал чаше бывать в Ялте, и в 1873 году вошёл в состав почётных членов «Товарищества для содействия к распространению удобств жизни в городе Ялта». При содействии «Товарищества», на средства его членов было организовано экипажное сообщение по Южному берегу Крыма, а также построена гостиница международного класса, получившая название «Россия» [ил. 3]. В числе учредителей гостиницы был С. П. Боткин, который на время пребывания в Ялте неизменно занимал номер № 1. Гостиница находилась на первой линии набережной Ялты. Много известных людей останавливались в гостинице «Россия». Летом 1896 года в Ялту приехал петербургский нотариус Константин Фёдорович Рерих с сыновьями, о чём свидетельствуют гостевые списки гостиницы, публикуемые в летний период в газете «Ялта»⁷.

Ил. 4. Бюст С. П. Боткина в Ялте. Бронза. Архитектор Н. Л. Савицкий. Фотография Ю. О. Дьяковой, 2020 год

В августе 1876 года в гостинице остановились С. П. Боткин и тяжелобольной поэт Н. А. Некрасов. В гостинице они прожили до октября 1876 года⁸, за это время Некрасов заканчивает часть «Пир на весь мир» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» и посвящает её доктору С. П. Боткину.

Ныне гостиница «Россия» переименована в президент-отель «Таврида» и по-прежнему принимает гостей со всей страны.

В конце XIX века именем доктора назвали одну из центральных улиц, которая находилась в части города, именуемом Заречье (в 1896 году эта часть города вошла в городскую черту). Нововиноградная улица на градостроительном плане Ялты стала улицей Боткинской. В путеводителе по Крыму А. Безчинского, первое издание которого увидело свет в 1901 году, в разделе «Аптеки» появляется Аптека Гольдвера – на Боткинской. Аптека № 26 сохранилась в том же здании до наших дней, и среди местных жителей получила название «Боткинская аптека». Эта легендарная аптека работала в годы революционных событий и в годы оккупации Крыма. В аптеке изготавливали лекарства, микстуры, а также можно было узнать адреса докторов, которые вели приём в городе.

Память о докторе увековечена не только в топонимике города. В исторической части старого города на постаменте из пудожского камня установлен бюст доктора С. П. Боткина [ил. 4]. Это работа ялтинского архитектора Николая Лукича Савицкого – автора многих ялтинских скульптур. Бронзовый бюст доктора установлен в Нижнем Массандровском парке, на территории Крымского республиканского НИИ им. И. Сеченова, который специализируется на климатолечении.

Неоценимый вклад С. П. Боткина в становлении Ялты как курорта для слабогрудых больных и внимание лейб-медика к недостаточно комфортной городской инфраструктуре, а также жертвование личных средств на благоустройство города поспособствовали развитию популярного климатического курорта XIX века. Горожане чтят память о знаменитом русском враче, увековечив в городской топонимике имя Сергея Петровича Боткина.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1632. Л. 14.
- ² Журавский С. Г. Лейб-медик С. П. Боткин и пациенты дома Романовых // Исторические Боткинские чтения: Вып. І. СПб.: СПбГМИСР, 2017. С. 80–89.
- 3 РГИА. Ф. 515. Оп. 29. Д. 762. Л. 35.
- 4 Слюнькова И. Н. Эриклик в Ливадии (посёлок Горный Крымского горнолесного заповедника) // Академия. Архитектура и строительство. – М., 2019. – № 1. – С. 18–25.

О. О. ПРУЛНИКОВА

- Белоголовый Н. А. С. П. Боткин, его жизнь и врачебная деятельность. Биографический очерк доктора Н. А. Белоголового. С портретом Боткина, грав. в Петербурге К. Адтом. СПб: тип. Ю. Н. Эрлих, 1892. С. 84.
- 6 Матешко Е. Благоустройство Ялты в 1870—1880 годах // Ялтинские вести. 2018. № 11. С. 15.
- 7 Лысова Л. И. Гостиница «Россия» лучшая из лучших. [Электронный ресурс]. Сайт «Старая Ялта». Режим доступа: http://oldyalta.ru/66-gostinica-rossiya-luchsha-ya-iz-luchshih.html (Дата обращения 22 января 2021).
- ⁸ Там же.
- ⁹ Безчинский А. Путеводитель по Крыму. 108 рисунков, портретов, планов и карт. 6-е изд., испр. и доп. М.: типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1908. С. 316.

А. И. РОДЕНКОВ, К. В. ЛИХОЛАТ

(Музей архитектурной художественной керамики, Санкт-Петербург)

ОБ АТРИБУЦИИ ИЗРАЗЦОВОЙ ОБЛИЦОВКИ КАМИНА В ПЕТЕРБУРГСКОМ ОСОБНЯКЕ М. П. БОТКИНА

Аннотация. В статье авторы на основе недавно введённой ими в научный оборот изразцовой облицовки печи работы Л. П. Бонафеде во дворце в Скерневице и найденных сотрудниками Музея-института семьи Рерихов изразцов отвечают на вопрос о происхождении облицовки камина в мансардном помещении особняка М. П. Боткина.

Ключевые слова. Архитектурная керамика, изразцовая печь, керамическая мастерская Л. П. Бонафеде, И. А. Монигетти, А. К. Бруни, особняк М. П. Боткина.

A. I. RODENKOV, K. V. LIKHOLAT

(Museum of Architectural Ceramics "Keramarch", Saint Petersburg)

ON THE ATTRIBUTION OF THE FIREPLACE TILE COVERING IN M. P. BOTKIN'S MANSION IN ST. PETERSBURG

Abstract. In the article, the authors, based on the recently introduced by them into the scientific circulation of the stove tile covering made by L. P. Bonafede in the Skernevice palace and the tiles found by the researchers of the Saint Petersburg Roerich family Museum, answer the question about the origin of the fireplace tile covering in the attic room of the M. P. Botkin mansion.

Keywords. Architectural ceramics, tiled stove, ceramic workshop of L. P. Bonafede, I. A. Monigetti, A. K. Bruni, M. P. Botkin's mansion.

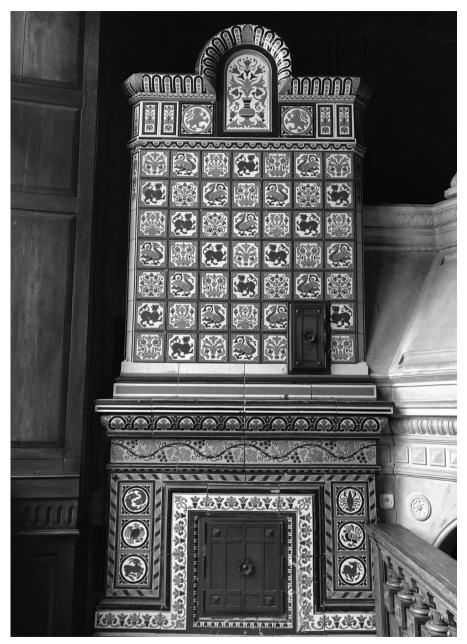
Мансардное помещение особняка художника и коллекционера М. П. Боткина в Санкт-Петербурге (В. О., 18-я линия, д. 1/41) украшает камин, облицованный изразцами с изображениями растений и причудливых животных [ил. 1]. По применённым глазурям, по очень чистым и качественным границам цветной росписи на рельефе изразцов исследователями, в том числе и сотрудниками располагающегося в доме Музея-института семьи Рерихов, высказывалось в своё время предположение об изготовлении облицовки камина в керамической мастерской Л. П. Бонафеде. Данная гипотеза требовала подтверждения, поскольку камин был установлен не ранее 1883 года, когда был надстроен мансардный этаж,

тогда как известно, что после смерти Л. П. Бонафеде в 1878 году мастерская прекратила выпуск керамики и занималась только изготовлением глазурей¹. Внести ясность помогла проведённая в 2010 году строительно-реставрационной компанией «Паллада» реставрация камина, в ходе которой был произведён демонтаж его керамической облицовки. Большая часть изразцов была в удовлетворительном состоянии, их отмыли и укрепили. Утраты черепка и глазури были восполнены методом холодной реставрации, несколько изразцов было воссоздано. Изразцы вернулись на своё историческое место, была обновлена конструкция камина, находившаяся в аварийном состоянии.

Ил. 1. Камин в особняке М. П. Боткина в Санкт-Петербурге. Установка камина – 1880-е годы. Фотография авторов после 2010 года

При визуальном анализе каждого демонтированного изразца на тыльной стороне двух изразцов нами была обнаружена подпись «С. П. Б. Л. П. Бонафеде. 1874 г.», нанесённая известным по сохранившимся архивным документам почерком в характерной для этого мастера манере цветными глазурями. Большинство остальных изразцов не отличались от подписных ни по размерам, ни по цвету черепка, ни по другим «технологическим» моментам, что позволяло их датировать также 1874 годом. Тем самым, во-первых, подтвердилось предположение о месте их производства в керамической мастерской Л. П. Бонафеде, и, во-вторых, выяснилось, что данные изразцы были изготовлены почти на десятилетие раньше времени установки камина в мансардном этаже. Как и почему изразцы известного мастера спустя почти десятилетие украсили именно этот дом? Ответ авторы попытались дать в издании, посвящённом творчеству художника-керамиста Л. П. Бонафеде². Исходя из того, что вдова Леопольда Бонафеде - Луиза Фёдоровна, младшая дочь известного художника Ф. А. Бруни, после смерти мужа унаследовала в том числе коллекцию «гончарных и стеклянных произведений, собранных отчасти на всемирных выставках, а отчасти изготовленных на собственном гончарном заводе»³, мы предположили, что академик архитектуры Александр Константинович Бруни, двоюродный брат Луизы Фёдоровны, перестраивавший особняк для М. П. Боткина и заново оформлявший его интерьеры, мог использовать какую-то часть унаследованных изразцов. В вышеупомянутом издании 2012 года был поднят также вопрос, кто являлся автором рисунков каминных изразцов. Так, скажем, в своде памятников Василеостровского района, подготовленном специалистами КГИОП Администрации Санкт-Петербурга, отмечается, что «богатая художественная отделка парадных интерьеров, включающая <....> изразцовые печи и камины, создана по рисункам А. К. Бруни»⁴. Однако авторам настоящей статьи известно, что какие-либо чертежи и эскизы печей и каминов для особняка М. П. Боткина, подписанные вышеназванным архитектором, составителями издания «Василеостровский район» не были выявлены. Конечно, в отношении местоположения и конфигурации камина, шатровой формы его завершения и львиных масок суждение о причастности А. К. Бруни представляется вполне обоснованным. Делать же вывод об авторе изображений на изразцах с учётом датировки мы посчитали преждевременным и предположили, что эскизы изразцов были созданы И. А. Монигетти, с которым тесно сотрудничал Л. П. Бонафеде, в том числе и в период изготовления облицовки камина для особняка М. П. Боткина⁵.

Ил. 2. Изразцовая печь в Скерневицком дворце (Польша). Установка печи – середина 1870-х годы. Фотография авторов, 2018 год

Вновь вернуться к вопросу о происхождении изразцовой облицовки камина побудило проведённое нами в 2018 году визуальное исследование изразцовой печи [ил. 2] во дворце в Скерневице (польск. - Skierniewice). в результате которого было выявлено следующее: изразцы центрального зеркала и частично топочной части печи во дворце отмяты с тех же самых форм, по которым была изготовлена большая часть изразцов камина из особняка М. П. Боткина, на что указывает полное совпадение их по размерам и рельефным изображениям. Одинаковы также применённые глазури. Цвет обожжённого черепка на месте сколов и на видимой части тыльной поверхности изразцов свидетельствует об идентичности в обоих случаях применённой керамической массы. Всё вышеназванное позволило сделать вывод о том, что изразцовая облицовка печи в Скерневицком дворце была изготовлена в керамической мастерской Л. П. Бонафеде. По архивным документам⁶ мы установили, что Столовая с зимним садом, в котором расположена исследуемая печь, на поэтажных планах дворца до его перестройки архитектором И. А. Монигетти для князя А. И. Барятинского в первой половине 1870-х годов отсутствует. По результатам польской командировки и архивных изысканий была опубликована статья⁷, где из рассмотренной хронологии работы И. А. Монигетти в Скерневице был сделан вывод о том, что изразцы для князя А. И. Барятинского были изготовлены примерно в те же сроки, что и изразцы камина в особняке М. П. Боткина. Там же нами было высказано предположение, что скерневицкая находка поможет ответить на вопрос о происхождении облицовки камина в особняке М. П. Боткина. И так случилось, что эти слова подтвердились вскоре после выхода упомянутой статьи. В ходе очередного посещения особняка М. П. Боткина старший научный сотрудник Музея-института семьи Рерихов Е. В. Бакалдина показала нам ряд изразцов, найденных в ходе продолжающейся реставрации дома, среди которых мы безошибочно узнали аналогичные фрагменты облицовки верхней части печи в Скерневице [ил. 3].

Тем самым, высказанное ранее предположение о поступлении изразцов камина из наследия вдовы Л. Бонафеде следовало пересмотреть. Вышеуказанная находка явилась, на наш взгляд, убедительным свидетельством того, что в особняке около 1874 года (дата, проставленная на изразцах, вмонтированных в облицовку камина, – А. Р., К. В.) была установлена и впоследствии разобрана точно такая же, как и в Скерневице, изразцовая печь, изготовленная в керамической мастерской Л. П. Бонафеде. Сделанное открытие не только позволяет разрешить загадку происхождения облицовки камина особняка М. П. Боткина, но и служит весомым доказательством в пользу И. А. Монигетти как автора рисунков изразцов.

Ил. З. Печные изразцы из особняка М. П. Боткина в Санкт-Петербурге. Сделаны в 1874 году. Фотография Н. Л. Титовой, 2020 год. Собрание СПбГМИСР

Данные выводы подкрепляются и ещё одним обстоятельством. При внимательном рассмотрении облицовки камина обнаруживается, что изразцы её верхнего ряда, заметно отличающиеся по применённым глазурям от расположенных ниже, совпадают по рисунку с изразцами третьего под карнизом ряда печи по проекту И. А. Монигетти, выполненной Л. П. Бонафеде для 14-ой Всероссийской мануфактурной выставки 1870 года [ил. 4 а] и идентичны изразцам над бочкообразными колонками центрального зеркала двух одинаковых печей в Гостиной особняка [ил. 4 б]. К данному факту следует добавить ещё одно обстоятельство: наряду с изразцами, аналогичными скерневицкой печи, сотрудниками Музея-института семьи Рерихов обнаружены и многочисленные фрагменты изразцов, идентичных изразцам печей в Гостиной. Далее, как сообщила авторам настоящей статьи Е. В. Бакалдина, установленные в углах две печи в Гостиной, на плане особняка 1880 года отсутствуют⁸. Сравнение этих печей $[u_{\Lambda}, 4 \ 6]$ с проектом И. А. Монигетти $[u_{\Lambda}, 4 \ a]$ показывает, что они, так же, как и камин в мансардном этаже, являются результатом переделки существовавших ранее изразцовых печей, находившихся в другом месте. В результате получается, что, с учётом вышеизложенного, при перестройке дома для М. П. Боткина и установке двух печей в Гостиной и камина в мансардном этаже было использовано не менее четырёх облицовок печей по проекту И. А. Монигетти, находившихся ранее в доме.

Ил. 4. Печь.

- 1) Рисунок печи Л. Бонафеде на 14-ой Всероссийской мануфактурной выставке 1870 г. Подпись под рисунком: «Печь из огнеупорных кирпичей с цветною поливою, по рисунку профессора Монигетти, исполненная на Императорском Стеклянном заводе». Воспроизведено по: Иллюстрированное описание Всероссийской мануфактурной выставки 1870 г. / Мануфактурная выставка 1870 г. Приложение к журналу «Всемирная иллюстрация». СПб., 1870. № 7–8. С. 32.
 - 2) Печь в Гостиной особняка М. П. Боткина в Санкт-Петербурге. Установка печи 1880-е годы. Фотография авторов, 2012 год

Уверенность авторов в том, что разобранные впоследствии печи находились в этом доме до его перестройки для М. П. Боткина, основывается на следующих обстоятельствах. Во-первых, в описи 1880 года сказано, что в доме были печи голландские изразчатые 10 штук, печи утермарковские 9 штук, печи русские оштукатуренные две штуки и одна хлебопекарня, а также три очага изразчатых обыкновенных⁹. Изучая не одно десятилетие историю производства и бытования отопительных устройств

в XIX века в Санкт-Петербурге, можем сказать, что «голландскими изразцовыми» печами назывались в то время глазурованные изразцовые печи (т. е. как раз такие. какие изготавливала в том числе и мастерская Л. П. Бонафеде, - А. Р., К. В.), а «очагами» - отопительные приборы открытого горения, т. е., как правило, кухонные очаги или камины в жилых помещениях. Во-вторых, у обнаруженных в особняке «бесхозных» изразцов, аналогичных печным изразцам производства Л. П. Бонафеде, румпа заполнена скрепляющим раствором, что подтверждает факт их более раннего использования в качестве фрагментов облицовки установленных печей. В-третьих, как показало проведённое нами уже упомянутое исследование творческой деятельности Л. П. Бонафеде, его керамическая мастерская никогда не работала на склад, про запас на возможный спрос, а выполняла только штучные, индивидуальные запросы на облицовки изразцовых печей для конкретных заказчиков. Интересно напомнить в связи с этим историю с изготовлением в 1873 году художником-керамистом изразцовых печей для яхты «Держава» 10. Когда заказчик хотел отказаться от одной из печей и заплатить за неё «уменьшенную, против условленной, цену с тем, что печь останется в его собственности, но Бонафеде такое предложение признал крайне для себя убыточным, так как он для подобных вещей склада не имеет, а изготовляет их исключительно по заказу»¹¹. Поэтому вероятность предположения, что через пять лет после закрытия мастерской и почти десять лет с даты, обнаруженной нами на печных изразцах, М. П. Боткин и А. К. Бруни могли найти в свободной продаже по меньшей мере четыре облицовки изразцовых печей мастерской Л. П. Бонафеде, приближается к нулю. В-четвёртых, в 1880-е годы заметно меняются стилистика в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве и, соответственно, вкусовые предпочтения заказчиков, в том числе и в печном дизайне: вместо русского стиля наибольшей популярностью стали пользоваться печи и камины в стиле неоренессанса и необарокко. А. К. Бруни, перестраивая особняк для М. П. Боткина, придал в итоге и фасаду, и, особенно, интерьерам, включая предметы декоративно-прикладного искусства, черты неоренессанса. Предположение, что вместо печей и каминов с декором в этом стиле, большой выбор которых имелся тогда в Санкт-Петербурге, А. К. Бруни и М. П. Боткин приобрели уже установленные в других домах изначально дорогостоящие изразцовые печи производства Л. П. Бонафеде, в вышедшем из моды стиле, чтобы впоследствии отдельные изразцы двух из них использовать в камине с шатровым завершением и львиными масками в стиле неоренессанса, а две других также пытаться «осовременить», изменив расположение изразцов и добавив мраморные полки, представляется маловразумительным, а с учётом высокозатратных работ по демонтажу печных облицовок, перевозке и последующей очистке от скрепляющей смеси - крайне экономически необоснованным. В-пятых, недавно авторы настоящей статьи выяснили, что коллекция «многоцветных узорных изразцов», оставшаяся после смерти Л. П. Бонафеде, в 1894 году была передана его вдовой в музей Санкт-Петербургского практического технологического института¹². (Интересно в связи с этим отметить, что в настоящее время один из изразцов этой коллекции временно экспонируется в Музее архитектурной художественной керамики, – А. Р., К. Л.). Сложно представить, зная этот факт и наличие большого количества печных изразцов, уже бывших в употреблении, с остатками скрепляющей смеси, обнаруженных в «закромах» особняка сотрудниками музея-института семьи Рерихов, что унаследованная коллекция изразцов Л. П. Бонафеде ранее служила ещё и источником комплектования печей и камина для особняка М. П. Боткина.

Вышеперечисленных аргументов, на наш взгляд, вполне достаточно для ответа на вопрос об источнике происхождения изразцов не только камина, но и печей, украшающих и поныне интерьеры особняка.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Лихолат К. В., Роденков А. И. Керамическая мастерская Леопольда Бонафеде. СПб., 2012. – С. 104.
- ² Лихолат К. В., Роденков А. И. Керамическая мастерская Леопольда Бонафеде. СПб., 2012.
- ³ Некролог Леопольда Петровича Бонафеде, прочитанный в заседании общего собрания г.г. членов Императорского Русского технического общества 22 апреля 1878 г. СПб., 1878. С. 9.
- 4 Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. Василеостровский район / Под ред. Б. М. Кирикова. СПб., 2008. С. 318.
- 5 Лихолат К. В., Роденков А. И. Керамическая мастерская Леопольда Бонафеде. СПб., 2012. – С. 85.
- 6 РГИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 353. Л. 1,2.
- ⁷ Роденков А. И., Лихолат К. В. Изразцовая печь Л. Бонафеде в Скерневицком дворце // Архитектурная керамика мира. – 2019. – № 2. – С. 38–45.
- 8 Прим. ред.: ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 2232. Л. 28.
- 9 ЦГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 5236. Л. 6. Благодарим за информацию Е. В. Бакалдину.
- 10 Лихолат К. В., Роденков А. И. Керамическая мастерская Леопольда Бонафеде. СПб., 2012. – С. 60–67.
- 11 Цит. по кн.: Лихолат К. В., Роденков А. И. Керамическая мастерская Леопольда Бонафеде. СПб., 2012. С. 63–65.
- 12 Бурлыкина М. И. Музеи высших учебных заведений дореволюционной России. Сыктывкар, 2000. – С. 181.

Посвящается памяти профессора А. Г. Булаха, выдающегося минералога и популяризатора науки.

Ю. Л. ВОЙТЕХОВСКИЙ

(Российское минералогическое общество; Санкт-Петербург)

ОРНАМЕНТЫ В ИНТЕРЬЕРЕ ОСОБНЯКА М. П. БОТКИНА. ВЗГЛЯД КРИСТАЛЛОГРАФА

Аннотация. В статье показано, что в интерьерах особняка М. П. Боткина использовано немалое разнообразие орнаментов. На основании кристаллографической теории симметрии сформулированы критерии гармоничного и эклектичного сочетаний бордюров в решетках. Даны примеры анализа орнаментов особняка М. П. Боткина.

Ключевые слова. Орнамент, бордюр, решётка, симметрия, гармония, эклектика, М. П. Боткин.

Y. L. VOYTEKHOVSKY

(Russian Mineralogical Society; Saint Petersburg)

ORNAMENTS IN THE INTERIOR OF M. P. BOTKIN'S HOUSE. A CRYSTALLOGRAPH'S LOOK

Abstract. The article shows that a considerable variety of ornaments was used in the interiors of M. P. Botkin's house. On the basis of the crystallographic theory of the symmetry, the criteria for the harmonious and eclectic combinations of the borders in the lattices are formulated. Examples of the analysis of the ornaments of M. P. Botkin's house are given.

Keywords. Ornament, border, lattice, symmetry, harmony, eclecticism, M. P. Botkin.

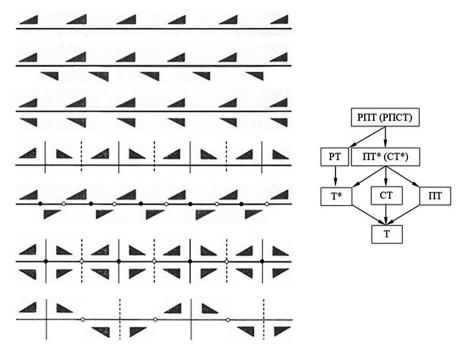
Введение

Проходя по набережной Лейтенанта Шмидта, трудно не остановиться на углу 18-й линии, чтобы полюбоваться особняком М. П. Боткина – академика живописи, искусствоведа и коллекционера произведений искусства. Дом построен по проекту Ж.-Б. Леблона под руководством Д. Трезини в 1720-х и является памятником архитектуры. М. П. Боткин приобрёл его в 1883 году. По его заказу А. К. Бруни надстроил мансарду, переделал фасад. Затем были сделаны интерьеры в манере палаццо итальянского Возрождения. Главные украшения – панели, двери, десюдепорты

с изысканной резьбой – служили и сегодня служат фоном для экспозиций, доступных для обозрения. Некогда они восхитили своим разнообразием и автора при первом посещении Музея-института семьи Рерихов, ныне располагающегося в особняке. Признаемся, что в силу профессиональных склонностей мы ищем в каждом орнаменте группы симметрии, «поверяя алгеброй гармонию», вскрывая творческую идею, вложенную в творение. Особенно интересны сочетания бордюров в решётках, для которых автором сформулированы критерии гармонии и эклектики. Такой взгляд, сочетающий анализ (разложение решёток в бордюры, бордюров – в раппорты) и синтез (обратную сборку с пониманием группы симметрии), не противоречит цельному восприятию произведений искусства.

Здесь и далее термины употребляются в традициях кристаллографии¹. Орнамент – термин общего пользования, а бордюр – фигура без особых точек, с полярной плоскостью и одной осью переносов. Полярная плоскость – это плоскость рисунка, и нас интересует лишь его лицевая сторона. Трансляция бордюра вдоль оси переносов не оставляет ни одной точки неподвижной (особой)². В искусствоведении бордюр – это кайма или полоса, обрамляющая край композиции. В нашем изложении бордюр сам является композицией (типа фриза), составленной из элементарных раппортов, размноженных в бордюр некоторой группой симметрии. Раппорт художественной композиции (например, симметричный барельеф) не всегда совпадает с кристаллографическим (в данном случае – его половинкой). Решётки – произвольные сочетания бордюров с параллельными линиями трансляции³. Их число не ограничено. Решётки не следует путать с паркетами, в которых раппорты образуют ритмический рисунок в двух направлениях. Их 17 типов, перечисленных в кристаллографии.

Немного теории. Бордюры

Ил. 1. Слева: 7 типов бордюров, сверху вниз: Т, Т*, РТ, ПТ, СТ, РПТ и ПТ*. Горизонтальная линия – направление трансляции Т, плоскостей Т* и Р. Вертикальные сплошные линии и залитые кружки – П и С в кластере. Вертикальные штриховые линии и пустые кружки – П и С, порождённые трансляциями Т и Т*.

Справа: иерархия групп симметрии бордюров. Схемы автора.

Решётки

Сочетания бордюров названы решётками, поскольку они обычны в архитектурных решётках. Но они столь же часты в декоре зданий и украшениях интерьеров. Замечено, что решётки бывают более и менее удачными. Речь идёт не о качестве изготовления и даже не о художественном достоинстве отдельных раппортов, а о ритмическом согласовании бордюров. Автором предложен критерий: решётка гармонична, если группы симметрии бордюров в ней соподчинены или совпадают, иначе она эклектична. Соподчинение групп симметрии бордюров легко установить вложением их геометрических схем [ил. 1] или буквенных символов. Группа РПТ (содержащая все возможные элементы симметрии) находится вверху, группа Т (трансляция, входящая во все группы симметрии) – внизу иерархии. Вполне ясны и промежуточные вложения [ил. 1].

Ил. 2. Бордюры ПТ в оконных решётках особняка. Фотография автора

Орнаменты особняка М. П. Боткина

Теперь мы готовы к анализу орнаментов особняка М. П. Боткина. Он встречает нас аккуратными оконными решётками, сделанными в начале XXI века, включающими три бордюра типа ПТ. Таким образом, два верхних согласуются идеально – решетка гармонична [ил. 2]. Вертикальные плоскости симметрии создают ощущение устойчивости и стабильности, отвечающее современному назначению особняка.

В интерьере в первую очередь обращают на себя внимание изразцовые печи [ил. 3]. Их конструкция и расположение приписываются А. К. Бруни. Авторство рисунков орнаментов принадлежит Л. Бонафеде или И. Монигетти. Установлено во время реставрации по надписям на обороте, что изразцы изготовлены в керамической мастерской Л. Бонафеде в 1874 году, задолго до постройки мансарды в начале 1880-х⁴, следовательно, для других целей. Рассматривать их можно долго – столь разнообразны сюжеты, цвета и качество майолики, способы сочетания изразцов. Мысли разбегаются в попытке понять замыслы архитектора. Максимально сокращая описание, перечислим типы бордюров, использованных в оформлении печей.

Ил. 3. Изразцовые печи особняка М. П. Боткина

На иллюстрации 3, слева, сверху вниз: цветочный мотив – ПТ; уголки синего и красного цвета - ПТ с цветом и ПТ* без цвета; синий зигзаг -ПТ*: широкий геометрический бордюр с переплетениями – СТ: двушветная плетенка - СТ с цветом и без цвета (во втором случае шаг трансляции вдвое меньше); цветочный бордюр - Т; зелёный геометрический бордюр – ПТ*; оранжевые квадраты с белыми оторочками – РПТ.

На иллюстрации 3, справа, сверху вниз: широкий геометрический бордюр с переплетениями (аналог рассмотренного выше) - СТ; цветочный бордюр - Т (переплетение двух бордюров ПТ); зелёный зигзаг с жёлтыми треугольниками (могут рассматриваться раздельно) – ПТ*; красные квадраты с жёлтыми оторочками (аналог рассмотренного выше) - РПТ; цветочный бордюр (внизу) - ПТ; двуцветная плетёнка (слева и справа, аналог рассмотренного выше) - СТ с цветом и без цвета.

Ил. 4. Вверху: бордюр «виноградная лоза», современный вид; в центре: то же, авторская реконструкция*.

Внизу: бордюр «меандр» в оформлении пола. Фотография 2021 года

Отдельно рассмотрим бордюр «виноградная лоза» [ил. 4, вверху]. В первом приближении он имеет симметрию Т и состоит из трёх ритмов, стыкующихся с нарушением узора – пострадали гроздья винограда. На стыках живая плодоносящая лоза дважды изломана, что противоречит идее бордюра. Но левый фрагмент позволяет реконст-

Кристаллографический анализ подсказал гипотезу, которая оказалась верна. На польском камине, бывшем идентичным первоначальному камину, впоследствии установленному в мансарде особняка М. П. Боткина, «виноградная лоза» такая же, как и на реконструкции. Изображение печи в Скерневицком дворце (Польша) представлено в настоящем сборнике, на стр. 216

руировать его [ил. 4, в центре]. В этом виде он имеет ранее не встреченную симметрию T^* и состоит из четырёх ритмов. Нетрудно убедиться, что реконструкция невозможна разборкой бордюра по стыкам и перестановкой изразцов. Имеющиеся части не позволяют организовать вторую половину последнего ритма. Это означает, что бордюр не нарушен при реставрации, а изначально представлял собой «архитектурную опечатку».

Завершая описание печей, заметим, что в организации панелей архитектор сознательно избежал симметрии. Изразцы с изображениями растений и фантастических животных расположены почти хаотично, с локальными порядками. Кристаллографическая теория паркетов здесь не применима. Нельзя обойти вниманием и бордюр «меандр» с симметрией СТ в оформлении пола [ил. 4, внизу]. Это один из самых популярных бордюров в архитектурном убранстве Санкт-Петербурга с его реками и каналами, отсылающий наблюдателя к греческому Меандру. Известно, что меандрирует лишь старая река, ожидающая тектонического обновления истока. «Меандр» навевает настроение, отвечающее историческому характеру особняка.

Выводы

Авторское восприятие сочетаний бордюров сводится к следующему [ил. 1]: (1) чем ближе соподчиненные группы симметрии бордюров в иерархии, тем гармоничнее решетка; (2) группа симметрии Т выражает поступательное движение в чистом виде; (3) три группы симметрии содержат центр инверсии С, но группа СТ наиболее сильно выражает вращение; (4) группы симметрии Т и СТ плохо сочетаются с группами, содержащими плоскости П, перпендикулярные к Т и вызывающие ощущение равновесия; (5) группа симметрии РПТ, старшая в иерархии, совместима с любой другой и играет роль фона, на котором сочетаются (или нет) другие группы; (6) группа симметрии Т, младшая в иерархии, согласуется с любой другой, но не везде уместна по указанной далее причине; (7) архитектурный замысел решетки – акцент на поступательном или вращательном движении или покое – должен отвечать месту; это замечание выходит за рамки кристаллографии, но уместно ввиду приложений.

В оформлении рассмотренных печей использованы по пять из семи типов бордюров тех же групп симметрии почти с той же частотой. В первой отмечается повышенная частота бордюра ПТ*. Три бордюра повторены в обеих печах. Сочетание бордюров с группами симметрии от примитивной Т до максимальной РПТ здесь гармонично, ведь печь – это уют, покой (группы РПТ, ПТ*, ПТ), но пламя – это движение, изменчивость (СТ, Т). Ощущение потоков тепла в мансарде усиливается беспорядком в орга-

низации печных панелей. Не поддаётся простой интерпретации отсутствие в оформлении печей бордюров двух соподчиненных групп симметрии РТ и Т*. Есть соблазн связать это с личными предпочтениями архитектора. Но, скорее, причина гораздо проще. А. К. Бруни наилучшим образом использовал сохранившиеся в запасниках изразцы, полученные от двоюродной сестры Л. Ф. Бонафеде, дочери художника Ф. А. Бруни и вдовы Л. Бонафеде. После его кончины в 1878 году мастерская керамику не выпускала.

Благодарности

Автор благодарен сотруднице Музея-института семьи Рерихов Е. В. Бакалдиной за предоставление фотографий и консультации по истории особняка М. П. Боткина и мастерской Л. Бонафеде.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Шубников А. В. Симметрия. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1940; Шубников А. В., Копцик В. А. Симметрия в науке и искусстве. – М., Ижевск: Ин-т компьютерных исследований. 2004.
- ² Войтеховский Ю. Л. Из опыта преподавания. VI. Симметрия бордюров // Вестник геонаук. -2020. -№ 8. -C. 28–31.
- ³ Войтеховский Ю. Л. Из опыта преподавания. VII. Соподчинение групп симметрии и кристаллографический критерий гармонии // Вестник геонаук. 2021. № 1. С. 25–28.
- 4 Лихолат К. В., Роденков А. И. Керамическая мастерская Леопольда Бонафеде. СПб.: Коллекция, 2012. – С. 81–89.

ОБ АВТОРАХ

Бакалдина Елена Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов.

Благово Никита Владимирович – заведующий отделом «Музей истории школы К. И. Мая» Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов.

Бровкина Татьяна Юрьевна – заведующая Музеем Николаевской гимназии (Государственное бюджетное учреждение дополнительного образования «Центр детско-юношеского технического творчества и информационных технологий Пушкинского района Санкт-Петербурга).

Валиев Мурат Тимурович - руководитель проекта «Общество друзей школы К. Мая» (www.kmay.ru), Санкт-Петербург.

Войтеховский Юрий Леонидович – доктор геолого-минералогических наук, профессор кафедры кристаллографии, минералогии и петрографии Санкт-Петербургского Горного университета, вице-президент Российского минералогического общества.

Ганф Татьяна Иннокентьевна – член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, Санкт-Петербург.

Дмитриев Андрей Петрович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, заведующий Центром по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени, Сантк-Петербург.

Журавский Сергей Григорьевич – доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник лаборатории слуха и речи Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова.

Капырина Светлана Леонидовна – научный сотрудник и хранитель отдела живописи второй половины XIX –начала XX века Государственной Третьяковской галереи, Москва.

Ковалевский Александр Васильевич – директор музея истории Мариинской больницы, Санкт-Петербург.

Кривцова Елена Владимировна – главный хранитель фондов Областного государственного казённого учреждения «Государственный архив Белгородской области».

Лихолат Константин Викторович – директор Музея архитектурной художественной керамики «Керамарх», Санкт-Петербург.

Ментюкова Ольга Константиновна – заведующая сектором в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи, Москва.

Микитюк Владимир Петрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра экономической истории ФГБУН Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург.

Никонорова Лариса Вениаминовна – заместитель директора детской воскресной школы при храме во имя иконы Божьей Матери «Неупиваемая Чаша», Санкт-Петербург.

Новаковская-Бухман Светлана Михайловна – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея, Санкт-Петербург.

Прудникова Ольга Олеговна – методист по музейно-образовательной деятельности Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов.

Роденков Андрей Иванович – кандидат экономических наук, доцент, научный консультант Музея архитектурной художественной керамики «Керамарх», Санкт-Петербург.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГЭ	Архив Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург
АН	Академия наук
ВА ГРМ	Ведомственный архив Государственного Русского музея, Санкт-Петербург
BMA	Военно-медицинская академия, Санкт-Петербург
ГАБО	Государственный архив Белгородской области, Белгород
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации, Москва
ГАСО	Государственный архив Свердловской области, Екатеринбург
ГМИИ	Государственный музей изобразительного искусства имени А. С. Пушкина, Москва
ГМИГ	Государственный музей искусств Грузии, Тбилиси
ГРМ	Государственный Русский музей, Санкт-Петербург
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея, Москва
ГЭ	Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
ИАХ	Императорская Академия художеств
ИВМА	Императорская Военно-медицинская академия
иимк	Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург
ИМХА	Императорская Медико-хирургическая академия
ИОПХ	Императорское Общество поощрения художеств
КГИОП	Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры, Санкт-Петербург
кпхо	Книга поступлений Художественного отдела Русского музея, Санкт-Петербург
M	Москва
МАК	Материалы по археологии Кавказа, Санкт-Петербург
мвд	Министерство внутренних дел
МССР	Молдавская Советская Социалистическая Республика
нии	Научно-исследовательский институт

нквд	Народный комиссариат внутренних дел
оим ннииоз	Отдел истории медицины Национального научно-ис- следовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко, Москва
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва
ОР ГТГ	Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург
Пг	Петроград
РАН	Российская академия наук
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства, Москва
РГИА	Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
РО ИРЛИ РАН	Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург
РОКК	Российское отделение Красного Креста
РСФСР	Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика
РФ	Российская Федерация
СПб	Санкт-Петербург
СПбГМИСР	Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов
СПбИИ	Санкт-Петербургский институт истории
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
США	Соединённые Штаты Америки
УК	Уголовный кодекс
унквд	Управление Народного комиссариата внутренних дел
ЦГА г. Москва	Центральный государственный архив города Москва.

ЦГИА СПб	Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга	
ЦГАЛИ СПб	Центральный государственный архив литературы и искусства г. Санкт-Петербурга	
ЧГМИИ	Челябинский государственный музей изобразительных искусств	
ЮНЕСКО	UNESCO – United Nations Educational Scientific and Cultural Organization – Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры	
N. Y.	New York	

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ 2021 ГОДА

2021	290 лет со дня рождения Конона Афанасьевича Боткина (1731—14.01.1788).
2021	260 лет со дня рождения Аграфены Кононовны Агеевой, урождённой Боткиной (1761—?).
2021	190 лет со дня рождения Петра Петровича Боткина (30.06.1831—03.07.1907).
2021	190 лет со дня рождения Михаила Ананьевича Нурова (1831— 15.01.1880), мужа Екатерины Николаевны Боткиной.
2021	165 лет со дня рождения Веры Дмитриевны Долинской, урождённой Боткиной (1856—08.08.1891).
2021	140 лет с года смерти Дмитрия Даниловича Малашкина (1802—1881), мужа П. Г. Боткиной.
2021	115 лет со дня рождения Марианны Александровны Боткиной (1906—1947).
2021	90 лет с года смерти Петра Дмитриевича Боткина (27.09.1865—1931).
2021	75 лет с года смерти Ольги Владимировны Боткиной, урождённой Мануйловой (04.11.1872—1946).
2021	70 лет с года смерти Людмилы Сергеевны Боткиной (17.07.1886—1951), в замужестве Чеховой-Боткиной.
2021	65 лет со дня смерти Николая Любимовича Конна (1883— 1956), мужа Елизаветы Сергеевны Боткиной.
2021	65 лет с года смерти Надежды Ивановны Мясново, урождённой Щукиной (27.07.1858—1956), внучки П. К. Боткина.
2021 2 января	135 лет со дня рождения Ивана Сергеевича Щукина (02.01.1886—1975), правнука П. К. Боткина.
2021 4 января	130 лет со дня смерти Надежды Михайловны Боткиной (14.06.1890 — 04.01.1891).
2021 8 января	120 лет со дня рождения Михаила Николаевича фон Эндена (08.01.1901— 26.06.1975), сына Екатерины Михайловны Боткиной.
2021 10 января	85 лет со дня смерти Сергея Ивановича Щукина (27.06.1854—10.01.1936), внука П. К. Боткина.

2021 19 января	130 лет со дня смерти Пелагеи Гавриловны Боткиной (9.12.1821 — 19.01.1891), в замужестве Малашкиной.
2021 13 февраля	170 лет со дня рождения Александры Ивановны Щукиной (13.02.1851—1912), в замужестве Люциус, внучки П. К. Боткина.
2021 13 марта	85 лет со дня смерти Александра Сергеевича Боткина (16.11.1866 — 13.03.1936).
2021 18 марта	180 лет со дня смерти Анны Ивановны Боткиной, урождённой Постниковой (1805—12.03.1841), жены П. К. Боткина.
2021 9 апреля	80 лет со дня смерти Юрия (Георгия) Евгеньевича Боткина (08.10.1895 — 09.04.1941).
2021, 22 апреля	145 лет со дня рождения Николая Михайловича фон Эндена (22.04.1876— 02.06.1961), мужа Екатерины Михайловны Боткиной.
2021 6 мая	120 лет со дня рождения Нины Сергеевны Боткиной, в замужестве Белевской-Жуковской (06.05.1901 — 16.10.1966).
2021 15 мая	240 лет со дня рождения Петра Кононовича Боткина (15.05.1781 — 02.08.1853).
2021 20 мая	150 лет со дня рождения Виктора Сергеевича Боткина (20.05.1871— после 1922)
2021 21 мая	105 лет со дня смерти Веры Петровны Гучковой, урождённой Боткиной (11.03.1862— 21.05.1916).
2021, 2 июня	60 лет со смерти Николая Михайловича фон Эндена (22.04.1876— 02.06.1961), мужа Екатерины Михайловны Боткиной.
2021 3 июля	170 лет со дня рождения Владимира Дмитриевича Малашкина (03.07.1851—1905), внука Г. К. Боткина.
2021 17 июля	135 лет со дня рождения Людмилы Сергеевны Боткиной (17.07.1886—1951), в замужестве Чеховой-Боткиной.
2021 27июля	130 лет со дня рождения Серафимы Васильевны Бородулиной (27.07.1891— после 1935), приёмной дочери А. С. Бородулиной, урождённой Боткиной.
2021 3 августа	135 лет со дня смерти Алексея Сергеевича Боткина (09.02.1882 — 03.07.1886).
2021, 8 августа	130 лет со дня смерти Веры Дмитриевны Долинской, урождённой Боткиной (1856—08.08.1891).

2021 2 сентября	160 лет со дня рождения Петра Сергеевича Боткина (02.09.1861 — 07.1933).	
2021 12 сентября	130 лет со дня рождения Сергея Евгеньевича Боткина (12.09.1891 — 16.03.1893).	
2021 21 сентября	190 лет со дня смерти Александры Васильевны Боткиной, урождённой Хомутинниковой, первой жены Николая Дмитриевича Боткина.	
2021 16 октября	55 лет со дня смерти Нины Сергеевны Боткиной, в замужестве Белевской-Жуковской (06.05.1901 — 16.10.1966).	
2021 21 октября	160 лет со дня рождения Фёдора Владимировича Боткина (21.10.1861 — 04.03.1905).	
2021, 22 октября	195 лет со дня рождения Дмитрия Николаевича Боткина (22.10.1826 — 19.02.1902).	
2021 22 октября	130 лет со дня рождения Александры Сергеевны Боткиной (22.10.1891— 22.08.1985), в первой браке Хохловой.	
2021 2 ноября	180 лет со дня рождения Николая Дмитриевича Малашкина (02.11.1841—1905), внука Г. К. Боткина.	
2021 9 ноября	220 лет с момента создания чаеторговой фирмы Петра Кононовича Боткина, впоследствии получившей название «Петра Боткина сыновья».	
2021 13 ноября	55 лет со дня смерти Елены Алексеевны Боткиной, урождённой Абаза (04.06.1894— 13.11.1966), жены Ю. Е. Боткина.	
2021 16 ноября	155 лет со дня рождения Александра Сергеевича Боткина (16.11.1866 — 13.03.1936).	
2021 9 декабря	200 лет со дня рождения Пелагеи Гавриловны Боткиной (9.12.1821 — 19.01.1891), в замужестве Малашкиной.	
2021 27 декабря	210 лет со дня рождения Василия Петровича Боткина (27.12.1811 — 10.10.1869).	

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции5	5
БОТКИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ	7
Т. И. ГАНФ	
Протоиерей Пётр Алексеевич Смирнов – Автор прощальных слов о Василии, Павле и Сергее Боткиных 8	3
А. В. Ковалевский	
Ученик и последователь С. П. Боткина В. И. Алышевский, главный врач Мариинской больницы20)
Воспоминания В. В. Алышевского о семье Боткиных33	3
С. М. Новаковская-Бухман	
Два древнегрузинских медальона из коллекции М. П. Боткина)
Е. В. Кривцова	
Вклад Боткиных в социально-экономическое развитие Белгородского уезда Курской губернии (по материалам Государственного архива Белгородской области)	5
Л.В.Никонорова Иконография святого Евгения Боткина64	1
А. П. Дмитриев	
Работы Б. Ф. Егорова о Боткиных	3
БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ 77	7
Е. В. Бакалдина, С. Л. Капырина	
Забытый художник Сергей Петрович Постников78	3
В. П. Микитюк	
Михаил Ананьевич Нуров – предприниматель и общественный деятель99)
С. Г. Журавский	
Особенности критического мнения С. П. Боткина:	
влияние натуры и черты эпохи (по материалам личных документов 1877 года)	า
IIIO MAICHNAMAM MNAHDIX AOKYMCHIOB 10// IOAAJ	J

Е. В. Бакалдина		
Деятельность М. П. Боткина		
в Санкт-Петербургском городском управлении	123	
О. К. МЕНТЮКОВА		
Кругосветное путешествие А. С. и М. П. Боткиных		
1900-1901 годов (по архивным материалам, поступив	шим	
в ОР ГТГ в 2019 году)		
Т. И. ГАНФ		
Врачебная династия семьи Булах. Пересечения с Ботки	ными164	
Н. В. Благово, М. Т. Валиев		
Судьбы одноклассников С. М. Боткина	176	
Т. Ю. Бровкина		
Царскосельское окружение Боткиных. Тевяшовы – Ушаковь		
БОТКИНСКИЕ МЕСТА	205	
О. О. Прудникова		
«Боткинская» топонимика южного берега Крыма	206	
А. И. Роденков, К. В. Лихолат		
Об атрибуции изразцовой облицовки камина		
в петербургском особняке М.П.Боткина	213	
Ю. Л. Войтеховский		
Орнаменты в интерьере особняка М. П. Боткина.		
Взгляд кристаллографа	222	
ОБ АВТОРАХ	230	
Список сокращений		
Памятные даты 2021 года		

Исторические Боткинские чтения: Вып. IV. – СПб.: Издание СПбГМИСР, 2021. – 240 с.

Иллюстрированное научно-художественное издание

Исторические Боткинские чтения

Выпуск IV

Главный редактор А. А. Бондаренко Научный редактор Е. В. Бакалдина Литературный редактор Ю. Ю. Будникова Редактор, корректор Н. К. Матвеева Выпускающий редактор А. А. Савкина Художник буквы «Б» С. В. Сорокина-Неймарк Вёрстка – А. С. Конанчук

Иллюстрации, опубликованные в сборнике, предоставлены и атрибутированы авторами статей.
Написание имен и наименований воспроизводится по авторскому тексту.
Все даты, упоминаемые авторами статей, даны в соответствии со временем описываемых ими событий.
Цитаты даются с сохранением орфографии подлинника, но, по возможности, в современной пунктуации

Формат $60 \times 90^{-1}/_{16}$ Бумага офсетная. Печать офсетная Усл. печ. л. 28. Тираж 500 экз. Заказ 48.

Отпечатано в типографии 000 «Литография Принт» 191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, дом 8, офис 14 www.litobook.ru e-mail: info@litobook.ru Тел.: +7 (812) 712-02-08

